

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2022**

3

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryshchenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berebekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2022-3

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 3 (215) 2022 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 3 (215) 2022*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Егорова О.А. К вопросу о понимании античной диалектики	4
Забирова А.И. История изучения проблемы мультикультурализма в философско-культурном аспекте	16
Парунова Ю.Д. Логические методы в правовой аргументации	21
Чикаева Т.А. Современная мировоззренческая миссия образования	27

Egorova O.A. To the Question of Understanding Ancient Dialectics	4
Zabirova A.I. The History of Studying the Problem of Multiculturalism in the Philosophical and Cultural Aspect	16
Parunova Yu.D. Logical Methods in Legal Argumentation	21
Chikaeva T.A. Modern Ideological Mission of Education	27

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

Булавинцев Н.В. Протесты мая 1968 года во Франции глазами зарубежных исследователей: конфликт нарративов	33
Гапсаламов А.Р., Васильев В.Л., Бочкарева Т.Н., Ахметшин Э.М. Размышление о первых опытах создания системы управления экономикой (1917 – начало 1920-х годов)	38
Гречишкина С.А. Экономика и миграционные процессы в США конца XIX – начала XX века ...	45
Егорышев В.Н. История возникновения мародёрства и его распространение в армии Наполеона	54
Касьянов В.В., Баранов А.В., Яхутль Ю.А. Современные оценки взглядов большевиков на государственно-правовые формы создания Союзного государства – СССР	60
Попенков О.Н., Буркут С.И. К вопросу об исторических корнях исламского терроризма на Ближнем Востоке	68

Bulavintsev N.V. The Protests of May 1968 in the Eyes of Researchers: Conflict of Narratives	33
Gapsalamov A.R., Vasilev V.L., Bochkareva T.N., Akhmetshin E.M. Reflection on the First Experiences in Creating the Economic Management System (1917 - Early 1920s)	38
Grechishkina S.A. Economy and Migration Processes in the USA in the Late 19th – Early 20th Century	45
Egoryshev V.N. The History of the Emergence of Looting and Its Spread in Napoleonic Army ...	54
Kasyanov V.V., Baranov A.V., Yakhtul Yu.A. Modern Assessments of the Views of the Bolsheviks on the State-Legal Forms of the Creation of the Union State – The USSR	60
Popenkov O.N., Burkut S.I. On the Question of the Historical Roots of Islamic Terrorism in the Middle East	68

Щекатунов О.В., Малыхин К.Г. Большеви́стская модернизация России и индустриальный кадровый потенциал на Дону в 1920-е годы 75

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Жаде З.А., Романенко М.А. «Искатели утопии»: к юбилею профессора Т. С. Паниотовой ... 85

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Кислицын С.А. Выдающийся донской историк профессор А.В. Лубский (1947–2020) 89

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Денисов В.В., Крючков А.Б. К незабываемым событиям под Вязьмой (Трагедия и героизм советских воинов в октябре 1941 года: под грифом «Сов. секретно» / авт.-сост. В.К. Бураков. Краснодар: Рекламный дом Кубани, 2021. 292 с.). 94

Дзидзоев В.Д. Государство сильно сознательностью граждан, коллективным терпением и поддержкой соседей (*Чибиров Л.А.* Южная Осетия. Становление государства : в 3 т. Владикавказ; Цхинвал: Абетае, 2019, 2021, 2022) 97

Ищенко А.С. У истоков консерватизма в России (*Гриценко К.А.* Князь М.М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2021. 182 с.) 101

Узнародов И.М. Политические институты Турции и модернизация турецкого общества (*Вартаньян Э.Г.* Социально-политическая система Турецкой Республики: история и современность. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2021. 225 с.) 105

Schekatunov O.V., Malikhin K.G. Bolshevik Modernization of Russia and Industrial Personnel Potential in the Don Region in the 20s 75

OUR PERSONS

Zhade Z.A., Romanenko M.A. “Seekers of Utopia”: to the Anniversary of Professor T. S. Paniotova 85

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Kislitsyn S.A. Prominent Don Historian Professor A.V. Lubsky (1947-2020) 89

BOOK REVIEWS

Denisov V.V., Kryuchkov A.B. To Unforgettable Events near Vyazma (Tragedy and heroism of Soviet soldiers in October 1941: classified as “Soviet secret” / author-comp. V.K. Burakov. Krasnodar: Kuban Advertising House, 2021. 292 p.) 94

Dzidzoev V.D. The State is Strong with the Consciousness of Citizens, Collective Patience and Support of Neighbors (*Chibirov L.A.* South Ossetia. The formation of the state. In 3 vol. Vladikavkaz; Tskhinval: Abetae Publ.; 2019, 2021, 2022) 97

Ishchenko A.S. At the Origins of Conservatism in Russia (*Gritsenko K.A.* Prince M.M. Shcherbatov and the conservative trend of Russian socio-political thought of the second half of the 18th century. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2021. 182 p.).. 101

Uznarodov I.M. Turkey's Political Institutions and Modernization of Society (*Vartanyan E.G.* Socio-Political System of the Turkish Republic: History and Modernity. Krasnodar: Kuban State University Press, 2021. 225 p.) 105

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 111.8 + 165 (165.1; 165.2; 165.4) + 17 (172.1; 177.2; 179)
doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-4-15

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ АНТИЧНОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Ольга Анатольевна Егорова

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия,
egorovaoa@susu.ru

Аннотация. Рассматривается диалектика проблемы оснований познания и бытия человека в классической античной философии. Прослеживается преемственность в понимании значения диалектики в исследовании универсальных оснований познания и бытия человека как конструктивных идеальных сущностей объективного порядка в учениях Сократа, Платона и Аристотеля, раскрывается противоположность рационального подхода позициям софистов, базирующихся на субъективизме и релятивизме. Показываются особенности диалектики как метода поиска сущности (истины) в диалоговой форме посредством принципов и понятий, связанных с объективными формами бытия, ее значение в таких формах, как диалектика спора, исследование противоречий, научно-философских проблем и основ нравственного бытия человека.

Ключевые слова: рациональность, релятивизм, диалектика, софистика, объективность, субъективность, сущность, форма, понятие, идея, противоречие, принципы диалектического познания, диалог (спор), добродетели

Для цитирования: Егорова О.А. К вопросу о понимании античной диалектики // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 4–15.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

TO THE QUESTION OF UNDERSTANDING ANCIENT DIALECTICS

Olga A. Egorova

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia,
egorovaoa@susu.ru

Abstract. The article deals with the issue related to development of dialectics in opposite to sophistry in the classical antique philosophy. The author examines the special features of the antique rationalism as the premises of dialectics formation in the antique philosophy. The author considers the epistemological basis and negative consequences of the relativistic positions of the sophists in the cognition and moral being. Then the author traces a continuity in understanding the meaning of dialectics as a method of searching for the essence (truth) connected with a dialogic conceptual form of rational cognition in the Socrates', Plato's and Aristotle's studies. It is stated in the paper that classical antique dialectics was developed as a method of true knowledge of the ideal essences as the universal constructive intelligible reasons of rational cognition and human existence. Also it was the discipline about the first universal transcendental principles of all sciences conceived by reason and method of research of scientific and philosophical problems. The paper shows the application of dialectics in the study of the ethical and socio-political aspects of human existence. The author makes the conclusion that the dialectics researches of the universal reasons of rational cognition and human existence, connected with the objective forms of being and antique rationality, is characterized by an orientation on the deep interrelation of problems of cognition and moral being.

© Егорова О.А., 2022

Keywords: rationality, relativism, dialectics, sophistry, objectivity, subjectivity, essence, form, concept, idea, contradiction, principles of dialectical cognition, dialogue, virtues

For citation: Egorova O.A. To the Question of Understanding Ancient Dialectics. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):4-15. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В осмыслении фундаментальной философской проблемы «оснований человеческого бытия и мышления» [1, с. 98] одной из ключевых тем является исследование роли рациональных оснований познания и бытия человека, ибо стремление осуществлять «анализ и прояснение оснований, исходных принципов и понятий – важнейший элемент культуры рациональности в теоретических исследованиях» [2, с. 20]. Актуальность темы обусловлена необходимостью сохранения и развития античной формы рационального познания и понимания бытия человека «как одной из основ современности» [3, с. 29], связана со способностью на основе «сущностных характеристик феномена рациональности противостоять современным тенденциям релятивизма» [4, с. 22], а также различным деформациям рациональности, выступающим в виде догматизированных теорий, планов, проектов принудительного «тотального преобразования действительности – общества, людей, природы» [5, с. 93], которые искажают понимание рациональности, «способствуют обвинению ее в бездушии и бездуховности» [5, с. 94], развитию антирационалистических тенденций, которые «могут составлять среду для агрессивных авторитарных идеологий фашистско-популистского или расистско-националистического типа» [6, с. 14].

Исходя из понимания, что в античной классике отсутствует противопоставление теории, мира «идеальных сущностей» реальной душевной жизни человека и его поступкам, можно утверждать, что уже в античности была заложена установка на рациональное постижение мира как способ духовно-нравственного бытия и совершенствования человека. В этой связи в работах П. Адо [7], А. А. Гусейнова [8], М. К. Мамардашвили [1, 3], А. Новикова [9], В. С. Швырева [10] подчеркивается значимость не только мировоззренческой объективной стороны античной философии, выступающей в форме аппарата понятий, представлений и действий, но и ее бытийной, личностной формы и образа жизни, задающего импульс философского рефлексирования. В ней утверждается рациональный путь человеческого развития как «не только продуманный и сбалансированный, но нравственный путь, где знание не подавляет совести» [9, с. 49], а духовно-нравственная ориентация основана на одном из фундаментальных принципов разума в жизнедеятельности человека – «принципе единства истины и блага, истины и добра» [8, с. 5]. Поэтому понимание гносеологии базируется на положении, что «познание становится одновременно поиском того, что достойно избрания» [8, с. 7] и воздействует на исходные ориентиры человеческого бытия.

Научно-философская значимость исследования темы для современной онтологии и теории познания, философии и методологии науки, этики связана «с фундаментальным типом рефлексии, заложенным в античности» [2, с. 20] как ориентация на поиск сущностных оснований бытия и мышления, как познавательная стратегия, связанная с выдвинутыми в античности принципами объективности и понятности, рационального обоснования, единства истины и блага, добра. В трудах отечественных и зарубежных мыслителей была установлена значимость диалектики в развитии европейской научно-философской традиции, связанной с разработкой принципов и методов поиска оснований познания и бытия человека. Ее роль раскрывалась в связи с исследованием объективных и субъективных оснований бытия и познания, с постановкой проблемы истины в философии и науке, с обращением к познавательным процедурам, методологии поиска истины и ее критериев. Однако в работах А. С. Богомолова [11], В. С. Швырева [10], О. Платоненко [12], И. Ощепкова [13] отмечается недостаточность исследований диалектики, ее места в системе философии и методологии познания, в ракурсе истории научной мысли, спорность многих ее вопросов, необходимость обращения к ее истокам. Поэтому *цель* работы – выяснить значение и специфику диалектики в исследовании оснований познания и нравственного бытия человека в учениях Сократа, Платона и Аристотеля, выявляя особенности рационального подхода в противоположность релятивизму софистов.

1. Рассматривая теоретико-познавательные предпосылки развития диалектики в классической античной философии, сложившиеся в ранний, досократический период, на основе работ Ф. Кессиди [14–17], М. Мамардашвили [18, 19], О. М. Платоненко [12], В. В. Соколова [20, 21], необходимо указать, что диалектика развивалась в условиях специфики античного рационализма. *Во-первых*, в связи с осознанием недостаточности лишь эмпирического уровня познания в сфере научно-философского знания в ранней античности сформировалась ориентация на теоретическое понимание всеобщего миропорядка, осмысление сущностных проблем бытия и познание истины посредством образно-понятийного, созерцательно-абстрактного мышления.

Во-вторых, осознание противоположности мира мнений и мира истины, чувственного и теоретического познания в качестве двух сторон единой целостности в досократической философии привело к пониманию *формы* как объективного порядка (*логоса*), бытия существующего и *разума* как области особого конструктивного мышления, направленного на поиск оснований бытия. Поэтому диалектика понималась как исследование бытия и мышления, познания и деятельности посредством совмещения противоположностей, была связана с поиском и обсуждением условий, порождающих оснований бытия и познания в виде особых конечных форм, как предельно-мыслимых сущностей, выраженных в понятиях.

Средством понимания и выражения диалектики бытия и познания стали многозначные смыслообразы, понятия и парадоксы. В элейской и пифагорейской философии был сформулирован вопросно-ответный способ анализа противоречий в представлениях и мышлении, также выделялись противоположности, результат смешения, слияния которых в единое трактовался в виде гармонии.

В учении Гераклита разрабатывалась мысль о диалектическом единстве (гармонии) и борьбе противоположностей как противоречивой природе всех вещей и космоса. Исследователи античности отмечают в ранней диалектике трактовку единства противоположностей как в форме относительного преобладания одной из сторон над другой, так и в форме напряженного равновесия или держания разнонаправленных противоположностей, утверждение гармонии в виде согласия разногласного и борьбы противоположностей. Также был установлен «положительный» смысл диалектики, связанный с постановкой, осмыслением и выражением проблем в форме понятия, а термин «отрицательная диалектика» характеризовал противоречивость, парадоксальность проблем бытия и познания.

Таким образом, на основе анализа работ, связанных с античной философией, можно заключить, что диалектика развивалась в условиях античного рационализма, которому был присущ абстрактно-теоретический и созерцательно-чувственный характер. Диалектика стала способом исследования противоречивости познания и бытия, единства (гармонии) и борьбы противоположностей, принимающих различные формы. Также диалектика способствовала развитию искусства спора и диалога, получившего широкое значение в учениях софистов и мыслителей античной классики Сократа, Платона, Аристотеля. Однако в учениях софистов вырабатывался релятивистский подход в исследовании проблем познания и трактовке бытия человека в отличие от диалектического подхода учений Сократа, Платона и Аристотеля.

2. Раскрывая гносеологическую основу, специфику и негативные следствия учений софистов, опираясь на работы П. П. Гайдено [22], А. А. Гусейнова [23], Ф. Кессиди [14–17], М. Мамардашвили [18, 19], А. Ф. Лосева [24], В. Лекторского [25], выделим следующие положения. *Во-первых*, по причине присущей софистам ориентации на субъективность в исследовании познания и бытия человека, на связь их деятельности с платным преподаванием разных наук, а также практикой спора в публичной сфере жизни, способствовавшей осознанию значимости силы слова, их основная задача – разработка теории убеждения и обучение искусству убеждать, используя технику речи, различные приемы спора и доказательства как средства отстаивать или опровергать любой тезис, независимо от его истинности или ложности. Спецификой софистики стало представление спора лишь как словесного состязания, искусства словопрения ради победы или выгоды с использованием софизмов и даже путем намеренной фальсификации вывода.

Во-вторых, анализируя суть софистического подхода в познании и понимании бытия человека, ученые отмечают, что в отличие от досократической философии принцип субъективной

обусловленности всякого знания стал гносеологической базой позиций софистов, позволяя им критиковать познаваемость объективной истины, отстаивать лишь изменчивость чувственного мира и познания, используя возможность убеждать во всем, что угодно, признавать лишь относительность истины. Анализируя позиции софистов, А. Ф. Лосев указал в качестве основной причины их субъективизма и релятивизма, препятствующей занимать устойчивую позицию в вопросах гносеологии и бытия человека, «чрезмерное внимание к психологическим процессам и пестроте человеческой жизни и мнений» и «слишком острую жажду жизненных ощущений» [24, с. 23, 26].

В-третьих, рассматривая значение и следствия субъективного, релятивистского подхода софистов, А. Ф. Лосев выделил переход «от объективного космологизма к субъективному антропологизму и индивидуализму как первой ступени самосознания и рефлексии духа» [24, с. 49], но указал на негативную черту, состоящую в отсутствии устремленности на поиск существенных принципов, заложенных в центре познания и бытия, присущих классическому духу. Негативным следствием софистики стало отсутствие или недостаток внимания к связности и единству сознания и познания, анархизм и нигилизм в познании и практике. Оценивая значение релятивизма, В. Лекторский [25] подчеркнул его ориентацию в познании на недостоверность и относительность знания, отказ от общеобязательной и объективной истины, утверждение бессмысленности спора о действительности и возможности убеждать, используя любые средства. П. П. Гайденко [22] и А. А. Гусейнов [23] отметили следствием релятивизма в практически-нравственной сфере произвол индивидуумов, основывающихся лишь на чувственных склонностях и частных интересах, подмену понятий «выгода» и «благо, добро», аморализм.

Исследуя позиции софистов по вопросам нравственного бытия, А. А. Гусейнов отмечает, что, хотя в их учениях впервые была выдвинута задача обосновать необходимость выделения сферы добродетели как особой воспитательной деятельности по формированию человека и сформулирован ключевой тезис о коренном различии природы и установлений, норм общества, культуры, они обосновали лишь субъективный, произвольный характер моральных норм. Это вело к релятивизму в морали в виде отрицания универсального, общего понимания добродетели, подчеркиванию только конкретного характера добра и зла, утверждению относительности добродетелей в зависимости от социального статуса людей, возраста и др. В итоге сформировалась характерная для софистики двойственность в трактовке бытия человека: с одной стороны, утверждается неприродная основа добродетели как цели человеческих стремлений, с другой – добродетель сводится лишь к способности и умению занять более предпочтительную, лучшую позицию в отношениях. Вследствие этого софистами культивировалась сфера социально-нравственного бытия, где решающее значение имеют лишь искусство речи и убеждения, добродетели связываются преимущественно со стремлением к пользе, выгоде, успеху, власти, индивидуализмом, что имело социально-разрушительные черты, вело к безответственности, утилитаризму и релятивизму. Теоретически их позиции противоречили ориентации античной философии, что «добродетель (совершенство) является высшей целью, смыслом человеческих стремлений» [23, с. 83].

Таким образом, анализ позиций софистов показал, что в их учениях развивался релятивистский подход к познанию и трактовке бытия человека, опиравшийся на принцип лишь субъективной обусловленности всякого знания, ставший основанием их теории убеждения и искусства спора ради выгоды или победы любыми средствами, приводя к негативным последствиям в познании и моральной сфере бытия человека.

3. В противоположность позициям софистов в философских учениях Сократа, Платона и Аристотеля разрабатывался диалектический подход в исследовании проблемы оснований познания и бытия человека.

1) Характеризуя диалектику Сократа в отличие от позиций софистов, М. К. Мамардашвили отмечал связь диалектического познания с темой формы как объективно существующего порядка, который действует на своих внеопытных основаниях и является одновременно предметом понятийных определений [18, 19]. Продолжая понимание диалектики, заложенное в античности как поиск порождающих оснований бытия и познания, Сократ вел поиск сущности (истины) в форме универсального знания и понимания, постигаемого разумом посредством поня-

тий, связанных с формой как *логосом* и *топосом* речи. П. П. Гайдено [22] и Э. Целлер [26] обращают внимание, что в отличие от софистики, базирующейся на субъективизме и релятивизме, задачей сократовской диалектики стал поиск универсальных условий объективного рационального познания сущности (истины), выраженных в понятиях. Поэтому в диалектике Сократа разрабатывались два всеобщих принципа рационального познания: первый полагает, что высказывания о предмете невозможны без знания его сущности, поэтому необходимо исходить из установления понятий; второй – требует выявлять и преодолевать противоречия в мышлении, рассуждениях и понимании терминов. Поскольку «в противоречивом единстве сущности и ее явлений все различия или противоположности образуют единство» [20, с. 149], сократовская диалектика направлена на «усмотрение общего в различающемся, единого во многом, рода в видах, сущности в ее проявлениях и это усмотрение достигается беседой» [20, с. 155].

При анализе специфики диалоговой формы сократической диалектики в отличие от споров софистов, уподоблявших знания вещам, исследователи отмечают проблемный характер сократических бесед, направленных на поиск сущности (истины) посредством разумных понятий, связанных с формой. В этом смысле диалектика есть вопросно-ответный метод организации познания, мышления и обсуждения проблемы участниками диалога в целях поиска сущности предмета познания, формы как объективного порядка, чтобы выйти за пределы субъективного опыта, «свести пестроту, хаотичность сознания и жизни к понятиям и систематически обработанным общим суждениям, обосновать единичное на родовых понятиях» [24, с. 55].

Сократ впервые переносит ракурс диалектики с природы на бытие человека, исследование социально-нравственных, политических вопросов и блага человека, на что указывал Аристотель [27]. Сократ связал сферу нравственности с формой и открыл «путь не содержательного, не эмпирического обоснования этических понятий», полагая, что «есть некая формальная упорядоченность души, к чему относятся этические понятия, как нечто существующее, индуцированное диалогом» [цит. по: 18, с. 217–218]. Поэтому диалектика есть способ познания сущности добродетели посредством исследования этических понятий в диалоговой форме. Диалектическим путем Сократ открыл основание добродетели в разуме как принципе знания, выдвинул принцип единства истины и блага. На этой основе был сформулирован идеал знающего незнания и выделена задача диалектики, заключающаяся не в приобретении готового знания, а в поиске единства познания и морального бытия. Указывая на решающее значение совершенствования души, развития духа в человеке, стремления к знанию, Сократ диалектически исследовал понятие добродетели и ее виды: справедливость, мужество, мудрость (диалоги Платона «О добродетели», «О справедливости», «Горгий», «Лакхес», «Хармид», «Протагор», «Апология Сократа» и др.), также деятельное благожелательство в отношении других, дружелюбие, уважение к закону, обязанность участия по мере сил в государственной жизни. Он обосновал основные моральные истины: «Мораль есть мера человечности всякого дела; необходимость заботы о душе; признание примата общего блага перед индивидуальным» [цит. по: 23, с. 115]. Диалектика стала поиском гармонии знания и нравственного бытия как пути и способа «познания себя», добродетели, общих моральных понятий в диалоговой форме.

Таким образом, в отличие от субъективизма и релятивизма софистов в познании и трактовке бытия человека сократовская диалектика стала рациональным способом поиска единства сознания и действия, методом поиска сущности (истины) как универсального основания познания и бытия человека, постигаемого разумом в диалоговой форме, с помощью которого устанавливались всеобщие принципы объективного рационального познания как требования исходить из понятий, связанных с сущностью предмета познания, выявлять противоречия в рассуждениях и мышлении; способом обоснования связи (гармонии) познания с моральным бытием человека на основе принципа единства истины (разумного познания) и блага (добра).

2) При рассмотрении рационального подхода в поиске оснований познания и бытия человека в диалектике Платона в противоположность софистике прослеживается преемственность с диалектикой Сократа в продолжении темы формы и диалоговом способе развития мыслей.

Характеризуя значение и задачи платоновской диалектики, принципы и приемы диалектического мышления, философы раскрывают ее связь с учением об идеях. В онтологическом плане диалектика есть учение об идеях как истинно существующем бытии. В этом смысле, указывал

М. К. Мамардашвили, идея есть онтологическая абстракция в виде объективно существующего порядка, который имеет предметную реальность и является конструктивным по отношению к человеку, способен своим существованием и действием формы производить упорядоченные состояния, мысли, действия. В гносеологическом плане диалектика исследует идеи как основания рационального познания и рассуждения в пространстве формы, разрабатывает универсальные принципы объективности и понятности как условия научного познания. Поскольку идея есть область разума и формы, то в античности «истина и знание противопоставляются забвению, поэтому слово “память” эквивалентно слову “бытие”» [1, с. 92].

Идея блага мыслится высшим конструктивным основанием бытия, источником истинного познания и силы познающего субъекта, отождествляется с разумом, а ее понимание выводит мысль в область единства познания и бытия, поэтому задача диалектики – познание идей. Анализируя разработку понятийного аппарата, оперирующего идеями и основанными на них рассуждениями, П. П. Гайдено [22], И. В. Ощепков [13] указывают в диалектике Платона на приемы образования и развития понятий «различение и обобщение», позволяющие «охватывать взглядом единое и множественное» [28], выделять из единства виды и подвиды, применение гипотетико-дедуктивного метода.

В работах П. Адо [29], В. Ф. Асмуса [30, 31], Х. Гутшмидта [32], М. Мамардашвили [33], О. М. Платоненко [12] обозначены особенности диалоговой формы диалектики Платона как вида устной беседы и философского текста. Критикуя искусство спора софистов, как словесного поединка, требующего умения обосновать или опровергнуть любую позицию, опираясь лишь на субъективность познания и бытия, П. Адо раскрывает значение диалектического диалога как вида «духовной практики», направленного на развитие способностей и умений, необходимых для ведения разумной беседы, дискуссий, основанных на формах (идеях) и избрании блага, критики мнимого знания, поиска сущности (истины) как объективности, рациональности и всеобщности в дискурсе.

Е. Н. Попов дает характеристику диалектического диалога как формы общения и взаимодействия субъектов, которая предполагает наличие общего смыслового основания, заложенного в бытийное основание личности [34]. Х. Гутшмидт представляет себе платоновский диалог как конструктивный способ рационального познания и понимания идеи в пространстве мысли и коммуникации, как вид контролируемого и намеренного взаимодействия, отмечая, что разные позиции, аргументы и контраргументы выступают в диалоге с целью развернуть и рассмотреть сущностные положения и аспекты обсуждаемой темы как ее объективные элементы и показать, как достигается ее понимание. Поэтому в диалоге значим не только результат познания, но сам «путь и способ развития, необходимый для адекватного познания и понимания обсуждаемого предмета и самопознания» [32, с. 284].

О. М. Платоненко характеризует платоновский диалог как динамическую форму совмещения противоположностей, причем Платон не только «признает единство противоположностей в виде их “смещения”, но выдвигает мысль о необходимости их опосредования» [12, с. 33–34]. В этом смысле диалог есть искусство противопоставлять идеальные сущности и задавать противоречия, чтобы возникло состояние понимания, видения или бытия, индуцированного диалогом, и чтобы можно было выразить мысль на пределе человеческих сил. Поэтому диалектические диалоги, пишет В. Асмус, «наполнены борьбой умов и характеров, усиленных действием языка» [31, с. 6]. Осмысляя тему диалектического противоречия, Платон полагал, что в отличие от противоречивости мнений в чувственном познании, в рациональном теоретическом познании сущностей противоречия недопустимы, ибо, выступая стимулом познания и побуждая мысль к поиску, они как отрицательное условие указывают на мнимое знание, а не раскрывают искомую истину [35]. В итоге платоновская диалектика имеет два значения: умение выявлять противоречия в мнениях и мыслить сущность предметов посредством понятий; и наука исследовать противоречия в самой сущности.

Рассматривая место диалектики среди других наук и методов познания, Платон заложил понимание, что диалектика является первой, высшей из всех наук, направленной на разумное постижение идей как «бытия подлинного и вечно тождественного по своей природе» [36]. В отличие от методов конкретных наук диалектика есть «способность проникать в сущность вещей

и процессов» [9, с. 52], тождественна «чистому разуму» [13, с. 106], связана с теоретической наукой (эпистемой) [21, с. 146]. Но платоновская диалектика не только наука и метод познания, но учение об идеях как истинно сущем бытии, которые могут мыслиться посредством противоположностей.

М. К. Мамардашвили раскрывает значение диалектики Платона в исследовании оснований бытия человека в связи с различием между естественным, натуральным в человеке и тем, что человек есть в той мере, в какой его естественные возможности соотнесены с формой, идеей как «конструктивным органом жизни» [18, с. 249]. Ключевой тезис Платона состоит в том, что идеи (формы) есть онтологические абстракции порядка, идеальные завершенные целостные предметы и рациональные структуры, обладающие свойством производить другие порядки, поэтому имеют конструктивное значение для бытия человека, воздействуя на его мышление, душу, существование.

Идеальным предметом может быть инструмент, произведение искусства, космос (небо), полис, логос и др. В учении Платона *космос*, *небо* рассматриваются как особый идеальный предмет, онтологическая абстракция и интеллигибельная материя, которая показывает свою суть (закон) и является условием рождения упорядоченности, устойчивости мысли и души. *Государство* и *полис* мыслятся как идеальная конечная социальная форма и условие гражданственности, ставшее основой западной цивилизации. *Произведения искусства* понимаются как конечные формы, «гармоничи, конструктивные по отношению к душе, ходу сознания и психики, которые порождают упорядоченные состояния, являются органами жизни и ее воспроизводства в той мере, в какой эта жизнь человеческая» [19, с. 244].

Логос есть идеально упорядоченное целое, в котором мы живем и воспроизводим способности языка, мышления, познания. Значит, в диалектике Платона формы, идеи осмысляются как универсальные рациональные основания бытия человека и самопознания, позволяющие понимать явления морали, политики и др. В этой связи П. Адо, Э. Целлер подчеркивали не только теоретический характер диалектического познания у Платона, но его направленность на единство познания и морального бытия, на познание добродетели, сопряженное с благом, на воспитание характера и гармоническое развитие личности, направленность науки на преобразование способа бытия и жизни человека, чтобы социально-нравственная жизнь людей могла быть основана на знании.

Таким образом, анализ философских трудов позволяет сделать вывод, что в отличие от субъективного, релятивистского подхода софистов диалектический подход разрабатывался Платоном в форме диалога как учение об идеальных сущностях, раскрывающее их универсальный, объективный характер, как основе рационального познания и бытия человека. Этот подход базировался на всеобщих принципах и приемах познания, анализе противоречий и получил фундаментальное значение как в теоретическом познании, так и в понимании рациональных основ бытия человека.

3) Рассматривая значение диалектики в исследовании рациональных оснований познания и бытия человека в концепции Аристотеля, учитывая его преемственность с учениями Сократа и Платона о форме как конструктивном органе познания и бытия, трактовку диалектики как метода поиска сущности (истины), на основе работ Аристотеля [27, 37–40], трудов по античности В. Ф. Асмуса, Д. Джохадзе [41], М. Мамардашвили, Р. К. Луканина [42], В. В. Соколова [21] и др. [43–46] можно выделить следующие положения.

Аристотель обосновал, что диалектика имеет «дело со всеми науками» [37, с. 203], прокладывая путь к исходным всеобщим началам, основаниям науки, которые «прямо постигаются умом» [27, с. 38] как высшие истины, так как «цель умозрительного знания – истина» [27, с. 94]. Д. Джохадзе и М. Мамардашвили отмечали, что в отличие от софистики, исходящей лишь из относительного, опытного знания, Аристотель отстаивал абсолютный, внеопытный и недоказуемый характер общих начал науки, которые могут быть индуцированы в ходе диалогического обсуждения разных противоположных следствий, вытекающих из них, и выделил диалектику как дисциплину и метод научно-философского исследования универсальных принципов научного познания.

В работах В. Ф. Асмуса, Р. К. Луканина раскрывается значение диалектики Аристотеля как метода научно-философского познания и исследования противоречий, который заключается не в изложении, а в испытании истины, направлен на исследование вопроса с целью выявить и преодолеть противоречия в рассуждениях и мнениях, а также на поиск различия ложного и истинного в ответах на поставленный вопрос. В этом смысле предметом диалектики становится не истина как соответствие знания его предмету, а отсутствие формального противоречия между терминами и обсуждаемыми положениями в споре. Раскрывая основание противоречий в познании, Аристотель установил, что многозначность и структурное различие объектов при определенных условиях является основанием для противоречащих мнений. Также он сформулировал основные элементы диалектической методологии познания: «выявление проблемы исследования и его цели; искусное различение значений слов (должно относиться к существу дела); нахождение противоположностей в мнениях о вещах; нахождение согласований (метод обобщения и синтеза результатов)» [42, с. 221–222].

В трудах Д. Джохадзе, Р. К. Луканина, О. М. Платоненко раскрывается значимость аристотелевской диалектики как метода построения и ведения научной беседы. Рациональное зерно диалектики заключается в «предупреждении попыток злоупотребления в спорах в эристике и софистике» [12, с. 37] и в «различении субъективной и объективной стороны вопроса в споре» [42, с. 191]. В отличие от эристики софистов, стремящихся создать лишь видимость победы в споре, диалектический спор нацелен на установление действительной, объективной истины. В этом значении диалектика как форма научного диалога, направленного на «рождение истины в споре» [43, с. 742], актуальна для современной, например, юридической науки для «правильного построения теоретического обсуждения и ведения дискуссии» [43, с. 743]. В трудах «О софистических опровержениях», «Топика», «Риторика» [38] Аристотель продолжил традиционное понимание диалектики как метода спора, рассматривая ее во взаимосвязи с риторикой, приемы которой могут способствовать диалектическому поиску истины. Таким образом, диалектика стала антиподом софистики, нацеленной на выгоду, стремление выдать видимость за сущность, субъективно использующей диалектическую противоречивость, и потому называемой «мнимая мудрость, а не действительная» [27, с. 123].

Важной вехой стал диалектический подход Аристотеля в исследовании оснований нравственного бытия человека. Следуя диалектической линии Сократа и Платона в поиске гармонии чувственного и рационального начал, Аристотель разработал практическую науку о добродетели (этику), где целью исследования являются не познание, а поступки и наряду с политико-правовыми науками формулируется должное в сознании и поведении человека, вследствие чего его действия рассматриваются с точки зрения общих оснований, конечных целей. На основе работ Р. Г. Апресяна [44], А. А. Гусейнова [8, 23], В. И. Гладышева [45], В. В. Соколова [21] можно выделить два значимых положения в исследовании Аристотелем социально-нравственного бытия человека на основе диалектики как метода совмещения противоположностей.

Во-первых, Аристотель различает произвольные и непроизвольные действия человека. В отличие от софистов, впервые обосновавших специфику произвольного характера бытия человека, использующего это для выгоды, он связал человеческую деятельность и добродетель с формой, утверждая ее разумный характер, выстраивая на основе познания ее объективного смысла. Рассматривая добродетель как вид произвольного действия, который включает в свою структуру два компонента: разумный и волевой, он определил ее как действие, «должное быть намеренным, сознательно взвешенным, осознанно выбранным» [23, с. 160], поэтому «добровольные действия отличают человека самосознательного от подвластного своим страстям, в общем плане – человека от животного» [44, с. 162]. В этом смысле «поступая добровольно и по собственному выбору, человек бывает причиной своего поступка» [39, с. 43], сам несет ответственность за то, добр он или зол. В итоге Аристотель стал родоначальником научно-философской традиции, связующей «специфику нравственности со свободой воли», способностью «действовать мудро, взвешенно, со знанием дела, а не под влиянием слепых чувств и предрассудков» [23, с. 164].

Во-вторых, выделив в структуре души человека чувственную сторону и разумную, подлинно человеческую, обладающую суждением, которая бывает теоретической и практической, он

подразделил добродетели на два вида: мыслительные, относящиеся к пониманию высшего блага, высших целей бытия человека, и нравственные, относящиеся к характеру. Аристотель диалектически характеризовал сущность добродетели как «способность поступать наилучшим образом во всем, что касается удовольствий и страданий, а порочность – ее противоположность» [40, с. 80].

Спецификой диалектического метода стало определение добродетели в качестве середины между двумя крайностями порока как противоположностями, одна из которых выражает недостаток, а другая – избыток, например, *мужество* есть середина между трусостью и безрассудной смелостью, *щедрость* – середина между скупостью и расточительностью. Аристотель исследовал десять этических добродетелей: мужество, благоразумие, щедрость, великолепие, величавость, честолюбие и скромность, дружелюбие, правдивость, любезность [39, с. 33–37], рассмотрел стыд, вызываемый причиной страха бесчестия. Концептуальное оформление получила категория справедливости, связанная как с равенством свободных граждан, так и с учетом их реальных достоинств и фактических различий. Определяя добродетель как преобладание разума над чувствами, он также исследовал рассудительность, ее связь с категорией совести и мудрость.

Диалектический подход позволил Аристотелю установить специфику добродетелей как вида произвольных действий и приобретенных, развитых способностей, качеств души индивида, которые не только являются «мерой его господства над самим собой» [23, с. 170], но характеризуют «индивида как свободного гражданина и субъекта нравственного общения» [45, с. 53], выступают в качестве «общественной меры поведения в наиболее важных сферах жизни» [23, с. 171] и специфической мерой бытия человека, «мерой человечности» [23, с. 155]. Учитывая индивидуализированный характер добродетелей, являющихся функцией практической деятельности, связанных с обстоятельствами жизни человека, Аристотель понимал добродетели в единстве с действующим субъектом и формой деятельности, сочетал диалектику и деятельностный подход, следовал принципу единства истины и блага, добра.

Таким образом, проведенное исследование показало, что у Аристотеля диалектика стала дисциплиной о всеобщих рациональных основаниях наук, обсуждаемых в диалоговой форме; она разрабатывалась как метод анализа противоречий в мышлении и рассуждениях, как методология научно-философского исследования, как способ ведения научно-философской беседы и спора в виде антипода софистики; применялась в исследовании оснований социально-нравственного бытия человека. Диалектика Сократа, Платона и Аристотеля значима для современности в связи с разработанной фундаментальной идеей о главенстве разума человека, принципами разумного миропонимания и представлении о его творческом назначении. Непреходящим значением античной философии и культуры стало «открытие человека – идея о гражданине полиса как самостоятельной ценности, признание за ним права на инициативу, вера в то, что свободный человек в состоянии сделать правильный выбор, доверие к разуму человека и его свободе» [15, с. 30–31].

Выводы. Подводя общие итоги работы, отметим, что в классической античной философии в диалектических исследованиях были заложены позиции против субъективизма и релятивизма в познании и понимании бытия человека, характерных для софистики. В учениях Сократа, Платона и Аристотеля обобщена и развита античная диалектика в таких формах, как диалектика диалога (спора), исследование научно-философских проблем, проблем нравственного бытия человека. В классической античной философии на основе диалектического подхода был осуществлен поиск универсальных оснований бытия человека, рационального познания и рассуждения, ориентированных в противоположность очевидности лишь чувственного, обыденного опыта, субъективного знания, на разумность, объективность и универсальность, истинность и обоснованность, единство истины и блага, добра.

Список источников

1. Мамардашвили М. К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.

2. Лазарев В.Ф., Лебедев В.Ф. Философская рефлексия: сущность, типы, формы // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 16–28.
3. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
4. Стоцкая Т. Г. Феномен рациональности: исторические и типологические формы : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чебоксары, 2010. 48 с.
5. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 91–105.
6. Швырев В. С. О понятии «открытой» и «закрытой» рациональности // Рациональность на перепутье : в 2 кн. М.: РОССПЭН, 1999. Кн. 1. 367 с.
7. Адо П. Что такое античная философия. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 1990. 320 с.
8. Гусейнов А. А. Мораль как предел рациональности // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 4–17.
9. Новиков А. А. Рациональность в ее истоках и утратах // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 48–59.
10. Швырев В. С. Как нам относиться к диалектике // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 152–159.
11. Богомолов А. С. Диалектический логос. Становление античной диалектики. М.: Мысль, 1982. 263 с.
12. Платоненко О. М. Диалектика как атрибут философского теоретического мышления : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 1999. 170 с.
13. Ощепков И. В. Поздняя диалектика Платона // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 106–118.
14. Кессиди Ф.Х. Загадка бурного расцвета греческой философии // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 91–97.
15. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
16. Кессиди Ф. Х. Сократ. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
17. Кессиди Ф. Х. «Теория» и «созерцательная жизнь» в древнегреческой философии // Вопросы философии. 1982. № 6. С. 65–72.
18. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1999. 320 с.
19. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 304 с.
20. История античной диалектики / под ред. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1972. 335 с.
21. Соколов В. В. Философия как история философии. М.: Акад. проект: Фонд «Мир», 2012. 845 с.
22. Гайденок П. П. История греческой философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЕ; СПб.: Унив. книга, 2000. 319 с.
23. Гусейнов А. А. Античная этика. М.: Гардарики, 2004. 270 с.
24. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000. 847 с.
25. Релятивизм как «болезнь» современной философии / ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+, Реабилитация, 2015. 392 с.
26. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. М.: Канон, 1996. 336 с.
27. Аристотель. Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1975 (1976). Т. 1. 549 с.
28. Платон. Федр. М.: Прогресс, 1989. 133 с.
29. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М., СПб.: Степной ветер; Коло, 2005. 448 с.
30. Асмус В. Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 2005. 408 с.
31. Асмус В. Ф. Историко-философские этюды. М.: Мысль, 1984. 318 с.
32. Gutschmidt H. Plato and Gadamer. On the concept of the philosophical dialog // Вестн. Санкт-Петербургского гос. ун-та. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33 (3). С. 282–288.
33. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: МШПИ, 2000. 416 с.
34. Попов Е. Н. Онтологические аспекты диалога и диалогических отношений в современном мире : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Якутск, 2012. 23 с.
35. Платон. Диалоги : в 2 кн. М.: Эксмо, 2008. Кн. 1. 1232 с.
36. Платон. Диалоги : в 2 кн. М.: Эксмо, 2008. Кн. 2. 1360 с.
37. Аристотель. Аналитики первая и вторая. М.: ГИПЛ, 1952. 488 с.
38. Аристотель. Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
39. Аристотель. Евдемова этика. М.: Канон+, Реабилитация, 2011. 406 с.
40. Аристотель. Собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
41. Джохадзе Д. В. Диалектика Аристотеля. М.: Наука, 1971. 264 с.
42. Луканин Р. К. Органон Аристотеля. М.: Наука, 1984. 303 с.
43. Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 3. 781 с.

44. Апресян Р. Г. Золотое правило в этике Аристотеля // *Философия и этика*. М.: Альфа-М, 2009. С. 157–170.

45. Гладышев В. И. Философское учение Аристотеля об общении и современность // *Вестн. Челябинской гос. академии культуры и искусств*. 2012. № 1. С. 52–56.

46. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / ред. И. Т. Касавин и др. М.: Канон +, Реабилитация, 2009. 1248 с.

References

1. Mamardashvili M.K. *My experience is not typical*. St. Petersburg: Azbuka Publ.; 2000. 400 p. (In Russ.).
2. Lazarev V.F., Lebedev V.F. Philosophical reflection: essence, types, forms. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 2016;(6):16-28. (In Russ.).
3. Mamardashvili M.K. *Consciousness and civilization*. St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ.; 2011. 288 p. (In Russ.).
4. Stotskaya T.G. *The phenomenon of rationality: historical and typological forms*. Dissertation Thesis. Cheboksary, 2010. 48 p. (In Russ.).
5. Shvyrev V.S. Rationality as the value of culture. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 1992;(6):91-105. (In Russ.).
6. Shvyrev V.S. On the concept of “open” and “closed” rationality. *Rationality at the crossroads* : in 2 books. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1999. Book 1. 367 p. (In Russ.).
7. Ado P. *What is ancient philosophy*. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature; 1990. 320 p. (In Russ.).
8. Guseynov A.A. Morality as the limit of rationality. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 2012;(5):4-17. (In Russ.).
9. Novikov A.A. Rationality in its origins and losses. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 1995;(5):48-59. (In Russ.).
10. Shvyrev V.S. How do we relate to dialectics. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 1995;(1):152-159. (In Russ.).
11. Bogomolov A.S. *Dialectical logos. Formation of ancient dialectics*. Moscow: Mysl' Publ.; 1982. 263 p. (In Russ.).
12. Platonenko O.M. *Dialectics as an attribute of philosophical theoretical thinking*. Dissertation. Omsk, 1999. 170 p. (In Russ.).
13. Oshchepkov I.V. Late dialectic of Plato. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 2016;(1):106-118. (In Russ.).
14. Kessidi F.H. Riddle rapid flourishing of Greek philosophy. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 2007;(8):91-97. (In Russ.).
15. Kessidi F.H. *From myth to logos*. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2003. 360 p. (In Russ.).
16. Kessidi F.H. *Socrates*. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2001. 352 p. (In Russ.).
17. Kessidi F.H. “Theory” and “contemplative life” in ancient Greek philosophy. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 1982;(6):65-72. (In Russ.).
18. Mamardashvili M.K. *Lectures on ancient philosophy*. Moscow: Agraf Publ.; 1999. 320 p. (In Russ.).
19. Mamardashvili M.K. *Lectures on ancient philosophy*. St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ.; 2018. 304 p. (In Russ.).
20. Sokolov V.V., ed. *History of ancient dialectics*. Moscow: Mysl' Publ.; 1972. 335 p. (In Russ.).
21. Sokolov V.V. *Philosophy as a history of philosophy*. Moscow: Akademicheskii proekt: Fund "Mir" Publ.; 2012. 845 p. (In Russ.).
22. Gaydenko P.P. *The history of Greek philosophy in its connection with science*. Moscow: PER SE Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.; 2000. 319 p. (In Russ.).
23. Guseinov A.A. *Antique ethics*. Moscow: Gardariki Publ.; 2004. 270 p. (In Russ.).
24. Losev A.F. *History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato*. Moscow: AST Publ.; 2000. 847 p. (In Russ.).
25. Lektorskii V.A., ed. *Relativism as a “disease” of modern philosophy*. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya Publ.; 2015. 392 p. (In Russ.).

26. Celler E. *Essay on the history of Greek philosophy*. Moscow: Kanon Publ.; 1996. 336 p. (In Russ.).
27. Aristotle. *Collected Works*: in 4 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.; 1975 (1976). 549 p. (In Russ.).
28. Plato. *Fedr*. Moscow: Progress Publ.; 1989. 133 p. (In Russ.).
29. Ado P. *Spiritual exercises and ancient philosophy*. Moscow, St. Petersburg: Stepnoi veter; Kolo Publ.; 2005. 448 p. (In Russ.).
30. Asmus V.F. *Ancient philosophy*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 2005. 408 p. (In Russ.).
31. Asmus V.F. *Historical and philosophical studies*. Moscow: Mysl' Publ.; 1984. 318 p. (In Russ.).
32. Gutschmidt H. Plato and Gadamer. On the concept of the philosophical dialogue. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*. 2017;33(3):282-288. (In Russ.).
33. Mamardashvili M.K. *Thinking aesthetics*. Moscow: Moscow School of Political Studies Press; 2000. 416 p. (In Russ.).
34. Popov E.N. *Ontological aspects of dialogue and dialogical relations in the modern world*. Dissertation Thesis. Yakutsk, 2012. 23 p. (In Russ.).
35. Plato. *Dialogue*: in 2 books. Moscow: Eksmo Publ.; 2008. 1232 p. (In Russ.).
36. Plato. *Dialogue*: in 2 books. Moscow: Eksmo Publ.; 2008. 1360 p. (In Russ.).
37. Aristotle. *Analysts first and second*. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1952. 488 p. (In Russ.).
38. Aristotle. *Collected Works*: in 4 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.; 1978. 687 p. (In Russ.).
39. Aristotle. *Eudemic ethics*. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya Publ.; 2011. 406 p. (In Russ.).
40. Aristotle. *Collected Works*: in 4 vol. Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ.; 1984. 830 p. (In Russ.).
41. Dzhohadze D.V. *Dialectics of Aristotle*. Moscow: Nauka Publ.; 1971. 264 p. (In Russ.).
42. Lukanin R.K. *Organon of Aristotle*. Moscow: Nauka Publ.; 1984. 303 p. (In Russ.).
43. Alekseev S.S. *Collected Works*: in 10 vol. Vol. 3. Moscow: Statut Publ.; 2010. 781 p. (In Russ.).
44. Apresyan R.G. The golden rule in Aristotle's Ethics. *Philosophy and ethics*. Moscow: Al'fa-M Publ.; 2009:157-170. (In Russ.).
45. Gladyshev V.I. Aristotle's philosophical doctrine about communication and contemporary. *Vestn. Chelyabinskoi gos. akademii kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2012;(1):52-56. (In Russ.).
46. Kasavin I.T. et al., ed. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya Publ.; 2009. 1248 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О.А. Егорова – старший преподаватель кафедры теории государства и права, трудового права.

Information about the author

O.A. Egorova – Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law, Labor Law.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 04.09.2022; принята к публикации 16.09.2022.
The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 04.09.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья

УДК 740

doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-16-20

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Адила Ильдусовна Забирова

Московский государственный университет, Москва, Россия, adilya.ru@mail.ru

Аннотация. Анализируются работы Хабермаса, Фейербаха, Веретевской, Егоровой, Мамонова, из которых следует, что мультикультурализм представляет собой одновременное сосуществование разнородных этнических и культурных групп на одной территории. Основой современного общества является «коммуникативная рациональность», которая заключается в индивидуальной и групповой свободе. На современном этапе для нашей страны проблемы мультикультурализма и перспективы развития идентичности в мультикультурном обществе остаются актуальными.

Перспективы развития идентичности в России называют «концепцией консервативного оптимизма». Опровергая мнение западных аналитиков о том, что национальные границы государств являются якобы анахронизмом, в этой концепции утверждается, что только суверенные государства обладают способностью отвечать на вызовы и запросы граждан, и навязывание западным миром так называемых универсальных ценностей неправомерно. Есть только одна для всех понятная ценность — это человеческая жизнь.

Ключевые слова: мультикультурализм, Хабермас, философский аспект, Россия, культура, многообразие, государство, идентичность, многонациональная культура, глобализация

Для цитирования: Забирова А.И. История изучения проблемы мультикультурализма в философско-культурном аспекте // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 16–20.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE HISTORY OF STUDYING THE PROBLEM OF MULTICULTURALISM IN THE PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ASPECT

Adilya I. Zabirowa

Moscow State University, Moscow, Russia, adilya.ru@mail.ru

Abstract. Analyzing the works of Habermas, Feuerbach, Veretevskaya, Egorova, Mamonov and others, the author comes to the conclusion that multiculturalism is the simultaneous coexistence of heterogeneous ethnic and cultural groups on the same territory. The basis of modern society is “communicative rationality”, which consists of individual and group freedom. At the present stage, for our country, the problems of multiculturalism and the prospects for the development of identity in a multicultural society remain relevant.

The prospects for the development of identity in Russia are called the “concept of conservative optimism”. Refuting the opinion of Western analysts that the national borders of states are supposedly an anachronism, this concept rightly asserts that only sovereign states have the ability to respond to the challenges and requests of citizens, and the imposition by the Western world of so-called universal values is unlawful. There is only one understandable value for everyone - human life.

Keywords: multiculturalism, Habermas, philosophical aspect, Russia, culture, diversity, state, identity, multinational culture, globalization

For citation: Zabirowa A.I. The History of Studying the Problem of Multiculturalism in the Philosophical and Cultural Aspect. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):16-20. (In Russ.).

© Забирова А.И., 2022

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Мультикультурализм — форма существования многонационального общества, сформировавшегося на постимпериалистической и постколониальной территории, и тип политического устройства в подобных государствах (Франция, США, Великобритания). Кроме того, под мультикультурализмом могут подразумевать «полиэтнический контекст» литературной жизни в таких странах. С.П. Толкачев отмечает полифоничность и разнородность современной англоязычной литературы. По его мнению, современный мир предстает как «тотальная множественность: классовая, расовая, этническая, культурная» [1]. Идея мультикультурализма выдвигается главным образом в экономически развитых странах Запада, где наблюдается значительный приток иммигрантов. Современная Европа предполагает прежде всего включение в её культурное поле элементов культур иммигрантов из стран «третьего мира».

Концепция «плавильного котла», где происходит слияние всех культур в одну, противопоставляется мультикультурализму. В качестве примеров можно привести Канаду, культивирующую подход к различным культурам как частям одной мозаики, и США, традиционно провозглашавшие концепцию «плавильного котла». Но в настоящее время более политкорректной признана концепция «салатницы» [2].

Поскольку мультикультурализм защищает групповые интересы и ценности, то он может подвергаться критике и со стороны классического либерализма, который ставит на первое место индивидуальные свободы и права. Критики могут стоять на позиции культурно-социальной интеграции различных этнических и культурных групп в соответствии с существующими законами и ценностями страны, могут настаивать на ассимиляции различных этнических и культурных групп, приводящей в итоге к единой национальной идентичности [3, с. 182].

В мультикультурных странах сосуществуют разные социальные группы, отличающиеся этнической принадлежностью или религией. В некоторых случаях различия непреодолимы с точки зрения культурных взаимоотношений и не позволяют этим группам общаться друг с другом, действуя так, как если бы они были населением разных наций.

С идеологической точки зрения мультикультурализм выступает за полное равенство и интеграцию между различными группами на территории. Другими словами, государственные органы должны способствовать тому, чтобы равенство политических прав и гражданских свобод было реальным. К примеру, интеграция афроамериканцев в Соединенных Штатах 1960-х устранила сегрегацию и обеспечила равные права.

В данном случае мультикультурализм следует рассматривать с положительной точки зрения как мирное сосуществование и равные права и обязанности между различными этническими или религиозными группами, населяющими страну.

Тем не менее есть определенные области, где смешение культур может привести к конфликту, к примеру Франция, в которой мусульманское население превышает 8 %. Некоторые эпизоды, такие как теракты в Париже или убийство учителя за показ карикатур на Мухаммеда в классе, свидетельствуют о необходимости большего контроля над мусульманами и ограничения их въезда в страну.

Немецкий философ и социолог Ю. Хабермас считает, что в современном мультикультурном обществе объединяющую функцию должна выполнять коммуникация. Идеал Хабермаса — «свободная от господства коммуникация, призванная заменить идею “человеческого достоинства”». Философия, центральным понятием которой является понятие коммуникативной рациональности, отвечает, по мнению Хабермаса, двум главным потребностям современного общества — потребности в индивидуальной и групповой свободе. Хабермас обосновывает необходимость и возможность такой философии.

Он пытается спасти классический проект философии, где главная роль в достижении единства людей отводилась разуму, и вводит в этот проект понятие коммуникации, в котором соединяет рациональность, этику и свободу. Один из основных тезисов Хабермаса заключается в том, что между разумом и бытием есть посредник — деятельность и язык, соединяющий бытие

и разум. Открытая полемика вокруг проектов Ю. Хабермаса показала, что они весьма актуальны и вносят свой вклад в решение социальных проблем [4, 5].

В отечественных исследованиях проблема мультикультурализма пока не получила достаточно детального анализа, за исключением отдельных публикаций и труда М.В. Глостановой [6]. По мнению С.П. Толкачева, «проблема мультикультурного контекста современной английской литературы во всем многообразии привносимых извне тенденций постколониальной культуры, процессов миграции в европейском и мировом масштабе и взаимоотношений возникающих диаспор до сих пор не рассматривалась вообще» [1].

Свое толкование мультикультурализма дает междисциплинарная область под названием «культурные исследования», связанная с английской интеллектуальной традицией и национальной, расовой, этнической, культурной вопросами: «“Культурные исследования” основываются на представлении о том, что современный мир — это тотальная множественность: классовая, расовая, этническая, культурная. Это направление исследований вовлекло в свою орбиту множество ранее не изучавшихся, маргинальных объектов и феноменов — например, телевизионные новости, этнические меньшинства, поп-музыка, различные типы сексуального поведения и идентичности, семиотика современных торговых центров, комиксы о Супермене, фильмы ужасов, реклама, урбанистическая утопия Диснейленда, “феномен Барби” и т.д.» [6, с. 400].

Мультицентристский взгляд позволяет расширить горизонты видения человеческого бытия в предполагаемых условиях свободы и может использоваться для интерпретации и моделирования своего «я» и его места в мире. Это противостоит стереотипам «другого», унижающим человеческое достоинство в пространстве пересечения и наложения знания и власти. Принятие мультикультурной интеграционной модели государством совершенно очевидно означает, что оно открыто для иноэтничных мигрантов и несет ответственность за создание условий для их интеграции. Таким образом, этот подход декларирует многообразие этнокультур, включение национальных меньшинств в западное сообщество и, следовательно, поддержку национальной культурной идентичности. Девизом мультикультурализма как более мягкой альтернативы ассимиляции, отмечает М.А. Егорова, является «единство в многообразии» [7].

В современных условиях развития идентичности интерес к проблеме мультикультурализма связан с тем, что культурные различия в обществе не только не исчезают или сглаживаются, а, напротив, проявляют явные тенденции к нарастанию. На изменение менталитета в условиях интеграции также влияет инклюзивность, которая обуславливает восприятие людьми друг друга и создание понятной и комфортной среды.

Интеграция — одновременная идентификация со своей и чужой культурой. Мультикультурализм тесно связан с понятиями идентичности, самоидентичности. При потере родины и необходимости интеграции в иную среду человеку приходится усваивать чуждые ему традиции, ценности, изучать неродной язык, а значит, он теряет в определенном смысле связь со своей национальной культурой и, как следствие, утрачивает и свою идентичность. Нередко это порождает болезненные противоречия с самоидентификацией индивидуума, т. е. с осознанием им своего места в новом социуме. Это указывает на важность решения проблем интеграции не только на уровне этнокультур в целом, но также и на уровне отдельного человека как носителя определенных традиций, ценностей своей страны. Если не решить эту весьма сложную задачу, то признание и уважение чужих нравов на поверку окажутся практически невозможными для ее достижения.

А.В. Веретевская, анализируя европейскую практику интеграции этнокультурных меньшинств, считает, что мультикультурализма как такового не случилось [3]. М. Эхин, раскрывая проблемы идентичности в мультикультурном мире, отмечает кризис европейских представлений о мироустройстве, в котором превалирует европоцентричная модель. В современном мире происходит усиление национального самосознания, так как западная модель развития теряет свое влияние в поликультурном пространстве [8].

Отечественный этнополитолог В.А. Мамонов сравнивает российский мультикультурализм с австрийским, где разделение на этнокультурные группы прослеживается достаточно четко, и важное значение при этом отводится межэтническим отношениям в рамках конкретного госу-

дарства, а не противостоянию общей идентичности с идентичностями меньшинств, как это происходит в США [9].

Для России мультикультурализм возможен, так как ее историческое развитие способствовало созданию определенных предпосылок для заимствования некоторых идей мультикультурализма. Российское государство, в этом случае представляющее культуру большинства, с одной стороны, и культурные меньшинства — с другой, принимает на себя определенные обязательства и достигает определённого консенсуса этнокультур [10]. Проблема мультикультурализма связана с построением гражданского общества в России, за что несет ответственность не только государство, но и многие общественные организации, оказывающие прямое влияние на общество в целом.

Современный этап трансформации социальных и культурных форм идентичности в России основывается на процессах интернационализации и глобализации. Поэтому не менее остро стоит вопрос о выборе модели адаптации народов и государств к изменениям в новых глобальных условиях.

Развитие науки и технологий требует высокого уровня знаний и навыков, зарубежного опыта, которые невозможны без международных отношений между университетами, научными организациями и исследовательскими лабораториями. Интернационализация научных достижений — это процесс, который начинается с социокультурной адаптации и завершается социокультурной адаптацией полученных результатов исследовательской деятельности.

Изначально исследователь, участвующий в академической мобильности, погружается в другой мир с другими традициями и культурой. На этом этапе происходит его социокультурная адаптация. Научные исследования проводятся с привнесением культурных элементов направляющей и принимающей страны. На выходе результаты научных исследований получают транснациональный характер, становятся социально применимыми в обоих обществах и достижением этих обществ [11, 12].

Особую роль в формировании, а следовательно, и трансформациях общества играют средства массовой информации, осуществляющие доступную и быструю связь с внешним миром. Таким образом, инновационные технологии являются фактором формирования ключевых компетенций для модернизации международного рынка образовательных услуг. Поэтому необходимо особо отметить компетентностный подход в инновационном процессе трансформации научно-образовательной системы в связи с растущей интеграцией российской образовательной системы в международное научно-образовательное и бизнес-пространство. Следовательно, сегменты «ключевой компетентности» в международной научно-образовательной сфере и конкретно в университетском секторе определяют набор их ключевых инновационных международных программ и проектов.

Таким образом, мультикультурализм предполагает изначальное и одновременное сосуществование разнородных этнических и культурных групп на одной территории. Основой современного общества является «коммуникативная рациональность», которая заключается в индивидуальной и групповой свободе. Согласно Хабермасу, сплочение людей «единых в многообразии» возможно благодаря разуму, соединяющемуся с бытием посредством деятельности и языка. Большое значение в достижении единства народов, имеющих разную классовую, национальную и религиозную принадлежность, играет коммуникация. На современном этапе для нашей страны проблемы мультикультурализма и перспективы развития идентичности в мультикультурном обществе остаются актуальными. Мультикультурализм в России представляет собой культуру большинства и культурных меньшинств и ставит целью достижение консенсуса этнокультур. Современный этап трансформации культурной идентичности разных народов основан на интернационализации и глобализации.

Список источников

1. Толкачев С. П. Мультикультурный контекст современного английского романа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
2. Сияевский А. Европа-2020: итоги десятилетия и новые перспективы. URL: [https:// zakon.ru/blog/2020/01/07/evropa_2020_itogi_desyatiletija_i_novye_perspektivy](https://zakon.ru/blog/2020/01/07/evropa_2020_itogi_desyatiletija_i_novye_perspektivy) (дата обращения: 22.02.2022).

3. Веретевская А.В. Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. М.: МГИМО-Университет, 2018. 182 с.
4. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 169–171.
5. Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса // Вопросы философии. 1994. № 10.
6. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: Наследие, 2000. 400 с.
7. Егорова М.А. Человек в мультикультурном обществе: проблема самоидентификации // Политика и общество. 2016. № 4(136). С. 542–554.
8. Эхин М. Проблема идентичности в мультикультурном мире // Культурные трансформации в информационном обществе : сб. науч. ст. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 237–244.
9. Мамонов В.А. Мультикультурализм: разнообразие и множество // Журнальный клуб Интелрос. New Credo. 2007. № 2. URL: <http://www.intelros.ru>. (дата обращения: 12.08.2022).
10. Усманова А.Р. «Культурные исследования» // Постмодернизм: энциклопедия. Минск, 2001. С. 395.
11. Фейербах Л. Основы философии будущего. М.: Социально-экономическое изд-во, 2020. 235 с.
12. Bernstein R. Dictatorship of Virtue. Multiculturalism and The Battle for America is Future. N.Y., 1994. P. 4.

References

1. Tolkachev S. P. *The multicultural context of the modern English novel*. Dissertation Thesis. Moscow, 2003. (In Russ.).
2. Sinyavsky A. *Europe-2020: results of the decade and new perspectives*. Available from: https://zakon.ru/blog/2020/01/07/evropa_2020_itogi_des_yatiletiya_i_novye_perspektivy [Accessed 22nd February 2022]. (In Russ.).
3. Veretevskaya A.V. *Multiculturalism that was not: an analysis of European practices of political integration of ethno-cultural minorities*. Moscow: MGIMO-University Press; 2018. 182 p. (In Russ.).
4. Habermas Yu. *Involvement of the Other. Essays on political theory*. Saint Petersburg: Nauka Publ.; 2001: 169-171. (In Russ.).
5. Habermas Yu. Reconciliation through the public use of reason. Remarks on the political liberalism of John Rawls. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 1994;(10). (In Russ.).
6. Tlostanova M.V. *The problem of multiculturalism and US literature of the late twentieth century*. Moscow: Nasledie Publ.; 2000. 400 p. (In Russ.).
7. Egorova M.A. Man in a multicultural society: the problem of self-identification. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*. 2016;(4):542-554. (In Russ.).
8. Ehin M. The problem of identity in a multicultural world. *Cultural transformations in the information society*. Collection of scientific articles. Moscow: Moscow State University Press; 2006:237-244. (In Russ.).
9. Mamonov V.A. Multiculturalism: Diversity and Plenty. *Zhurnal'nyi klub Intelros. New Credo = Intelros Journal Club. New Credo*. 2007;(2). Available from: <http://www.intelros.ru> [Accessed 12th August 2022]. (In Russ.).
10. Usmanova A.R. “Cultural Studies”. *Postmodernism: Encyclopedia*. Minsk, 2001:395. (In Russ.).
11. Feuerbach L. *Fundamentals of the philosophy of the future*. Moscow: Social and Economic Publishing House; 2020. 235 p. (In Russ.).
12. Bernstein R. *Dictatorship of Virtue. Multiculturalism and The Battle for America is Future*. New York, 1994:4.

Информация об авторе

А.И. Забирова – аспирант.

Information about the author

A.I. Zabirowa – Postgraduate.

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 16.09.2022.
The article was submitted 09.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 168.3
doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-21-26

ЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПРАВОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Юлия Дмитриевна Парунова

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Республика Крым, Россия, mif1974@mail.ru

Аннотация. Рассматривается логический уровень аргументации в правовой сфере, который позволяет организовать процесс аргументации в стройную систему, обеспечить непротиворечивость аргументов, связать их таким образом, чтобы получился логически достоверный вывод. В современных взглядах на аргументацию (ее представляют скорее как риторический процесс) определяется ее суть как рациональной операции, основанной на доводах разума и фактах, которые должны быть каким-то образом систематизированы. Обосновывается применение методов систематизации, классификации, анализа, синтеза, терминологический метод. Учитываются возможности дедукции, индукции и аналогии в практике правовой аргументации: дедуктивный метод применяется при абсолютизации правовой нормы, представлении о замкнутости и упорядоченности права, когда правовой вопрос подводится под действующую правовую норму; индукция и аналогия позволяют построить вывод на основе обобщения отдельных норм права, связать их с реальными жизненными ситуациями, использовать на практике. Утверждается, что только комплексное применение логических методов обеспечит непротиворечивость, системность и убедительность правовой аргументации.

Ключевые слова: правовая аргументация, анализ, синтез, систематизация, классификация, индукция, дедукция, аналогия

Для цитирования: Парунова Ю.Д. Логические методы в правовой аргументации // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 21–26.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

LOGICAL METHODS IN LEGAL ARGUMENTATION

Yulia D. Parunova

Crimean Branch, Russian State University of Justice, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, mif1974@mail.ru

Abstract. The article considers the logical level of argumentation in the legal sphere, which allows to organize the argumentation process into a coherent system, ensuring the consistency of arguments, linking them in such a way, that a logically reliable conclusion could be obtained. While in modern views on argumentation it is presented rather as a rhetorical process, its essence is defined as a rational operation, based on arguments of reason and facts that must be systematized in a certain way. The application of such logical methods, as the method of systematization, classification, methods of analysis, synthesis, terminological method is justified. The possibilities of deduction, induction and analogy in the practice of legal argumentation are determined: the deductive method is used in the absolutization of a legal norm, the idea of the closeness and orderliness of law, when the right issue is taken under the current legal norm, induction and, also, analogy, allows us to make a conclusion, based on the generalization of individual rules of law, link them to real life situations, apply in practice. In the article the conclusion about an integrated approach to the application of logical methods is substantiated, because only in this way is ensured the coherence, consistency and persuasiveness of legal argumentation.

Keywords: legal argumentation, analysis, synthesis, systematization, classification, induction, deduction, analogy

© Парунова Ю.Д., 2022

For citation: Parunova Yu.D. Logical Methods in Legal Argumentation. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(3):21-26. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Правовая сфера тесно связана с необходимостью доказывания определенных позиций, убеждения в том или ином мнении. В науке сложилось специальное понятие «правовая аргументация», которое применяется именно в этой сфере и обладает своими особенностями. Изучение правовой аргументации является актуальным, так как оно обеспечивает функционирование правовых механизмов, защищая судебный и следственный процессы от недочетов и неточностей. Зародившись в рамках формальной логики и риторики, теория аргументации в настоящее время, расширив свои границы, входит в сферу междисциплинарного знания, включив в себя результаты исследований как классических, так и неклассических направлений гуманитарного знания.

Современная теория выделяет в аргументации несколько уровней: информационный, коммуникативно-риторический, аксиологический, этический, эстетический и, безусловно, логический, который позволяет организовать процесс аргументации в стройную систему, обеспечить непротиворечивость аргументов, связать их таким образом, чтобы получился логически достоверный вывод [1, с. 16].

Так как правовая аргументация опирается, как правило, на суждения эмпирического характера и вещественные доказательства, то существует мнение, что ее нельзя считать логически обоснованной. Так, например, Х. Перельман и Л. Ольбрехт-Тытека утверждают, что суть правовой аргументации объясняет не столько логика, сколько риторика [2, р. 6], а последователи реалистической школы права представляют ее скорее как искусство, а не науку, со всеми присущими ему свойствами.

Тем не менее не вызывает сомнений, что аргументация – это рациональная форма убеждения, так как она строится не на эмоциях и чувствах, а на доводах разума. В конечном счете самыми убедительными основаниями аргументации являются факты, которые должны быть определенным образом связаны, систематизированы, а добиться этого возможно только при помощи логических процедур. При наличии логических ошибок в рассуждении выводы, полученные в процессе аргументации, будут недостоверными и неубедительными.

В связи с этим в правовой аргументации в решении проблем, которые допускают формализацию, необходимыми являются общелогические методы, каждый из которых имеет свой потенциал и обеспечивает убедительность выводов.

Изучение комплекса методов правовой аргументации является актуальной задачей для развития ее теории, поэтому цель данной статьи – обоснование возможностей различных логических методов в аргументационном процессе.

Одним из самых первых методов, который применялся в рассуждениях и восходит к исследованиям Аристотеля, был силлогистический. Несмотря на свою ограниченность как метода, позволяющего достичь истины, он лишь уточняет знание, при этом подтверждая достоверный вывод. Основанный на правилах силлогизма, он исходит из того, что любой правовой вопрос можно представить как меньшую посылку, которая подводится под действующую юридическую норму (большую посылку), в контексте прямого доказательства. Такая модель исходит из тезиса упорядоченности и замкнутости права, т.е. в формально определенных нормах предусмотрены все возможные ситуации и, таким образом, при помощи логических операций можно получить ответ на все вопросы. Такая модель аргументации, основанная на дедуктивных выводах, больше характерна для романо-германского права с его ориентацией на абсолютизацию правовой нормы.

При всей неоспоримости выводов силлогистический метод не учитывает динамику и гибкость общественной жизни, наличие коллизий норм, возможность формулирования решений в обход дословному тексту закона. Кроме того, можно найти много примеров нарушения логических решений, полученных дедуктивным путем, что обусловливается взаимопроникновением различных аксиом, их многочисленностью, а часто и запутанностью. Как утверждает

Ж.-Л. Бертель, дедуктивный анализ не совместим с юридическим методом, динамика фактов не совпадает с ритмом и направлением дедуктивных выводов в духе формальной логики [3, с. 469, 471]. Поэтому силлогистический метод как метод последовательного мышления используются фрагментарно, например, в ходе фальсификации следственных версий, для систематизации выводов.

Логический метод классификации основан на выделении у явлений общих признаков и их группировке в соответствии с этими признаками, что позволяет систематизировать знание, определить последовательность связей. Классификация сокращает описание, соответственно экономит мышление и облегчает путь к получению выводов. В правовой аргументации прием классификации позволяет отличить сходные нормы от несходных, упорядочивает их, что облегчает их понимание и оперирование ими. Метод классификации применяется в сугубо научных целях для формирования системы права, а также на практике как один из приемов доказательств, в тех случаях, когда речь идет о правоприменении.

Прием классификации требует внимательного обращения, так как при недостаточно продуманном его применении существует риск составления механической классификации, когда пересекаются основания деления или, например, когда отсутствует связь между членами деления разного порядка.

Классификационный прием лежит в основе метода систематизации, который в юриспруденции занимает особое место, так как право представляет собой определенную систему норм. В правовой аргументации системный метод обеспечивает единство аргументационного процесса. Аргументы призваны обосновать тезис, который выступает как единое, связующее звено аргументации. Тезис определяет последовательность и связь аргументов. При нарушении связей аргументов друг с другом и с тезисом нарушается единство аргументационного процесса. В таком случае появляются избыточные аргументы или аргументы, не связанные с тезисом, что ставит под вопрос эффективность аргументации. При применении этого метода следует избегать замкнутости и жесткости в связывании аргументов. Право – это подвижная система, законы могут противоречить друг другу, так как противоречивыми являются общественные отношения, которые оно регулирует. К такой системе не всегда можно подходить с позиций алгебраической систематизации [3, с. 471].

Элементом систематизации правовой аргументации являются понятия и термины. Практика аргументации требует ясного и логически правильного определения юридических понятий. Если оппонент и проponent вкладывают в одно и то же понятие разное содержание, то такая аргументация не достигнет положительного результата. При определении понятий используются общелогические методы анализа, синтеза, сравнения, абстрагирования и обобщения при соблюдении логических правил и законов логики, прежде всего закона тождества.

Но здесь также необходимо отметить, что не все юридические понятия поддаются исчерпывающему определению. Как отмечал О. Эрлих, значение слов зависит от речевого контекста от личных и общественных взаимосвязей [4, с. 524].

Правовая аргументация в качестве оснований имеет как знания, относящиеся к точным наукам (например, результаты криминалистической экспертизы), так и предполагает смысловые интерпретации, которые содержатся, например, в следственных версиях или речи адвоката. Кроме этого, в правовой аргументации широко применяются понятия оценочного характера, к примеру, такие как «тяжелые обстоятельства», «правила приличия», «моральный вред», «необходимая оборона». Они выполняют роль концептов, которые адаптируют юридическое правило к фактам действительности, их содержание является достаточно размытым. Такие понятия придают гибкость нормативно-правовому регулированию, обеспечивают возможность регуляции законодательства в отношении каждого конкретного случая и выбора наиболее приемлемого варианта разрешения той или иной юридической проблемы [5, с. 20–21].

В правовой аргументации понимания содержания понятия часто бывает недостаточно. На практике возникают ситуации, когда содержание той или иной нормы невозможно установить путем буквального толкования – уяснения семантического содержания слов, с помощью которых норма сформирована. Содержание понятия может быть выявлено лишь на основе системного толкования, т. е. рассматривать отдельно взятую норму необходимо системно в контексте

с другими нормами и нормативными документами. Отрыв от системного толкования нормы может привести к ошибочным решениям.

Но право – это не только система норм, оно является составной частью более широкой социальной системы, функционирует и развивается в постоянной взаимосвязи с большим количеством других социальных факторов. Принимая это во внимание, любую норму нужно интерпретировать в контексте определенной реальности. Иначе говоря, закон, хотя и является от-правным, все же он не вполне достаточный способ для выработки правильного решения по делу. Решение является результатом комплекса факторов, объем и содержание которых, в свою очередь, в значительной мере определяются представлением правоприменителя о жизни, его профессиональным опытом.

Кроме понятий в правовой аргументации используются и термины. Они содержат в себе понятия, но в силу своей краткости выступают скорее как знаки. Термин – это высшая ступень формирования понятия. Соответственно задача терминологического метода состоит в том, чтобы наполнить его содержанием. Но по причине краткости термина это не всегда бывает возможно, особенно тогда, когда тот образован произвольно. Успешность применения терминологического метода зависит от ряда логических требований. Во-первых, термин обязательно должен выражать понятие, основой формирования термина является содержание понятия. Во-вторых, первостепенным условием применения терминов правовой аргументации является последовательность. Непоследовательность приводит к запутанности аргументации, неуместности применения термина, что ставит под сомнение полученные выводы.

Аналитический метод в правовой аргументации позволяет разложить аргументы и их части на составляющие с целью соединить их в единое целое. То есть каждая часть аргумента должна мыслиться как единое целое, так же как и определенный набор аргументов должен представлять единое целое в обосновании тезиса. Впоследствии предварительный анализ части как целого даёт возможность более широкого анализа последовательности связей между аргументами. Часто при установлении связи без предварительного разложения на части происходит ограничение результата аргументации. Вместе с тем чем более углубляется анализ, т.е. представления части как целого, тем более результативной будет аргументация.

Синтетический метод, включающий в себя процедуры, противоположные анализу, является методом обобщения, соединения, когда обнаруживается связь одного соединяемого с другим. Этот метод требует не только подбора материала для аргументации с целью синтеза, но и размышления, сосредоточенности на сравниваемых основаниях. Результатом этой работы будет убедительность и простота аргументации, ее объемность.

Все перечисленные методы касаются оформления аргументации в определенную систему. Для получения выводного знания используются такие логические методы, как дедукция, индукция и аналогия.

Упомянутый силлогистический метод, когда частный вывод делается на основе общего знания, лежит в основе дедукции, которая соответственно не дает новое знание, она лишь подтверждает уже имеющееся. Об ограниченности дедуктивного метода уже было сказано выше.

Метод индукции, противоположный дедуктивному, является наиболее признанным в социологической юриспруденции и ее вариантах, позволяет на основе обобщения частных случаев построить общее родовое суждение, сделать вывод на основе обобщения отдельных норм права. Эмпиричность индуктивного метода подразумевает не просто рассмотрение отдельной нормы, но и ее практическое применение.

По мнению О. Эрлиха, индуктивный метод, являясь более актуальным в науке, должен стать основополагающим в юриспруденции [4, с. 70]. Он позволяет перенести центр развития права с формально установленных государством норм на общество, социальные отношения, которые производят правовые нормы.

Эту мысль развивают и последователи О. Эрлиха, замечая, что на практике при принятии решений судьей, например, не ограничиваются только логической процедурой выведения из большей посылки – нормативно-правового акта, а учитывают экономические, политические условия, моральные установки и ценности. Закон таким образом не является исключительным основанием для обоснования выводов правовой аргументации, так как в текст закона невозможно

вместить все разнообразие общественной жизни [цит. по: 6, с. 568]. Выбирая правовое решение, необходимо учитывать множество факторов и принимать во внимание, что право изменяется под влиянием этих факторов и судье, например, приходится разрешать конфликт между изменчивыми потребностями жизни и застывшими формами закона.

Данную точку зрения также разделяет и реалистическая школа права, которая внесла большой вклад в развитие теории правовой аргументации и взгляды которой, связанные с тем, что тексты законов никогда не претворяются в действующее законодательство в чистом виде, в настоящий момент не вызывают сомнения [7, с. 329]. Подвергая критике большие возможности силлогистического метода, представители этой школы утверждают, что в основе обоснования судебных решений и других правовых тезисов лежит реальный комплекс действий официальных лиц – применение правовых норм с учетом политических, экономических, моральных, личных факторов аргументационного процесса.

Индуктивный метод в правовой аргументации, несмотря на свои явно позитивные возможности в получении нового знания, имеет определенные условия применения, которыми являются, например, недопущение поспешных обобщений, обоснованное выделение причинно-следственных связей. Большую роль в применении индуктивного метода играет практический опыт, связь с реальными жизненными ситуациями, личный опыт в усвоении и применении норм.

Несмотря на такое широкое обоснование преимуществ индукции в правовой аргументации, все же нельзя сказать, что этот метод используется обособленно. Индукция и дедукция применяются в комплексе, так как в праве предполагается наличие у них общих начал, аксиом, постулатов, но источником их формирования является определенный практический опыт. Право сегодня ориентировано на дедуктивно-индуктивный способ аргументации, так как чрезмерная ориентация на реальность, в которой существует множество различных взглядов, мнений, ценностей, часто противоречивого характера, скорее не приближает к утверждению права, а порождает произвол и беззаконие.

В определенных ситуациях в правовой аргументации применяется и метод аналогии, который, впрочем, некоторые ученые воспринимают как разновидность индукции [8, с. 171], когда умозаключение строится от знания к знанию одинаковой степени общности. Умозаключения подобного рода дают лишь вероятностный результат, и применение этого метода часто вызывает сомнения, но, с другой стороны, трудно представить исследования в какой-либо области без обращения к аналогии.

В правовой аргументации аналогия является актуальной по той же причине, что и индуктивный метод – она убедительна, когда речь идет о решении вопросов, связанных с конкретными жизненными ситуациями. Аналогия будет востребована тогда, когда процесс аргументации выходит за рамки собственно научного знания, т. е. находится в сфере дискурсивных практик.

Рассматривая какое-либо дело и его особенности, часто можно апеллировать к подобному делу, которое уже встречалось в судебной практике, по аналогии сделать соответствующие выводы и принять оптимальное решение. Аналогия также тесно связана с методом моделирования, который используется для предсказания поведения человека в определенной правовой ситуации, когда создается гипотетическая конструкция, которая содержит в себе воспроизводимые слепки реального или будущего объекта действительности [9, с. 64].

В правовой аргументации может быть использована неправомерная аналогия, публичное опровержение которой подтверждает достоверные выводы. Наконец, умозаключения по аналогии могут применяться в убеждении, придавая речи ироническую окраску и метафоричность. Аналогия будет актуальна в случаях, когда демонстративные методы не работают в связи с отсутствием знаний, исчерпывающей информации о предмете дела, когда необходимо обращаться к практике, жизненному опыту [10, с. 83].

Таким образом, использование логических методов в правовой аргументации необходимо для ее систематизации, непротиворечивости и убедительности. К ним относятся методы систематизации, анализа, синтеза, терминологический метод. При этом каждый имеет свой потенциал в этом процессе в зависимости от того, какой вопрос должен быть решен и каким объемом информации владеют оппоненты. Силлогистический метод более востребован в решении тео-

ретических проблем, индукция и аналогия – когда речь идет о конкретных правовых и жизненных ситуациях. Применение логических методов в правовой аргументации требует комплексного подхода, так как только таким образом обеспечивается ее целостность и убедительность.

Список источников

1. Демина Л.А. Теория и практика аргументации. М.: Норма, 2022. 272 с.
2. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *Traité de l'argumentation. La nouvelle rhétorique*. Bruxelles: Éditions de Université libre de Bruxelles, 2008. 740 p.
3. Бержель Ж.-Л. Общая теория права : пер. с фр. М.: NOTA BENE, 2000. 576 с.
4. Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2011. 704 с.
5. Фетисов О.Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 23 с.
6. Антонов М. В. У истоков социологии права: Ойген Эрлих // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 565–592.
7. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение. М.: Международные отношения, 2003. 480 с.
8. Ивин А. А. Логика : учеб. пособие для студентов вузов. М.: Оникс; Мир и образование, 2008. 336 с.
9. Тринитка Д.Г. Моделирование в праве как способ познания правовых явлений // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 1 (11). С. 61–64.
10. Невельская-Гордеева Е.П., Шестопал С.С. Особенности применения умозаключений по аналогии в судебной аргументации // Территория новых возможностей. Вестн. Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса. 2016. № 2. С. 76–83.

References

1. Demina L.A. *Theory and practice of argumentation*. Moscow: Norma Publ.; 2022. 272 p. (In Russ.).
2. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *Treatise on argumentation. New rhetoric*. Brussels: Université libre de Bruxelles Press; 2008. 740 p. (In French).
3. Bergel J.-L. *General theory of law*. Moscow: NOTA BENE Publ.; 2000. 576 p. (In Russ.).
4. Ehrlich E. *The founding of the sociology of law*. Transl. from German by M. V. Antonov; V. G. Grafsky, Yu. I. Grevtsov, eds. Saint Petersburg: University Publishing Consortium; 2011. 704 p. (In Russ.).
5. Fetisov O.E. *Evaluation concepts in law: problems of theory and practice*. Dissertation Thesis. Tambov, 2009. 23 p. (In Russ.).
6. Antonov M. V. At the origins of the sociology of law: Eugen Ehrlich. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava = Russian Yearbook of the Theory of Law*. 2008;(1):565-592. (In Russ.).
7. Koch H., Magnus U., Winkler von Mohrenfels P. *International private law and comparative jurisprudence*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2003. 480 p. (In Russ.).
8. Ivin A. A. *Logic*. Moscow: Oniks; Mir i obrazovanie Publ.; 2008. 336 p. (In Russ.).
9. Trinitka D.G. Modeling in law as a way of knowing legal phenomena. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and Applied Jurisprudence*. 2022;(1):61-64. (In Russ.).
10. Nevel'skaya-Gordeeva E.P., Shestopal S.S. Features of the use of conclusions by analogy in judicial argument. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestn. Vladivostokskogo gos. un-ta ekonomiki i servisa = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2016;(2):76-83. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.Д. Парунова – кандидат философских наук, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Information about the author

Yu.D. Parunova – Candidate of Science (Philosophy), Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines.

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 16.09.2022.
The article was submitted 21.06.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 130.2
doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-27-32

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ МИССИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Татьяна Александровна Чикаева

Московский художественно-промышленный институт, Москва, Россия, umoi@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается и обосновывается миссия современного образования в связи с необходимостью преодоления негативных тенденций преобразования культуры, потребностью в человеке-творце. Указывается, что прагматическая направленность современного образования порождает проблемы из-за отсутствия способности человека самостоятельно разобраться как в поверхностных, так и в глубинных процессах культуры, ведёт к кризису национальной культурной идентичности. Дальнейшее развитие этой тенденции может привести к крайне отрицательным последствиям. На основе анализа различных источников и эмпирических данных делается вывод, что миссия образования – в формировании образной картины мира, ключевое место в которой должен занимать образ Родины, поскольку от его содержания и актуализации зависит мировосприятие и поведение личности, её отношение к сохранению и передаче следующим поколениям материальных и духовных ценностей предков. Тогда станет возможным воспитание в рамках реализации образовательных программ патриотов-творцов вместо космополитически настроенных потребителей-космополитов. Миссия образования, следовательно, состоит в формировании у подрастающих поколений таких образов Родины, которые позволили бы понять целостно и адекватно её сущность как духовной субстанции, высшей ценности, святыни, необходимого источника бытия всех иных материальных, духовных и социальных объектов. Это даст возможность преодолеть ряд недостатков текущего момента и обеспечить конструктивное развитие личности и социума, повысить качество созидательного труда, обеспечить развитие общества как целостного единства разных элементов без их унификации.

Ключевые слова: образование, миссия образования, воспитание, образная картина мира, образ Родины, формирование образов, культура, творчество, преодоление негативных тенденций

Для цитирования: Чикаева Т.А. Современная мировоззренческая миссия образования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 27–32.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MODERN IDEOLOGICAL MISSION OF EDUCATION

Tatiana A. Chikaeva

Moscow Art and Industrial Institute, Moscow, Russia, umoi@rambler.ru

Abstract. The article aims to define and justify the mission of modern education. The relevance of this issue is connected with the need to overcome negative trends in the transformation of culture, the need for a human creator. It is pointed out that the pragmatic orientation of modern education generates problems associated with the lack of a person's ability to understand independently both the superficial and deep processes of culture, leads to a crisis of national cultural identity. Further development of this trend can lead to extremely negative consequences. Based on the analysis of various sources and empirical data, it is concluded that the mission of education should be to form an imaginative picture of the world, in which the image of the Motherland should occupy a key place, since the perception and behavior of the individual, its attitude to the preservation and transmission of the material and spiritual values of the ancestors depends on its content and actualization. Then it will be possible to form within the framework of the implementation of educational programs instead of cosmopolitan consumers-cosmopolitans, patriots-creators. The mission of education, therefore, is to fulfill the task of forming in the younger generations such images of the Motherland that would allow them to

understand holistically and adequately understand its essence as a spiritual substance, the highest value, a shrine, a necessary source of existence of all other material, spiritual and social objects. This will make it possible to overcome a number of shortcomings of the current moment and ensure the constructive development of the individual and society, improve the quality of creative work, ensure the development of society as an integral unity of different elements, without their unification.

Keywords: education, mission of education, upbringing, imaginative picture of the world, image of the Motherland, formation of images, culture, creativity, overcoming negative trends

For citation: Chikaeva T.A. Modern Ideological Mission of Education. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(3):27-32. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

История общества представляет собой непрерывный процесс смены поколений, в котором каждое последующее получает от предыдущего совокупность сохранённых и приумноженных материальных и духовных ценностей. Сохранение и изменение присутствуют на всех уровнях бытия человека: биологическом, социальном, духовном, а потому состояние ценностей, которыми обладает каждое конкретное поколение людей, зависит как от объективных факторов, так и от субъективных усилий личностей и социальных групп. В этой связи первостепенное значение приобретает сфера образования, поскольку именно здесь происходит контролируемый процесс познавательного знакомства подрастающего поколения с ключевыми ценностями культуры и цивилизации, обеспечивается способность различения истинных и ложных ценностей, определения аксиологического вектора тех или иных действий.

Вместе с тем образование и в России, и в других странах зачастую утрачивает направленность на формирование мировоззрения личности, выдвигая на первое место задачу подготовки производителя или потребителя благ и услуг. Об этом свидетельствует, например, безусловный приоритет работодателей как оценщиков качества реализуемых образовательных программ, значительное увеличение объёма времени, отводящегося на практическую подготовку, убирание из обязательных дисциплин тех, в рамках которых объективно происходит становление мировосприятия личности [1].

В результате после освоения образовательных программ человек, возможно, и готов к выполнению определённой социально-экономической функции, но совершенно безграмотен в фундаментальных вопросах понимания как поверхностных, так и глубинных культурных процессов. Соответственно снижается творческий потенциал выпускников образовательных организаций, уровень их компетентности в решении стратегических задач и достижении поставленных целей. Это очевидно для многих преподавателей и руководителей образовательных организаций, представителей общественности [2].

Особенно ярко негативные тенденции прослеживаются, если оценить, насколько выпускники образовательных программ готовы выполнить стратегическую цель сохранения и приумножения ценностей национальной культуры, продолжения дела своих предков. Провозглашаемому тезису о значимости патриотического воспитания противостоит множество указаний и обязательных рекомендаций, из-за которых результат любых попыток заняться этой целью в лучшем случае будет минимальным или нейтральным, а чаще – отрицательным. Особенности национальной культуры в условиях, выставленных нормативными актами, рассматриваются как довесок к объективным данным профессиональной сферы. Необходимость знать родную культуру, так же как культуру любого другого государства, связывается прежде всего с возможностью получения конкурентных преимуществ и решения производственных задач в любой точке мира. Следовательно, современное образование надо признать космополитическим и узкопрофессионально направленным. Оно способствует унификации национальных культур и утрате национально-культурной идентичности, утрате потребности в сохранении культурной самобытности своего народа. Решается только низовая задача – подготовка к обеспечению и поддержанию материального бытия. Но её решение без постановки и решения других задач более высокого уровня обязательно столкнётся с проблемой недостатка ресурсов и активизации

ситуации естественного отбора, что, впрочем, уже наблюдается. Последствия могут быть крайне негативными.

Представляется актуальным и обоснованным осуществить выход из создавшейся ситуации через определение и реализацию мировоззренческой миссии образования в современном обществе. Она, по нашему мнению, состоит в том, чтобы сформировать и развить мировоззрение личности, обеспечить понимание системы национальных ценностей, сформировать истинного патриота своей Родины. Только тогда личность или социальная группа способны получить аксиологическое бытие, реализовать свой оригинальный творческий потенциал. Основным методическим приёмом выполнения этой миссии является формирование и актуализация образа Родины. В целях упреждения обвинений в излишней идеологизации целесообразно сделать некоторые пояснения и разъяснения.

Образование понимается как совокупность обучения и воспитания, т. е. гносеологически-аксиологический процесс, который по своему содержанию намного шире, чем овладение компетенциями. Именно так образование понимается в философии. Г. В. Ф. Гегель рассматривает в этом качестве «внутреннюю потребность человека, способ овладения знанием, обеспечивающим выход личности за собственные пределы» [3, с. 421], т. е. преодоления привязанности к эмпирическим данным и сосредоточенности на материалистических проблемах, приобретение способности творить, совершенствовать себя и окружающую действительность. С этой концепцией согласуется точка зрения В.С. Соловьева, видящего цель образования в следовании идеалам истины, добра и красоты, которые составляют одно целое [4, с. 284]. Система образования, следовательно, должна в первую очередь быть нацелена на развитие мировосприятия личности, стимулирование её к постановке фундаментальных вопросов о сущности мира, культуры, собственного вклада в их совершенствование. Эта цель достигается через решение задачи формирования образной картины мира, центральное место в которой занимает образ Родины.

Проведённое исследование позволяет нам предложить следующее определение: «Родина – сложно организованная духовная субстанция, первичная по отношению к любому природному, материальному, социальному или интеллектуальному объекту» [5, с. 53]. Родина даёт возможность объектам реально существовать, а для социальных объектов предоставляет возможность утверждения самобытности и саморазвития. Онтология Родины предопределяет её субъектность, существование в качестве активного участника социокультурных процессов, а её функции обуславливают отношение к ней как к святыне, высшей сакральной ценности. Наш вывод совпадает с результатами размышлений отечественных и зарубежных философов. Так, М. Хайдеггер рассматривает Родину как субъект, наделённый чертами особой ценности, «источник ободрения» [6, с. 43]. Она, следовательно, определяет положительные черты национальной личности, стимулирует человека на творчество и совершенствование, сохранение и приумножение достижений национальной и инациональной культуры. И. А. Ильин находит сущность Родины в духе и святынях [7, с. 318], сходную точку зрения отстаивают С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк и другие мыслители [5, с. 32–33].

Как можно заметить, предложенная дефиниция слабо согласуется с широко известным и внедряемым в сознание определением Родины как места рождения кого-либо или государства, чьим гражданином человек является. Будет справедливо и обоснованно вслед за И. А. Ильиным отвергнуть и все прочие определения Родины, носящие бытийственно-материальный характер. Философ пишет: «Ни одно из них, взятое само по себе, не составляет родины: ни пространственное рядом-жительство людей, ни кровная связь происхождения, ни национальная и расовая принадлежность, ни привычный быт, ни хозяйственное единение, ни природа, ни общность положительного права или государства» [7, с. 318]. Всё вышеперечисленное является ограниченным по времени, нуждается в активном внешнем начале, субъективном решении, может служить основанием как для положительных, так и отрицательных тенденций развития культуры, а следовательно, уже не является всегда тем источником ободрения, который видится в Родине.

Дефиниция Родины как духовной субстанции, первоисточника всего национального бытия и культуры, ключевых качеств личности делает необходимым восприятие её в качестве высшей ценности, святыни, без которой невозможно само существования ни отдельного человека, ни

народа, ни государства, из чего прямо вытекает потребность в изучении сущности Родины, приобретении способности отличить её от всего прочего. Именно в таком качестве она должна познаваться подрастающим поколением.

Изучение Родины должно отличаться от изучения материальных и социальных объектов. И. А. Ильин использует термин «обретение Родины» [7, с. 318] и указывает на то, что оно должно осуществляться в форме акта духовного самоопределения, т. е. нравственного решения, соединяющего онтологическое и аксиологическое восприятие и осмысление. В этой связи следует обратить особое внимание на методологию обращения к категории «Родина» в образовательном процессе, указания основных инструментов и механизмов решения данной задачи. Всякий духовный объект, тем более такой как Родина, истина, прекрасное, становится действительно понятен человеку через его образы. Без образного наполнения содержание таких категорий пусто, носит формальный характер, легко может быть опровергнуто, способно привести к разрыву между теоретическими построениями и практикой.

Для того чтобы понять, чем является образ и что составляет его содержание и определяет форму, целесообразно проанализировать его дефиниции. Согласно Новой философской энциклопедии, образ – это «результат реконструкции объекта в сознании человека; понятие, являющееся неотъемлемым моментом философского, психологического, социологического и эстетического дискурсов... Главная его черта – репрезентация идеального, соединённого с нравственно-этическими и социально-культурными ценностями и оценочными суждениями» [8, с. 128]. В этой связи сформированность образа свидетельствует о понимании человеком сущности объектов и явлений, принятии им осмысленных решений, способности расширять меру своего знания и понимания, преодоление ограничений, связанных с особенностями профессиональной деятельности.

С данными выводами согласуется высказывание русского философа А. Ф. Лосева, определяющего образ как «сознательную направленность на иное и сознательное воздержание от этого иного, когда субъект, воспользовавшись материалом иного, уже пытается обойтись без этого иного, силою собственной интеллигенции» [9, с. 670]. Следовательно, формирование образа есть неотъемлемый атрибут целостного мышления, включения субъекта в объективные культурные процессы. Образ в отличие от понятия выходит за рамки формальной логики, включает логические и эмоциональные характеристики, объединяет субъект и объект познания, позволяет соединить объективные качества источника образа и субъективные способности субъекта, его стремления, поставленные цели.

Образ Родины, соответственно, есть репрезентация в сознании человека Родины как духовного, нравственного объекта в его целостности, так и его места в системе ценностей личности. В отличие от самой Родины, чьё существование объективно, образы Родины существуют только при наличии познающего субъекта и могут быть сформированы и актуализированы. Мы можем заключить, что именно формирование образа Родины является условием понимания её сущности человеком и социальной группой, даёт возможность ставить и решать практические задачи с учётом понимания фундаментальных культурных процессов, выстраивать комплексное понимание бытия природы и общества, быть творцом. Образы Родины могут формироваться как стихийно, в естественной среде, так и целенаправленно. Отсюда следует ключевая роль системы образования в формировании адекватного образа Родины и соответствующего ему мировосприятия личности.

Без формирования образа Родины как сложной, творящей духовной субстанции возможна подготовка только потребителя, объективно приводящего культурное развитие в тупик. На наш взгляд, отличие между патриотом и потребителем-исполнителем верно подметили в своей работе А.Н. Выршиков и М.Б. Кусманцев: «Если потребитель или обыватель, ориентированный на рыночные отношения как основные, способен лишь адаптироваться к современному обществу, скользить по его поверхности, не вникая в существенные проблемы, то патриот нацелен на освоение этого общества, на творческий подход к решению его проблем, на его гуманистические и культурные – наряду с экономическими – преобразования» [10, с. 5].

Следовательно, без способности генерировать образы, соотносить их с ключевым основополагающим образом Родины человек теряет способность к творчеству и культурному взаимо-

действию, неизбежно снижается и уровень его участия в управлении необходимыми процессами жизни. Формирование образа требует сочетания интеллектуальных, эмоциональных и нравственных усилий, в данном процессе нельзя пренебречь ни логической, ни оценочной, ни творческой стороной. Логическое осмысление объектов и процессов является составной частью формирования образа и его применения в социокультурной практике.

Итак, для преодоления мировоззренческого кризиса, признаки которого уже наблюдаются в обществе, сфера образования должна сделать акцент на формирование образов. Образ как единица усвоения и осмысления чего-либо должен стать приоритетным по отношению к понятию, поскольку он позволяет рассмотреть объект всесторонне, с учётом всех возможностей и взаимодействий. У выпускника образовательной программы должна быть сформирована адекватная образная картина мира, в соответствии с которой будут решаться все практические задачи. Практикоориентированность образовательных программ должна вытекать из необходимости формирования и закрепления образов, образной картины мира.

Миссия образования, следовательно, состоит в том, чтобы сформировать понимание образной картины мира как целостного, сложноорганизованного, диалектического, т. е. постоянно изменяющегося, объекта, в состав которого входит и сам познающий субъект как носитель нравственно-интеллектуальных качеств. Так как мир и культура порождают великое множество образов, следует обратить внимание на то, что основной акцент необходимо сделать на формировании образа Родины. Он является основой для гармоничного развития личности, позволяет обеспечить перспективу развития и совершенствования социального бытия в единстве с природой и в многообразии национальных культур.

Список источников

1. Макет ФГОС СПО 2021 для специальности. URL: <https://firpo.ru/wp-content/uploads/2021/04/Макет-ФГОС-СПО-специальность.pdf> (дата обращения: 22.05.2022).
2. Перспективы высшего дизайн-образования в условиях ФГОС 3++ : материалы межвуз. науч.-метод. конф. М.: МХПИ, 2020. 126 с.
3. Гегель Г. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 876 с.
4. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. СПб.: Художественная литература, 2006. 526 с.
5. Чикаева Т.А. Родина. Патриотизм (социально-философское исследование). М.: МХПИ, 2019. 129 с.
6. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб.: Академический проект, 2003. 320 с.
7. Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск: Посох, 1995. 511 с.
8. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.
9. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос / сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с.
10. Вырщикова А.Н., Кусманцев М.Б. Теоретические основания инновационного развития патриотического воспитания в регионе // Изв. ВПГУ. Педагогические науки. 2015. № 3 (98). С. 4–10.

References

1. *The layout of the FGOS SPO 2021 for the specialty*. Available from: <https://firpo.ru/wp-content/uploads/2021/04/Макет-ФГОС-СПО-специальность.pdf> [Accessed 22nd May 2022]. (In Russ.).
2. *Prospects of higher design education in the conditions of the Federal State Educational Standard 3++*. Proceedings of the Interuniversity Scientific and Methodological Conference. Moscow: MHPI Press; 2020. 126 p. (In Russ.).
3. Gegel G. *Phenomenology of the Spirit. Philosophy of history*. Moscow: Eksmo Publ.; 2007. 876 p. (In Russ.).
4. Solovev V.S. *Readings on God-Manhood*. Saint Petersburg: Hudozhestvennaya literatura Publ.; 2006. 526 p. (In Russ.).
5. Chikaeva T.A. *Motherland. Patriotism (Social and Philosophical Research)*. Moscow: MHPI Press; 2019. 129 p. (In Russ.).
6. Haidegger M. *Explanations to the poetry of Gelderlins*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt Publ.; 2003. 320 p. (In Russ.).

7. Ilyin I.A. *Motherland and we*. Smolensk: Posokh Publ.; 1995. 511 p. (In Russ.).
8. *The New Philosophical Encyclopedia*. In 4 vol. Vol. III. Moscow: Mysl Publ.; 2010. 692 p. (In Russ.).
9. Losev A.F. *Being - name - cosmos*. Comp. and ed. by A.A. Tahoe-Godi. Moscow: Mysl Publ.; 1993. 958 p. (In Russ.).
10. Vyrshchikov A. N., Kusmantsev M. B. Theoretical basis of the innovative development of patriotic education in the region. *Izv. VPGU. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. 2015;(3):4-10. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.А. Чикаева – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Information about the author

T.A. Chikaeva – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines.

Статья поступила в редакцию 22.05.2022; одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.
The article was submitted 22.05.2022; approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 94(437)
doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-33-37

ПРОТЕСТЫ МАЯ 1968 ГОДА ВО ФРАНЦИИ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: КОНФЛИКТ НАРРАТИВОВ

Никита Валерьевич Булавинцев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, bulavincev@sfedu.ru

Аннотация. События Мая 1968 г. во Франции являются спорным вопросом как в общественных дискуссиях, так и в научной литературе. Анализируются ключевые публикации в зарубежной литературе, посвященные рассмотрению конфликта нарративов о майских протестах, с целью систематизировать представление о «конфликтной памяти» о Мае. Подчеркивается, что уже в 1968 г. отсутствовало единое представление о протестах и нарратив о Мае отличался противоречием мнений. Рассматриваются также публикации, освещающие разные грани проблемы «конфликта нарративов». Работы Р. Арона, К. Ридера, К. Росс, М. Сайдмана и К. Рейнольдса проблематизируют два измерения конфликта: несоответствие памяти реальности и противоречие между двумя несопоставимыми воспоминаниями о Мае, что принципиально невозможно найти консенсус в отношении майских событий не только в публичном представлении, но и в научной литературе.

Ключевые слова: Май 1968 г., конфликт нарративов, коллективная память, студенческие протесты, Р. Арон

Для цитирования: Булавинцев Н.В. Протесты мая 1968 года глазами зарубежных исследователей: конфликт нарративов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 33–37.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE PROTESTS OF MAY 1968 IN FRANCE IN THE EYES OF RESEARCHERS: CONFLICT OF NARRATIVES

Nikita V. Bulavintsev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, bulavincev@sfedu.ru

Abstract. The events of May 1968 in France are controversial both in public discussions and in the scientific literature. The article analyzes key publications in foreign literature devoted to the analysis of the conflict of narratives about the May protests in order to systematize the idea of a “conflict of memory”. The article demonstrates that already in 1968 one can see the lack of a common perception of the protests and the narratives about the May events differed significantly. The author analyzes key publications that investigate different sides of the problem of “narrative conflict”. The analysis of the works of R. Aron, K. Reeder, K. Ross, M. Seidman and K. Reynolds concludes that the publications problematize two dimensions of the conflict: the inconsistency of memory with reality and the contradiction between different memories of May. The author concludes that it is fundamentally impossible to find a consensus on the May events not only in public discourse, but also in the scientific literature.

Keywords: May 1968, conflict of narratives, collective memory, student protests, R. Aron

For citation: Bulavintsev N.V. The Protests of May 1968 in the Eyes of Researchers: Conflict of Narratives. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):33-37. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

События Мая 1968 г. во Франции уже не одно десятилетие вызывают споры как в общественных дискуссиях на национальном уровне в отдельных странах, так и в исследовательской среде. Как отметил А.В. Шубин, события 1968 г. стали кульминацией целого периода, «в то время, когда нации и культуры были еще отделены друг от друга и различались между собой — а в 1968 году Польша, Франция, Соединенные Штаты и Мексика отличались друг от друга значительно сильнее, нежели сегодня, — произошло самовозгорание мятежного духа по всему миру» [1, с. 30].

Впрочем, представление о протестах того года никогда не было столь унифицированным. На национальном уровне во Франции так и не смог сформироваться консенсус по этому поводу. Значительное число французских лидеров считали их причиной многих социальных и политических бед Франции [2]. Совершенно иную оценку можно обнаружить в англоязычной прессе. В большинстве статей крупных изданий события воспринимаются исключительно в положительном свете, предстают годом, который разделит историю Франции на «до» и «после», месяц, «который толкнул Францию в современный мир» [3].

Мы видим, как события мая становятся неоднородными в коллективной памяти и производят множество зачастую противоречащих друг другу мнений. В исследовательской среде также не наблюдается консенсуса по поводу Мая '68. Наша цель – проанализировать зарубежную литературу, в которой затрагивается проблема конфликта нарративов о майских событиях и конфликтующей коллективной памяти, и систематизировать представление об этой проблеме.

Майские протесты застали врасплох жителей Франции. Их не смогли предсказать ни репортеры, ни социологи. В своей статье, вышедшей в самом начале 1968 г., радикальный левый социолог А. Горц заявлял: «В обозримом будущем не предвидится кризиса европейского капитализма, который подтолкнул бы массу рабочих к революционным всеобщим забастовкам» [4, р. 111]. В мае, всего лишь через несколько месяцев после публикации, в центре Парижа вспыхивают протесты невиданного масштаба, которые приводят к всеобщей забастовке. Отношение к происходящему во Франции было противоречивым. Пресса разной политической направленности, с одной стороны, сочувствовала протестующим студентам, признавая, что они сталкиваются с большим количеством трудностей. С другой стороны, репортеры, как и обычные жители Парижа, осуждали студентов-provokаторов, которые стали причиной жестокости и насилия. После «ночи баррикад» все сложнее найти консенсус в отношении к протестам – насилие со стороны полицейских также вызывало осуждение французов, из-за чего симпатии многих людей перешли на сторону восставшей молодежи. Помимо этого, реакции других стран и даже европейского объединения сильно отличались друг от друга [5].

Научные работы, вышедшие в первые годы после протестов, пересекали грань и становились более публицистическими по своему содержанию. Многие участники протестов написали книги, где пытались проанализировать причины провала неудавшейся майской «революции» [6, 7]. На фоне работ, которые пытаются романтизировать образ протестов, приукрасить их значимость для истории Франции, выделяется публикация Р. Арона [8]. Его цель – развеять «романтический» и «таинственный» образ протестов, воспринимая события мая не как драму, развернувшуюся на улицах Парижа, а как фантазию и «психодраму», изобличая иррациональные мотивы протестующих, инфантильность их революционных желаний и неспособность идти на диалог. В этой работе протесты студентов-революционеров Арон противопоставляет самой реальности, желая «десакрализировать» события 1968 г.

Исследование К. Ридера [9] стало одной из первых англоязычных работ, которые были посвящены не столько анализу сути майских протестов, сколько «наследию» Мая в научном и общественном дискурсе. Автор говорит о существовании разных полюсов в восприятии майских событий не только в научной среде, но и в воспоминаниях. Работа подчеркивает множе-

ственность нарративов о событиях, структурируя наиболее распространенные трактовки. Многие из этих повествований противоречат друг другу. Как замечает автор, майские протесты воспринимались и как кризис университетской системы, и как «психодрама», и как символическое «отцеубийство».

Книга среди прочего поднимает проблему определения статуса событий, указывая на все более разрастающийся список наименований Мая, которые пытаются отнести их к разным категориям. Среди них – «кризис», «бунт», «революция» часто встречаются в литературе, но определение, которое отмечается намного чаще обычного, а также то понятие, демонстрирующее ускользающую «суть» майских протестов – безличный термин «событие». События мая хоть и являются одними из наиболее влиятельных в истории Европы, включает Ридер, но тем не менее «история Мая такая неоднозначная и непонятная» [9].

К. Росс также пытается осмыслить наследие событий Мая и отмечает необычное противоречие. Порой смысл событий утрачивается из-за забвения. Но в данном случае колоссальное количество нарративов, а не «вымывание из памяти», тривиализировало и способствовало активному забвению сути майского протеста. По мнению Росс, дискурс, который сложился вокруг событий, «словоблудие» затемняют и скрывают историю Мая и его значение. Автор выступает против восприятия майских событий как культурного явления, что основано на заблуждениях, и уводит нас от понимания событий 1968 г. Утверждает, что мейнстримные суждения о Мае скрывают истинные мотивы протестующих, которые были именно политическими, сталкивая два нарратива – майские протесты как культурное событие и как политическое. По мнению Росс, исследователи, подчеркивая культурные «успехи» протестов и пытаясь таким образом выставить майские протесты как «культурное предприятие», искажают «истинное лицо Мая» [10].

Работу К. Росс часто сравнивают и иногда противопоставляют книге М. Сайдмана [11], который, несмотря на то, что пишет о мифологии Мая, предлагает иную ревизию наследия событий. Он с сочувствием относится к протестующим, но отмечает их ограниченное влияние, которое чрезмерно превозносится в исследовательских работах и публицистике. Отвергает мнение, что события Мая «сконструировали современную реальность». В его представлении, большинство последствий, приписываемых майским протестам, имели свои истоки в событиях, предшествовавших Маю. Здесь они предстают не датой «разрыва», знаменующей некий новый этап в истории, а событием, которое показало преемственность социальных и политических тенденций, присутствовавших уже во французском обществе. Мнение и Росс, и Сайдмана о том, что популярные научные и публицистические представления о Мае неточны и ошибочны, совпадает.

Одно из более современных исследований К. Рейнольдса анализирует образ событий 1968 г. во времена «юбилеев». Автор подчеркивает, что, несмотря на то, что литература о Мае многочисленна, события с определенным постоянством находятся в центре внимания общественности. Тем не менее протесты 1968 г. воспринимаются в относительно узких рамках. Рейнольдс утверждает, что Май '68 занял особое место в сердцах и умах французов, хотя многие элементы «вымывались» из общественной памяти. Работа демонстрирует противоречие. С одной стороны, общественный консенсус признает особый статус Мая 1968 г., но, с другой – публичный дискурс, по мнению Рейнольдса, не отражает и не признает истинное разнообразие событий Мая. Исследование концентрируется на взаимоотношениях и противопоставлении исторического события и памяти о нем, указывая, что коллективное представление о майских событиях сформировалось таким образом, что подрывает саму историю 1968 г. [12].

Огромное количество других публикаций проблематизируют конфликтную память о событиях Мая 1968 г. Несмотря на то что многие из описанных ключевых работ активно спорят друг с другом, их подходы к изучению событий Мая различны и зачастую несопоставимы, тем не менее мы можем выделить определенные схожие моменты. Вся совокупность работ анализирует два типа конфликта нарративов. Во-первых, противоречия между «реальностью» и «памятью». Во-вторых, конфликт между «памятью» и «памятью». Это показывает глубину проблемы и еще больше ставит под вопрос возможность достичь определенный консенсус в отношении событий 1968 г. Разнообразие трактовок в адрес события, которое произошло не так давно в исторической перспективе, указывает нам на сложность и даже невозможность четко

определить последствия протестов и их историческую «суть». Как отмечают В.С. Савчук и Р.С. Айриян, «...и сегодня они [события Мая] рассматриваются и оцениваются совершенно по-разному, и сегодня политические позиции, философские убеждения, эстетические и этические предпочтения нередко оказывают определяющее воздействие на понимание проблемы 1968 года» [13, с. 10]. Подтверждение этому содержится в научной литературе. Корпус работ, посвящённых анализу нарративов о Мае, демонстрирует всю сложность определения событий и их значения для общества Франции и всего мира и еще большую сложность в том, чтобы перелистнуть эту страницу в истории Франции.

Следует также сказать, что это событие стало скорее «литературным явлением», притягивая огромное количество внимания исследователей со всего мира. Публикации по данной теме демонстрируют нам отсутствие консенсуса не только в публичном представлении событий, но и в научной литературе, свидетельствуя о том, что «уроки Мая» остаются все еще актуальными и злободневными для исследователей.

Список источников

1. Шубин А.В. «Красный май»: что это было? // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 4. С. 28–45.
2. Le Mai imaginaire de Nicolas Sarkozy // Le Figaro. 2007. URL: https://www.lefigaro.fr/debats/2007/05/04/01005-20070504ARTFIG90044-le_mai_imaginaire_de_nicolas_sarkozy.php (дата обращения: 05.02.2022).
3. Rubin A. May 1968: A Month of Revolution Pushed France Into the Modern World // The New York Times. 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/05/world/europe/france-may-1968-revolution.html> (дата обращения: 05.02.2022).
4. Gorz A. Reform and Revolution // The Socialist Register. L., 1968. Vol. 5. P. 111–144.
5. Булавинцев Н.В. Реакция европейских сообществ на события мая 1968 года: конфликт европейского измерения? // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 1. С. 24–27.
6. Bourges H. La Révolte étudiante, les animateurs parlent. Paris: Editions du Seuil, 1968. 129 p.
7. Bensaid D., Weber H. Mai 1968 : une répétition générale. Paris: Maspéro, 1968. 256 p.
8. Aron R. La Révolution introuvable: Réflexions sur les événements de mai. Paris: CALMANN-LEVY, 2018. 288 p.
9. Reader K., Wadia K. The May 1968 Events in France. Reproductions and Interpretations. L.: Macmillan Press LTD, 1993. 210 p.
10. Ross K. May '68 and Its Afterlives. Chicago: University of Chicago Press, 2004. 247 p.
11. Seidman M. The Imaginary Revolution: Parisian Students and Workers in 1968. New York: Berghahn Books, 2004. 324 p.
12. Reynolds C. Memories of May '68. France's Convenient Consensus. Cardiff: University of Wales Press, 2011. 189 p.
13. Савчук В.С., Айриян Р.С. 1968: «Апокалипсис у ворот», «Социализм с человеческим лицом» и сексуальная революция? // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 4. С. 8–26.

References

1. Shubin A.V. “Red May”: what was it? *Novoye proshloe = The New Past*. 2018;(4):28-45. (In Russ.).
2. Le Mai imaginaire de Nicolas Sarkozy. *Le Figaro*. 2007. Available from: https://www.lefigaro.fr/debats/2007/05/04/01005-20070504ARTFIG90044-le_mai_imaginaire_de_nicolas_sarkozy.php [Accessed 5th February 2022].
3. Rubin A. May 1968: A Month of Revolution Pushed France Into the Modern World. *The New York Times*. 2018. Available from: <https://www.nytimes.com/2018/05/05/world/europe/france-may-1968-revolution.html> [Accessed 5th February 2022].
4. Gorz A. Reform and Revolution. *The Socialist Register*. London, 1968;5:111-144.
5. Bulavintsev N.V. The reaction of the European communities to the events of May 1968: a conflict of the European dimension? *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya = Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2022;(1):24-27. (In Russ.).
6. Bourges H. *La Revolte etudiante, les animateurs parlent*. Paris: Editions du Seuil Publ.; 1968. 129 p.
7. Bensaid D., Weber H. *Mai 1968: une répétition générale*. Paris: Maspéro Publ.; 1968. 256 p.

8. Aron R. *La Revolution introuvable: Reflexions sur les événements de mai*. Paris: CALMANN-LEVY Publ.; 2018. 288 p.
9. Reader K., Wadia K. *The May 1968 Events in France. reproductions and interpretations*. London: Macmillan Press LTD Publ.; 1993. 210 p.
10. Ross K. *May '68 and Its Afterlives*. Chicago: University of Chicago Press; 2004. 247 p.
11. Seidman M. *The Imaginary Revolution: Parisian Students and Workers in 1968*. New York: Berghahn Books Publ.; 2004. 324 p.
12. Reynolds C. *Memories of May '68. France's Convenient Consensus*. Cardiff: University of Wales Press; 2011. 189 p.
13. Savchuk V.S., Airiyan R.S. 1968: “Apocalypse at the Gates”, “Socialism with a Human Face” and the Sexual Revolution? *Novoye proshloe = The New Past*. 2018;(4):8-26. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.В. Булавинцев – аспирант, преподаватель, кафедры зарубежной истории, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

N.V. Bulavintsev – Postgraduate, Lecturer, Department of Foreign History, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 16.09.2022.
The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 93/94+908
doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-38-44

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПЕРВЫХ ОПЫТАХ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ (1917 – НАЧАЛО 1920-х годов)

Алмаз Рафисович Гапсаламов^{1✉}, Владимир Львович Васильев², Татьяна Николаевна Бочкарева³, Эльвир Мунирович Ахметшин⁴

^{1, 2, 3, 4} Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Республика Татарстан, Россия

¹ gapsalamov@yandex.ru✉, <http://orcid.org/0000-0002-8045-623X>

² vasvladlev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2779-8342>

³ tatyana-n-boch@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1232-1886>

⁴ elvir@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2576-503X>

Аннотация. Рассматриваются процессы становления системы государственного управления в первые годы советской власти, а также проблемы, характерные для этих процессов. Актуализация данной темы сегодня не случайна, современные политические и экономические трудности заставляют по-иному взглянуть на механизм организации управления экономической сферой российского общества, на создание новых инструментов эффективных институтов и инструментов управления.

Изучаются организационные особенности становления системы государственного управления экономикой Советской России в послеоктябрьский период и до начала новой экономической политики. Используются методы анализа, синтеза, дедукции.

Анализируется направленность большевистского руководства на централизацию управления, обусловленную и идеологической установкой, и критической внутривнутриполитической ситуацией. Однако исследование показало невозможность централизации управления в 1917–1921 гг., что было связано как с организационными проблемами, так и с кадровыми трудностями.

Ключевые слова: экономика, промышленность, централизация, децентрализация, Советская Россия

Благодарности: работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Для цитирования: Гапсаламов А.Р., Васильев В.Л., Бочкарева Т.Н., Ахметшин Э.М. Размышление о первых опытах создания системы управления экономикой (1917 – начало 1920-х годов) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 38–44.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

REFLECTION ON THE FIRST EXPERIENCES IN CREATING THE ECONOMIC MANAGEMENT SYSTEM (1917 - EARLY 1920s)

Almaz R. Gapsalamov^{1✉}, Vladimir L. Vasilev², Tatyana N. Bochkareva³,
Elvir M. Akhmetshin⁴

^{1, 2, 3, 4} Elabuga Institute, Kazan Federal University, Elabuga, Republic of Tatarstan, Russia

¹ gapsalamov@yandex.ru✉, <http://orcid.org/0000-0002-8045-623X>

² vasvladlev@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2779-8342>

³ tatyana-n-boch@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1232-1886>

⁴ elvir@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2576-503X>

Abstract. The presented study is devoted to the processes of formation of the public administration system in the early years of the establishment of Soviet power, as well as the problems that characterized this process.

© Гапсаламов А.Р., Васильев В.Л., Бочкарева Т.Н., Ахметшин Э.М., 2022

The actualization of these issues today is not accidental, modern political and economic difficulties force us to take a different look at the mechanism for organizing the management of the economic sphere of Russian society, the search for new tools for creating effective institutions and management tools.

The purpose of the presented work is to study the organizational features of the formation of the state management system of the economy of Soviet Russia in the post-October period and before the start of the new economic policy. The study involves the use of methods of analysis, synthesis, and deduction.

The vector of building a control system was seen by the Bolshevik leadership in the centralization of control, which was due to both the ideological setting and the critical domestic political situation. In practice, the study showed the impossibility of centralizing management in 1917-1921, which was associated with both organizational problems and personnel difficulties.

Keywords: economics, industry, centralization, decentralization, Soviet Russia

Acknowledgments: the work was completed at the expense of the Strategic Academic Leadership Program of the Kazan (Volga Region) Federal University.

For citation: Gapsalamov A.R., Vasilev V.L., Bochkareva T.N., Akhmetshin E.M. Reflection on the First Experiences in Creating the Economic Management System (1917 - Early 1920s). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):38-44. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Становление системы управления экономикой страны и отдельных ее отраслей в послеоктябрьский период проходило в сложных, полных драматизма условиях, путем появления совершенно новой государственной экономической доктрины и последовавшей за этим трансформации всех ее хозяйственных институтов. Процесс революционного перехода политической власти к большевикам не мог не отразиться на политических и экономических принципах государственного устройства. Идеи, основанные на социальном равенстве, уничтожении частной собственности, государственном регулировании, не могли строиться на организационных институтах предшествующего периода, ибо они в новых условиях становились рудиментом системы.

Большевицкая власть изначально сделала невозможным использование прежней системы управления экономикой за счет изменения форм собственности. И.А. Гатауллина по этому поводу отмечает, что «в соответствии с политической доктриной была уничтожена частная собственность – акт, положивший начало процессу планомерного разрушения сложившегося хозяйственного механизма и его социокультурных оснований» [1, с. 81]. Прежняя система, основанная на преимущественном развитии частных предприятий и позволявшая заинтересовывать товаропроизводителей выпускать востребованную продукцию как для страны, так и для населения, фактически ликвидировалась. На ее месте стала формироваться система государственной собственности, ориентированная на выпуск военных товаров, что изначально было потребностью времени, а потом стало смыслом существования системы с целью поддержания военного паритета со странами западного мира.

Одновременно с этим управление создаваемой системы не должно было быть основано на децентрализованных началах. В условиях продолжающейся Гражданской войны требовалась консолидация всех имеющихся ресурсов и, как следствие, создание централизованной системы управления, которая подчиняла бы своему контролю все объекты управления. Кстати, этими же причинами объясняется идея централизованного экономического планирования, которое предлагалось ввести в стране уже в 1918–1921 гг. Впрочем, ее реализация в указанный период не была осуществлена, чему во многом способствовали продолжающаяся Гражданская война, сырьевой, продовольственный и кадровый кризис.

Однако дилемма состояла в определении степени воздействия государства на институциональные механизмы развития советской экономики. Уже в первых послереволюционных статьях стали обсуждаться идеи создания новых организационных единиц управления промышленностью, в том числе превращения Советов народного хозяйства в органы, независимые от центра. Предлагалось подчинить им руководство всей экономической жизнью отдельных районов, а также республик в целом. Такие органы рекомендовалось называть «экономическими совнаркомками» [2, с. 88; 3, с. 93]. Л.Н. Крицман в журнале «Народное хозяйство» (15 июля 1918 г.)

писал: «Перед пролетариатом встает двуединая задача: объединить непрерывно возникающие элементы новой социалистической организации хозяйственной жизни и создать органы Высшего совета народного хозяйства – частные, подчиненные ему центры, – которые стали бы реально овладевать хозяйственной жизнью» [цит. по: 4, с. 5]. По его мнению, центральный орган управления должен был стать координирующим элементом в деятельности капиталистических форм управления – трестов и синдикатов.

Само по себе озвучивание взглядов на внедрение централизованного руководства стало достаточно популярным в политических и научных кругах. В условиях Гражданской войны, существовавшей многопартийности и слабой позиции большевистской власти разворачивались споры по вопросам роли центральных органов в управлении экономикой Советской России, где сторонников усиления роли государственного аппарата в координации промышленного сектора экономики было не мало, что, по нашему мнению, объяснялось курсом большевистской партии на централизацию руководства. Общая идея партийного курса была выражена формулой В.И. Ленина, объявившего идею строительства социалистического общества как «построение централизованного хозяйства, хозяйства из центра» [5, с. 377].

В то же время находились представители осторожной доктрины, не согласные с кардинальной вертикализацией управления. В партийных кругах образовалось два лагеря: с одной стороны, сторонники децентрализованного руководства промышленностью, при общей координирующей роли центрального аппарата, с другой – сторонники централизации управления.

В печати развернулась полемика между последователями В.И. Ленина и так называемыми «левыми коммунистами» во главе с Н.И. Бухариным. Ленин выступал за централизованное управление экономикой страны, Бухарин, наоборот, считал, что излишняя централизация приведет к возврату буржуазных порядков [6, с. 252–253]. Правда, наше исследование показало, что взгляды Н.И. Бухарина по этому вопросу разнились. Несколько ранее он выдвигал другие идеи «...превращения всего национального хозяйства в одно гигантское комбинированное предприятие, ...являющееся предпосылкой организованного социалистического хозяйства» [7, с. 53]. «Мы за централизованное крупное производство, развивающее до максимума производительные силы» [8, с. 12].

В практической плоскости дискуссии велись вокруг границ централизации управления. Большевистской власти было важно определить степень полномочий вновь созданного органа управления – ВСНХ. На I съезде СНХ В.И. Ленин совместно с А.И. Рыковым отстаивали принцип вертикализации управления. Последний заявлял, что «мы переживаем эпоху величайших кризисов ... и пережить такую эпоху можно только путем невероятной централизации» [9, с. 353]. На что его оппонент в лице В.В. Оболенского (псевдоним Н. Осинский) указывал, что «Россия настолько велика, ... что она должна управляться более децентрализованно» [9, с. 104].

Отстаивая свои позиции, и та и другая стороны на тот момент четкого видения дальнейшего развития аппарата управления в целом экономикой и ее отдельными отраслями не имели. Так, Н. Осинский признавал, что и у него, и у других государственных руководителей отсутствуют ясные представления о том, как надо строить такой аппарат, как связать органы управления между собой и как разграничить сферы их компетенций [10, с. 2; 11, с. 236, 238]. Некоторым исключением рассматриваемого периода стали рассуждения А.М. Кактынь [12], в работе которого давались конкретные предложения по взаимодействию центральных органов управления с органами управления на местах, предлагалась конкретная структура управления. Автор исходил из идеи, что центральное руководство не сможет эффективно управлять промышленностью из центра без помощи местных советов народного хозяйства, результатом жесткой централизации управления станет ситуация, когда Центр «...задохнется в куче мелочей» [13, с. 126].

На практике политические и научные споры вылились в постепенное выстраивание механизмов управления при определяющей роли государства. Причина этого крылась не столько в партийной идеологии, сколько в жесткой зависимости управленческих кадров всех уровней от директив государственных органов. Распоряжения партийных руководителей являлись единственно правильным решением многих проблем, и любая критика низовых органов серьезно пресекалась. В этой связи согласимся с В.П. Пашиным, который утверждал, что в рассматриваемый период «...ценилась в первую очередь исполнительность и отвергались критически мыс-

лящие люди. Определяя основные направления хозяйственного развития, партийный аппарат подбирает под них кадры, способные их реализовать любыми средствами» [14, с. 19].

Мы подошли к очень важной проблеме рассматриваемого периода, связанной с обеспечением кадровыми ресурсами выстраиваемой системы управления. Документы указывают, что очень часто на управленческие должности выбирались менее образованные, но идейно проверенные, послушные кадры. В.И. Ленин считал, что «...нужны ответственные люди на все посты: если окажутся негодными – сумеем переменить» [15, с. 383]. Вместе с тем дефицит руководящих кадров зачастую восполнялся перебрасыванием руководителей из отдела в отдел, восстановлением работников, уволенных ранее из других отделов и управлений, и т.п.

Эффективность такого контингента руководителей и работников была невысокой. Это понимало и руководство страны. Так, Ленин отмечал, что господство рабочего класса в конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело, а управление – это другое дело, это – дело уменья, дело сноровки... Чтобы управлять, надо иметь людей, умеющих управлять... Уменья управлять с неба не валится... Для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые имеют государственный и хозяйственный опыт... [16, с. 222; 17, с. 252–253; 18, с. 36].

Многие руководители, выдвинувшиеся на первые роли в государстве в ходе революционных событий и Гражданской войны, являясь отчаянными революционерами, на практике не только не имели руководящего опыта хозяйственным строительством, но даже соответствующего образования. Это, кстати, обусловило необходимость привлечения большевиками выходцев из буржуазных слоев, так называемых «капиталистов». В 1918 г. В.И. Лениным была сформулирована задача по привлечению к работе специалистов, готовых служить Советской власти [19, с. 165–208]. В последующем, выступая на XI съезде ВКП(б), В.И. Ленин указывал на острую «...нехватку знаний тому слою коммунистов, который управляет...» и призвал «...строить коммунизм некоммунистическими руками...» [20, с. 95–98], т. е. фактически используя труд представителей бывших капиталистических кругов.

На практике же это взаимодействие оказалось достаточно ограниченным. Р.С. Хазиев указывает, что «база для возможного сосуществования “заводчиков” с советской властью была крайне узкой, но не сводилась к заранее спланированному саботажничеству “фабрикантов-хищников” и их “раболепствующих прислужников”. Революционное время изобилует разнообразными фактами, подтверждающими морально-психологический настрой “бывших” сохранить пусть не идеальное жизнеустройство, но худо-бедно удовлетворявшее ежедневные запросы. “Эксплуататоры” предпочитали порой не искушать судьбу ради журавля в небе, рискуя потерять имевшуюся в руках синицу. Когда индивидуальные собственники или акционеры не находили общих точек соприкосновения с государственными структурами, старая администрация заводов (наемные специалисты высшего и среднего управленческого звена) заговорила на одном с рабочими и фабзавкомаами хозяйственным языке» [21, с. 81]. В результате в ряде случаев образовывалось социальное партнерство между работниками и бывшими владельцами предприятий. Однако эти действия шли вразрез с общими установками и правилами, которые предлагались Высшим советом народного хозяйства.

Ресурсный «голод» первых лет управления показал невозможность создания в тех условиях по-настоящему централизованной модели управления экономикой, что было следствием не только масштабного воздействия внешних факторов, и даже не столько профессиональной непригодности советских кадров, сколько воздействием множества факторов внутренней экономической и политической среды. Это понимало и руководство страны, и отдельных регионов. В качестве примера приведем письмо руководителей Татарской Республики, в котором указывалось, что «служащие ТСНХ (Татарский совет народного хозяйства. – *Авт.*) находятся в плачевном состоянии, не получая за свой труд ничего, кроме жалования, и вследствие этого голодают». К тому же во внутренней структуре аппарата управления совнархоза отсутствовала субординация: некоторые отделы без ведома руководителя совнархоза самостоятельно решали вопросы с СНК, командующим Красной армией, другими лицами и учреждениями. Многие сотрудники не выполняли своих обязанностей. По сведениям рабоче-крестьянской инспекции,

установленные прогулы составляли до 60 % времени [22]. В условиях всеобщего хаоса централизовать систему было невозможно.

Тем не менее, возможно, именно отсутствие централизации и кадровая разобщенность позволили выжить советской системе в первые послеоктябрьские годы. Как отмечает В.Б. Макаров, «...в системе, неуклонно централизуемой, практиковалось широкое применение коллегиальных способов принятия решений (число различного рода комиссий и междуведомственных совещаний не поддавалось никакому учету) с тем, чтобы снизить зависимость от “спецов” и компенсировать непрофессионализм. Относительная свобода мнений создавала обстановку столкновения различных позиций и критического отношения» [23, с. 297–298].

Исследование показало основные трудности послеоктябрьского периода, с которыми пришлось столкнуться большевистскому руководству. И если в официальной исторической литературе к ним в основном приписываются проблемы финансового обеспечения и организационного порядка, нами выявлены не менее важные кадровые проблемы. Новая власть в первые годы своего утверждения фактически осталась без опытных, квалифицированных кадров, что серьезно снижало эффективность управленческих процессов.

Но несмотря на острое желание большевистской верхушки создать централизованную систему управления, на практике этого сделать не удалось. Экономика и социум оказались неподготовленными к таким изменениям. В условиях разрухи, Гражданской войны, отсутствия партийного единства, большевикам приходилось руководить децентрализованной экономикой.

Список источников

1. *Гатауллина И.А.* Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009. 565 с.
2. *Зеликман М.* Что такое Советы народного хозяйства и как они должны строиться. С проектами инструкций всех важнейших отделов. Петроград, 1918. 102 с.
3. *Дробижев В.З., Игнатенко Т.А.* Историография. Некоторые итоги изучения истории совнархозов 1917–1932 годов // Вопросы истории. 1959. № 11. С. 93.
4. *Цыперович Г.* Главкизм. М.: Гос. изд-во, 1924. 105 с.
5. *Ленин В.И.* Тетради по империализму // Полн. собр. соч. Т. 28. С. 377.
6. История Коммунистической партии Советского Союза / под ред. Б.Н. Пономарева, И.М. Волкова, М.С. Волина и др.: 4-е изд., доп. М.: Политиздат, 1972. 736 с.
7. *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. 513 с.
8. *Бухарин Н.И.* Анархизм и научный коммунизм // Коммунист. 1918. № 2. С. 12.
9. Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства 25 мая – 4 июня 1918 г. М., 1918. 488 с.
10. *Осинский Н.* Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства. М.; Пг.: Коммунист, 1918. 158 с.
11. *Шетов В.Х.* Основные направления российской экономической мысли в области научной организации труда и управления производством в 20-е годы : дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 1999. 349 с.
12. *Кактынь А.* Очерки по организации народного хозяйства (организационные наброски по вопросам строительства народного хозяйства Советской России и разработки методов управления и регулирования его). М.: Экономическая жизнь, 1922. 59 с.
13. Об едином хозяйственном плане (работы 1920–1921 годов) / под ред. А.И. Анчишкина. М.: Экономика, 1989. 284 с.
14. *Пашин В.П.* Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР: становление, развитие, упрочение (в 20-х – 1930 году) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. 439 с.
15. *Ленин В.И.* Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии) // Полн. собр. соч. Т. 45.
16. *Ленин В.И.* Речь на заседании Коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40.
17. *Ленин В.И.* Политический отчет Центрального комитета 7 марта // Полн. собр. соч. Т. 36.
18. *Дудкина Д.В.* Советская кадровая политика и местный государственный аппарат (1917–1991 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. 243 с.

19. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36.
20. Ленин В.И. Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 95–98.
21. Хазиев Р.С. Централизованное администрирование экономики и уральская периферия: конец 1917 г. – начало 1921 г. : дис. ... д-ра ист. наук. М.: РГБ, 2005. 478 с.
22. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 92. Л. 26, 47, 74.
23. Макаров В.Б. Становление советского государственного управления: эволюция доктрины и системы (октябрь 1917 г. – середина 1920-х годов) : дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2002. 572 с.

References

1. Gataullina I.A. *Middle Volga during the years of the New Economic Policy: socio-economic processes and everyday life*. Dissertation. Kazan, 2009. 565 p. (In Russ.).
2. Zelikman M. *What are the Soviets of the national economy and how should they be built. With draft instructions for all major departments*. Petrograd, 1918. 102 p. (In Russ.).
3. Drobizhev V.Z., Ignatenko T.A. Historiography. Some results of studying the history of economic councils in 1917–1932. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1959;(11):93. (In Russ.).
4. Tsyperovich G. *Glavkizm*. Moscow: State Publishing House; 1924. 105 p. (In Russ.).
5. Lenin V.I. Notebooks on imperialism. *Complete Works*. Vol. 28:377. (In Russ.).
6. Ponomarev B.N., Volkov I.M., Volin M.S. et al. eds. *History of the Communist Party of the Soviet Union*. 4th ed., add. Moscow: Politizdat Publ.; 1972. 736 p. (In Russ.).
7. Bukharin N.I. *Problems of the theory and practice of socialism*. Moscow: Politizdat Publ.; 1989. 513 p. (In Russ.).
8. Bukharin N.I. Anarchism and scientific communism. *Kommunist = Communist*. 1918;(2):12. (In Russ.).
9. *Proceedings of the First All-Russian Congress of Councils of the National Economy at 25th May - 4th June 1918*. Moscow, 1918. 488 p. (In Russ.).
10. Osinsky N. *Construction of socialism. General tasks. Organization of production*. Moscow; Petrograd: Kommunist Publ.; 1918. 158 p. (In Russ.).
11. Shetov V.Kh. *The main directions of Russian economic thought in the field of scientific organization of labor and production management in the 20s*. Dissertation. Saint Petersburg, 1999. 349 p. (In Russ.).
12. Kaktyn A. *Essays on the organization of the national economy (organizational sketches on the construction of the national economy of Soviet Russia and the development of methods for managing and regulating it)*. Moscow: Ekonomicheskaya zhizn' Publ.; 1922. 59 p. (In Russ.).
13. Anchishkin A.I., ed. *On a single economic plan (works of 1920-1921)*. Moscow: Ekonomika Publ.; 1989. 284 p. (In Russ.).
14. Pashin V.P. *Party and economic nomenclature in the USSR: formation, development, strengthening (in the 20s - 1930)*. Dissertation. Moscow, 1993. 439 p. (In Russ.).
15. Lenin V.I. How do we reorganize the Rabkrin (proposal to the XII Party Congress). *Complete Works*. Vol. 45. (In Russ.).
16. Lenin V.I. Speech at a meeting of the Communist faction of the All-Union Central Council of Trade Unions on March 15. *Complete Works*. Vol. 40. (In Russ.).
17. Lenin V.I. Political Report of the Central Committee on March 7. *Complete Works*. Vol. 36. (In Russ.).
18. Dudkina D.V. *Soviet personnel policy and the local state apparatus (1917-1991)*. Dissertation. Samara, 2002. 243 p. (In Russ.).
19. Lenin V.I. The next tasks of the Soviet power. *Complete Works*. Vol. 36. (In Russ.).
20. Lenin V.I. Political Report of the Central Committee of the RCP(b) on March 27. *Complete Works*. Vol. 45. (In Russ.).
21. Khaziev R.S. *Centralized administration of the economy and the Ural periphery: the end of 1917 - the beginning of 1921*. Dissertation. Moscow: Russian State Library Press; 2005. 478 p. (In Russ.).
22. *National Archive of the Republic of Tatarstan*. Fund R-787. In. 1. File 92. L. 26, 47, 74. (In Russ.).
23. Makarov V.B. *The formation of Soviet public administration: the evolution of doctrine and system (October 1917 - mid-1920s)*. Dissertation. N. Novgorod, 2002. 572 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А.Р. Гапсаламов – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и менеджмента.

В.Л. Васильев – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента.

Т.Н. Бочкарева – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики.

Э.М. Ахметшин – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента.

Information about the authors

A.R. Gapsalamov – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Head of Department of Economics and Management.

V.L. Vasilev – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management.

T.N. Bochkareva – Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy.

E.M. Akhmetshin – Candidate of Science (Economics), Senior Lecturer of the Department of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 03.06.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 03.06.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 94(7)
doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-45-53

ЭКОНОМИКА И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В США КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

София Андреевна Гречишкина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, sgr@sfedu.ru

Аннотация. Рассматриваются влияние миграционных процессов на экономическое развитие США конца XIX – начала XX в., развитие производственных отношений их участников, взаимосвязь между иммиграцией и индустриализацией. Дается оценка общему уровню иммиграции и представленности иностранцев в промышленности и торговле, отмечается, что иммигранты были основной рабочей силой в быстро развивающейся производственной экономике начала XX в. Анализируются причины низкого уровня внутренней миграции, влияние непрерывной миграции на развитие изобретательской деятельности в США, влияние миграции на темпы экономического развития.

Ключевые слова: иммиграция, рестрикционизм, экономический фактор, индустриализация, изобретательство, рынок труда

Для цитирования: Гречишкина С.А. Экономика и миграционные процессы в США конца XIX – начала XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 45–53.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ECONOMY AND MIGRATION PROCESSES IN THE USA IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY

Sophia A. Grechishkina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, sgr@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the influence of migration processes on the economic development of the USA in the late 19th - early 20th century. Attention is paid to the development of industrial relations and their participants. It is noted that few studies deal with the topic of the relationship between immigration and industrialization. An assessment of the overall level of immigration is given and the representation of foreigners in industry and trade, it is noted that immigrants were the main labor force in the rapidly developing industrial economy of the early twentieth century. The reasons for the low level of internal migration are analyzed. The influence of continuous migration on the development of inventive activity in the USA is analyzed. The conclusion about the positive impact of migration on the pace of economic development is made.

Keywords: immigration, restrictionism, economic factor, industrialization, invention, labor market

For citation: Grechishkina S.A. Economy and Migration Processes in the USA in the Late 19th – Early 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):45-53. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

США всегда проводили политику открытости к миграции, однако в XIX в. традиция изменилась. Жесткий количественный ценз по въезду, введенный в 1921 г., был результатом рестрикционистской политики администрации, что коснулось всех этнических представителей. Для некоторых цифры по въезду были существенно сокращены, а для других полностью отме-

© Гречишкина С.А., 2022

нены. Планомерное и длительное влияние ограничительных сил обусловили борьба за электрот, настороженность экономическими показателями и перераспределением рабочих по национальному признаку, нативистские настроения представителей политических групп, а также определенная доля возвратной миграции. Указанные факторы повлияли на историческую иммиграционную политику и находят отражение в современных дебатах.

США с конца XIX в. переживали промышленный подъем. В течение нескольких десятилетий они превратились из преимущественно сельского аграрного общества в индустриальное с развитой экономикой, сосредоточенной в крупных мегаполисах. Эти изменения стали прямым результатом американской промышленной революции, которая была основана на росте инвестиций, занятости и производительности. В обширной экономической литературе подробно отражены причины и предпосылки такой трансформации страны. Основными факторами, двигающими промышленный рост, традиционно называют изобилие природных ресурсов, эволюцию системы производства, технологические инновации, в том числе распространение железных дорог и снижение затрат на транспорт, а также человеческие ресурсы [1–3].

Однако среди исследований, посвященных взаимосвязи между иммиграцией и индустриализацией, лишь немногие выходят за рамки общего обсуждения. В обзоре литературы по американской промышленной революции в Кембриджской экономической истории Соединенных Штатов роль иммиграции обобщена в одном абзаце, в котором лишь отмечается чрезмерная представленность иммигрантов в рабочей силе обрабатывающей промышленности [4]. Есть исследования, в которых утверждается, что поток иммигрантов в конце XIX – начале XX в. оказал негативное влияние на экономический рост на душу населения, заработную плату местных работников и отвлек внутреннюю миграцию от индустриализирующихся городов [5]. Однако другие исследователи предположили, что иммигранты оказали в целом положительное влияние на американскую экономику и способствовали экономической мобильности работников, родившихся в эпоху индустриализации [6].

Для того чтобы оценить значимость экономического фактора в процессе принятия ограничительной миграционной политики США, необходимо оценить вовлеченность мигрантов в экономическую жизнь страны, их вклад в развитие, проанализировать, в каких сферах были задействованы мигранты, как их массовое присутствие влияло на экономику страны в целом и отражалось на жизни граждан, как развивались Соединенные Штаты в конце XIX – начале XX в.

Как и любое другое, американское общество не было однородным и стабильным. Постоянная миграция, внутренняя и внешняя, обеспечивала развивающийся центр страны. Внутренний поток миграции был представлен переселением сельских жителей в города или промышленные центры. В 1870 г. только 26 % американцев проживали в городах и поселках городского типа с населением более 2500 чел., к 1890 г. их стало 35 % [7, с. 13]. За два десятилетия число городов с населением более 100 000 чел. увеличилось вдвое — с 14 до 28. Внешний поток состоял из иммиграции. С 1820 по 1909 г. в США прибыло 26,8 млн иммигрантов. Большая их часть была выходцами из Европы – 24,5 млн [8, р. 33–34].

Однако если до середины XIX в. основная часть мигрантов переселялась из Западной Европы, то к 1880 г. произошли изменения в национальной структуре европейской иммиграции. Постепенно жители Восточной Европы включились в миграционные процессы. Возвратная миграция составляла за 1908–1923 гг. 35 % от общего числа прибывших. Самая высокая доля реэмиграции наблюдалась среди итальянцев (50 %), греков (46 %), поляков (40 %), граждан Австро-Венгрии (36,3 %), минимальный процент отъездов отмечен среди евреев – 4,3 % [9, р. 9–12]. Хотя отъезды мало повлияли на восприятие масштабов иммиграции, высокая возвратная миграция среди «новых» иммигрантов в целом усугубила их «нежелательность» с точки зрения национального строительства.

Репутация Соединенных Штатов как страны возможностей со времен основания привлекала потенциальных мигрантов, желающих увеличить свои перспективы и достичь успеха. Развивающаяся промышленность нуждалась в работниках, а мигранты из менее экономически развитых районов готовы были согласиться на предлагаемые ставки оплаты труда и не завышать свои требования к условиям работы. Произошло совмещение спроса и предложения. Благодаря распространению печатной рекламы, использованию телеграфа и фотографии мигранты полу-

чали возможность найти работу в других регионах, а доступность транспорта способствовала перемещению людей на дальние расстояния. В силу этих изменений для иммигрантов пункты назначения становились все более взаимозаменяемыми. И многие государства в конце XIX в. стали рассматривать иммиграцию как желанное решение и временно ослабили правовые и административные барьеры.

В середине XIX в. новые иммигранты были желанной рабочей силой на разгрузке судов, строительстве дорог и каналов, а также на перевозке товаров [10, р. 2–13]. Трудно не согласиться с тезисом А. Золберга о том, что иммигранты, как правило, охотнее соглашались на более низкую заработную плату и худшие условия труда, чем местные жители [11]. Кроме того, к миграции прибегали люди трудоспособного возраста от 18 до 40 лет. Таким образом, с ростом фабрик и спроса на неквалифицированную рабочую силу иммигранты оставались крайне востребованными.

Быстрый рост обрабатывающей промышленности с 1880 по 1920 г. в значительной степени зависел от труда иммигрантов. Во второй половине XIX в. работниками в хлопчатобумажной и металлургической промышленности были представители иммигрантов из Великобритании и Северо-Западной Европы, но в первые десятилетия XX в. ситуация изменилась. Иммигранты из Южной и Восточной Европы в большей степени представляли рабочий коллектив этих отраслей. Труд мигрантов из Восточной Европы был задействован в производстве одежды в Нью-Йорке, в горнодобывающей промышленности и строительстве, а также в тяжелой промышленности на Северо-Востоке и Среднем Западе [12].

В конце XIX в. началась массовая розничная торговля и появились универмаги в крупных городах [13]. Иммигранты, особенно второе поколение, обеспечивали около половины рабочей силы в торговле с 1880 по 1920 г. в основном в магазинах товаров общего назначения, продуктов питания и одежды. Торговцы-иммигранты часто славились тем, что создавали новые рынки, продавая товары в отдаленные регионы и предоставляя кредиты людям без накопленных сбережений. Иммигранты первого и второго поколений составляли 2,9 и 2,5 млн работников обрабатывающей промышленности, что равнялось почти 53 % от 10 млн работников сектора в 1920 г. [14]. Эта цифра говорит о том, что вклад иммигрантов в производственный сектор недооценен в историографии. 7 из 10 работников в растущих секторах черной металлургии, машиностроения, упаковки мяса, текстиля и одежды в 1920 г. были иммигрантами в 1-м, 2-м или 3-м поколении. Более половины железнодорожников и две трети работников розничной торговли имели иностранные корни [14].

Таким образом, мигранты стали представлять подавляющее большинство работников в быстро развивающихся секторах производства начала XX в. Безусловно, массовое прибытие иностранного элемента в страну вызывало беспокойство среди граждан. Появление разных, новых этнических групп стало усложняющим фактором в динамике рабочего класса, который был уже достаточно сложным. В дополнение к традиционной тревоге по поводу вопросов заработной платы, возможности и условий труда и уменьшающейся потребности в квалифицированных ремесленниках перед лицом современных технологий, развивалась ситуация этнической напряженности [13].

Действительно, местные жители могли бы активно участвовать в производственной жизни страны. Но, безусловно, на данный вопрос невозможно дать верный ответ, избегая предположений. Однако, рассматривая потенциальный ход событий, на основе обширной исследовательской литературы о моделях внутренней миграции, можно гипотетически оценить возможные трудовые резервы. В конце XIX – начале XX в. дети мелких фермеров на Северо-Востоке, Среднем Западе и Юге как раз и представляли кадровый резерв. С ростом населения многим вторым и третьим сыновьям фермеров, которые испытывали финансовые трудности, приходилось искать место в качестве арендаторов, сельскохозяйственных рабочих [15]. Однако даже крайняя нищета не всегда является стимулом для миграции на большие расстояния [16].

Меньшинство было готово включиться в состав промышленной и коммерческой рабочей силы. Когда массовая миграция из Европы была прервана во время Первой мировой войны, а затем остановлена в 1920-х гг., местное бедное население, особенно и белые, и чернокожие с Юга, начало мигрировать в северные промышленные города в гораздо большем количестве

[17]. Направления и сроки этих внутренних миграций предполагают, что чернокожие, и белые, родившиеся на Юге, частично заменили европейскую иммиграционную силу в индустриализирующихся городах Севера. У. Дж. Коллинз пришел к выводу, что массовая миграция из Европы раннего периода задержала миграцию чернокожих рабочих с Юга [18]. Но в начале XX в., когда производственные рабочие места были грязными, опасными и жестко регламентированными, рабочие-иммигранты стали основой занятости в промышленности.

Положение белых фермеров за пределами Юга и их детей оценить сложнее. Предполагается, что ведение сельского хозяйства было предпочтительнее, чем миграция, особенно в город даже для безземельных детей фермеров. Это мнение, по-видимому, согласуется с данными о моделях миграции. В первые десятилетия XX в. большая часть трудоспособного фермерского населения оставалась на фермах или в сельских районах небольших городов, хотя и не обязательно в их точном месте происхождения. Лишь небольшой процент решался на миграцию в крупные мегаполисы. Ситуация изменилась в конце XIX в., когда большая часть потенциальных пахотных земель на американской границе была заселена, а экономическое развитие городской промышленности расширило возможности трудоустройства на заводах, в торговле и в офисах. Для людей с определенной долей амбиций, навыков и образования городская среда представляла массу возможностей для социальной мобильности. Образованные дети фермеров действительно имели хорошо оплачиваемую квалифицированную работу в качестве учителей, клерков, торговцев и пр. [15]. Но для большинства белых американцев не было очевидно, что работа на фабрике или в офисе в городе была шагом вперед по сравнению с жизнью на ферме или в маленьком городе. Как прокомментировал автор отчета о переписи иммигрантов 1920 г., «казалось бы, что, вообще говоря, население, родившееся за границей, занято более трудоемкой, неприятной и, вероятно, менее квалифицированной и менее оплачиваемой работой, чем коренные белые» [19].

В исследованиях сообщалось, что уровень несчастных случаев среди работников, не владеющих английским языком, на одном сталелитейном заводе в два раза превышал средний показатель для всех работников и что четверть всех недавних иммигрантов-сталелитейщиков получили травму или погибли на производстве [20]. Большинство исторических и сравнительных исследований показывают, что процесс индустриализации был глубоко отчуждающим опытом для большинства работников [21].

Дети фермеров, бросивших фермерство, были непропорционально представлены на нижних ступенях профессиональной иерархии. В дополнение к потере определенной свободы при трудоустройстве на фабрике мигрантам из фермерских семей приходилось отказываться от привычного круга общения. В случае вынужденной миграции многие белые американцы, родившиеся в сельской местности или небольших городах, предпочитали искать счастья на Западе, а не вступать в ряды городского пролетариата в индустриализирующихся городах. В конце XIX – начале XX в. миграция на большие расстояния (между штатами) давала шансы удачной профессиональной мобильности, чем переезды на короткие расстояния [22].

Хотя в эпоху массовой миграции не было ни замедления экономического роста, ни замедления тенденции роста заработной платы работников, родившихся в стране, Т. Дж. Хаттон и Дж. Г. Уильямсон пришли к выводу, что конкуренция с иммигрантами за рабочие места снизила заработную плату уроженцев (или замедлила темпы их роста) и что работники, родившиеся в городе, были вытеснены с городских рынков труда на Северо-Востоке и Среднем Западе [23]. Однако подобные утверждения чаще всего строятся в русле вероятных предположений и не обладают релевантной доказательной базой. Об этом говорят и С. Б. Картер, Р. Сатч [6], не нашедшие подтверждения словам Хаттона и Уильямсона [24].

Результаты, представленные здесь, показывают, что недавние иммигранты и их потомки были основной рабочей силой в быстро развивающейся производственной экономике начала XX в. Готовность иммигрантов работать на самых низких позициях городской занятости, возможно, была в значительной степени обусловлена отсутствием лучших альтернатив.

Высокая эффективность производства начала XX в. послужила увеличению прибыли, которую можно было реинвестировать в новые технологии, что привело к еще большему производству и в итоге к повышению заработной платы работников.

В дополнение к международным потокам капитала считается, что иммигранты откладывали более высокую долю своих доходов в качестве сбережений, чем работающие местные жители. Большая часть этих сбережений перечислялись семье и родственникам в странах их происхождения, но есть также свидетельства того, что иммигранты покупали дома, открывали малые предприятия и вкладывали значительные средства в образование своих детей. Эти утверждения означают, что иммигранты способствовали экономическому росту за счет увеличения предложения (или привлечения) капитала и предложения рабочей силы. Н. Розенберг пришел к выводу, что иммигранты в Соединенные Штаты также принесли европейские технологии, которые повысили производительность американской промышленности [25].

Однако непрерывная миграция способствовала и развитию изобретательской деятельности США. К. Доран и Ч. Юн в исследовании об изобретательстве в период массовой иммиграции отмечали, что «строгие иммиграционные квоты 1920-х гг. в значительной степени положили конец массовой миграции в США, что привело к изменению американских изобретений в сторону изобретений, полезность которых в меньшей степени зависела от крупных масштабов производства» [26]. Но в литературе XX в. отмечалась иная тенденция. Интуитивно исследователи предполагали, что массовая иммиграция препятствовала изобретениям, которые экономят на рабочей силе. В работе «Теория заработной платы» Джон Р. Хикс утверждал, что дефицитные факторы производства стимулируют изобретения, которые уравнивают влияние этого фактора [27]. Позднее британский историк экономики Х. Дж. Аввакум применил аргумент Хикса к первой промышленной революции, утверждая, что относительно скудная рабочая сила в Америке начала XIX в. стимулировала изобретательство [28]. При этом последние работы по этой проблеме подвергают сомнениям классические аргументы экономистов. Применяя в исследованиях широкий ряд переменных, учитывая период стабильного технологического развития, Д. Ачемоглу показывает, что избыточное предложение рабочей силы может стимулировать изобретательство: «Если технология сильно дополняет рабочую силу, что означает, что усовершенствования в технологии увеличивают предельный продукт труда, то нехватка рабочей силы препятствует технологическому прогрессу (например, она делает такие достижения менее вероятными или, в динамической структуре, замедляет темпы технологического прогресса). И наоборот, если технология сильно экономит труд, а это означает, что усовершенствования в технологии снижают предельный продукт труда, то нехватка рабочей силы стимулирует технологический прогресс» [29].

Длительная дискуссия о влиянии числа рабочей силы на производство идей и технологий носит не только теоретический характер. Интерес в этом вопросе проявляется и в политической сфере.

Основываясь на данных переписи США с 1900 по 1930 г., а также патентной базе данных Европейской патентной организации PATSTAT, которая содержит характеристики каждой патентной заявки, поданной Патентным ведомством Соединенных Штатов с 1899 г. по настоящее время, исследователи изобретательской активности в США конца XIX в. пришли к выводу, что в городах, где квоты сократили приток иммигрантов, действующие изобретатели сократили количество патентных заявок в год. Тем не менее такая тенденция не наблюдалась среди изобретателей из городов, которых квоты затронули в меньшей мере. На каждые 10 % сокращения числа новых иммигрантов, прибывающих в город за год, изобретатели в этом городе сокращали свои заявки на патенты на 0,5 % в год [26]. Также данные подтверждают, что общее число патентов и число патентных заявок сократилось в исследуемый период введения иммиграционных квот.

Сокращение заявок на патенты коснулось тех областей производства, которые в большей мере ощутили воздействие введения квот (более 75 %) [26]. Патентные заявки, относящиеся к отраслям, не подверженным высоким квотам, существенно не изменились. Таким образом можно подтвердить тезис Ачемоглу о том, что большая часть изобретений до введения квот была «сильно дополняющей рабочую силу». Так как отрасли, потерявшие часть вероятных работников, снизили темпы инновационной деятельности по причине нехватки рабочей силы.

Следовательно, в контексте анализа патентной активности с большей долей вероятности можно говорить, что именно массовая миграция обеспечила необходимое топливо для эпохи

великих американских изобретений. Подобный вывод можно дополнить аргументами Ч. Хиршмана и Э. Могфорд о том, что мигранты способствовали массовому производству и дополняли своей силой конвейерное оборудование, обеспечивая работу крупных производителей сил [30].

Рассматривая альтернативные подходы к обобщению результатов патентной активности, можно предположить, что снижение количества изобретений в затронутых квотами городах, произошло по той причине, что коренные жители были вынуждены решать и работать над рутинными задачами, соответственно у них оставалось меньше времени на исследовательскую деятельность. Тогда как ранее над обыденными задачами трудились иммигранты, которые закрывали вопрос нуждаемости в кадрах местных предприятий.

Массовая иммиграция в США на рубеже XIX – XX вв. в целом оказала положительное влияние на развитие экономики страны. Широкая представленность иностранных работников в промышленности и в сфере услуг если и приводила в частных случаях к определенной необходимости адаптации работодателей и служащих, то в своей массе предоставила возможность интенсивного развития сфер производства. Кроме того, большой выбор претендентов на должность и возможность их оперативной взаимозаменяемости лишала руководителей необходимости решения рутинных задач и предоставляла возможность разработки инновационных решений. Что подтверждается количеством патентных заявок в период массовой миграции. Мнения о негативном влиянии мигрантов на рост заработной платы также не подтверждается данными. В широком отрезке времени заработная плата среди работников продолжала расти в XX в. Влияние внешней миграции на внутреннюю невозможно с большой точностью оценить. Вероятнее всего, причиной низкой интенсивности внутренней миграции являлась неподготовленность жителей, отдаленных от развивающихся штатов, к социальным и производственным изменениям. Общество в XIX – XX вв. продолжало знакомиться и адаптироваться к крупным индустриализирующимся городам и, возможно, продолжало верить в высокую перспективность сельскохозяйственной жизни. В период бурного экономического и производственного роста страны мигранты оказали простое и эффективное решение в достижении поставленных целей. Однако при всем позитивном влиянии миграции на экономику страны, ограничительные меры были приняты, рестрикционистская политика вступила в силу. Первая мировая война, краткосрочные депрессии и сложность во взаимоотношениях с другими культурами привели к социальной напряженности. Проект миграционных ограничений зрел в умах политиков достаточно долгое время и в моменте стал простым и быстрым способом снижения напряженности внутри страны.

Список источников

1. *Abramovitz M., Paul D.* American macroeconomic growth in the era of knowledge-based progress: the long run perspective // *The Cambridge Economic History of the United States*. 2000. Vol. 3. P. 1–92.
2. *Chandler A.* *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*. Cambridge: Harvard University Press, 1977. 624 p.
3. *Hounshell D.* *From the American system to mass production, 1800–1932: the development of manufacturing technology in the United States*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1984. 436 p.
4. *Engerman S., Sokoloff K.* *Technology and Industrialization, 1790–1914* // *The Cambridge Economic History of the United States*. S. L. Engerman, R.E. Gallman (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Vol. 2. P. 367–402.
5. *Goldin C.* *The political economy of immigration restriction in the United States, 1890 to 1921* // *The regulated economy: A historical approach to political economy*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 223–258.
6. *Carter S., Sutch R.* *Historical background to current immigration issues* // *The Immigration Debate: Studies on the Economic, Demographic and Fiscal Effects of Immigration*. J.P. Smith, B. Edmonston (Eds.). Washington: National Academy Press, 1999. P. 289–366.
7. *История США : в 4 т. / под ред. Г.Н. Севостьянова и др.* М.: Наука, 1985. Т. 2. 598 с.
8. *U.S. Bureau of the Census, Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957*. Washington, D.C., 1960.

9. *Wyman M.* Round-Trip America: The Immigrants Return to Europe, 1880–1930. N.Y.: Cornell University Press, 1993. 263 p.
10. *Carter S.* Labor Force // Historical Statistics of the United States, Earliest Times to the Present: Millennial Edition. S.B. Carter, S. S. Gartner, M. R. Haines, A.L. Olmstead, R. Sutch, G. Wright (Eds.). N.Y.: Cambridge University Press, 2006. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/ISBN-9780511132971>. Ba.ESS.02 (дата обращения: 01.07.2022).
11. *Zolberg A.R.* A Nation by Design: Immigration Policy in the Fashioning of America. Cambridge: Harvard University Press and the Russell Sage Foundation, 2006. 672 p.
12. *Kahan A.* Economic opportunities and some pilgrims' progress: Jewish immigrants from Eastern Europe in the US, 1890–1914 // *The Journal of Economic History*. 1978. № 38. P. 235–251.
13. *Ward D.* Cities and Immigrants: A Geography of Change in Nineteenth Century America. N.Y.: Oxford University Press, 1971. 192 p.
14. *Hirschman C., Mogford E.* Immigration and the American industrial revolution from 1880 to 1920 // *Social Science Research*. 2009. № 38(4). P. 897–920.
15. *Wright G.* American agriculture and the labor market; what happened to proletarianization? // *Agricultural History*. 1988. № 62. P. 182–209.
16. *Massey D., Arnago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor E.* Theories of international migration: a review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. № 19. P. 431–466.
17. *Berry C.* Southern Migrants, Northern Exiles. Urbana: University of Illinois Press, 2000. 236 p.
18. *Collins W.* When the Tide Turned: Immigration and the Delay of the Great Migration // *Journal of Economic History*. 1997. № 57. P. 607–632.
19. *Carpenter N.* Immigrants and their children, 1920: a study based on census statistics relative to the foreign born and the native white of foreign or mixed parentage. Census monographs (United States. Bureau of the Census). Washington: Govt. Print. Off., 1927. 431 p.
20. *Brody D.* Steelworkers in America: The Nonunion Era. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 303 p.
21. *Rodgers D. T.* Tradition, modernity, and the American industrial worker: reflections and critique // *Industrialization and Urbanization: Studies in Interdisciplinary History*. Т.К. Rabb, R.I. Rotberg (Eds.). Princeton: Princeton University Press, 1981. P. 217–243.
22. *Ferrie J.P.* History lessons: the end of American exceptionalism? mobility in the United States since 1850 // *The Journal of Economic Perspectives*. 2005. № 19. P. 199–215.
23. *Hatton T. J., Williamson J. G.* The age of mass migration: causes and economic impact. N.Y.: Oxford University Press, 1998. 301 p.
24. *Carter S., Sutch R.* Resident Impacts of Immigration: Perspectives from America's Age of Mass Migration // Department of Economics. University of California-Riverside, 2006. URL: <http://www.economics.ucr.edu/papers/papers08/08-08.pdf> (дата обращения: 01.07.2022).
25. *Rosenberg N.* Technology and American Economic Growth. N.Y.: Harper and Row, 1972. 228 p.
26. *Doran K., Yoon Ch.* Immigration and Invention: Evidence from the Quota Acts. Working Paper. University of Notre Dame, 2020. 59 p.
27. *Hicks J.R.* The Theory of Wages. London: Macmillan & Co, 1932. 384 p.
28. *Habakkuk H.J.* American and British Technology in the Nineteenth Century: The search for labor saving inventions. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. 222 p.
29. *Acemoglu D.* When does labor scarcity encourage innovation? // *Journal of Political Economy*. 2010. № 118 (6). P. 1037–1078.
30. *Hirschman C., Mogford E.* Immigration and the American industrial revolution from 1880 to 1920 // *Social Science Research*. 2009. № 38 (4). P. 897–920.

References

1. Abramovitz M., Paul D. American macroeconomic growth in the era of knowledge-based progress: the long run perspective. *The Cambridge Economic History of the United States*. 2000;3:1-92.
2. Chandler A. *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*. Cambridge: Harvard University Press; 1977. 624 p.

3. Hounshell D. *From the American system to mass production, 1800-1932: the development of manufacturing technology in the United States*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press; 1984. 436 p.
4. Engerman S., Sokoloff K. *Technology and Industrialization, 1790–1914. The Cambridge Economic History of the United States*. S.L. Engerman, R.E. Gallman, eds. Cambridge^ Cambridge University Press; 2000;2:367-402.
5. Goldin C. *The political economy of immigration restriction in the United States, 1890 to 1921. The regulated economy: A historical approach to political economy*. Chicago: University of Chicago Press; 1994:223-258.
6. Carter S., Sutch R. *Historical background to current immigration issues. The Immigration Debate: Studies on the Economic, Demographic and Fiscal Effects of Immigration*. J.P. Smith, B. Edmonston, eds. Washington: National Academy Press; 1999:289-366.
7. Sevostyanov G.N., ed. *History of the USA*. In 4 volumes. Moscow: Nauka Publ.; 1985. 598 p. (In Russ.).
8. *U.S. Bureau of the Census, Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957*. Washington, D.C.; 1960.
9. Wyman M. *Round-Trip America: The Immigrants Return to Europe, 1880-1930*. New York: Cornell University Press; 1993. 263 p.
10. Carter S. *Labor Force. Historical Statistics of the United States, Earliest Times to the Present: Millennial Edition*. S.B. Carter, S.S. Gartner, M.R. Haines, A.L. Olmstead, R. Sutch, G. Wright, eds. New York: Cambridge University Press; 2006. Available from: <http://dx.doi.org/10.1017/ISBN-9780511132971.Ba.ESS.02> [Accessed 1st July 2022].
11. Zolberg A.R. *A Nation by Design: Immigration Policy in the Fashioning of America*. Cambridge: Harvard University Press and the Russell Sage Foundation; 2006. 672 p.
12. Kahan A. *Economic opportunities and some pilgrims' progress: Jewish immigrants from Eastern Europe in the US, 1890-1914. The Journal of Economic History*. 1978;(38):235-251.
13. Ward D. *Cities and Immigrants: A Geography of Change in Nineteenth Century America*. New York: Oxford University Press; 1971. 192 p.
14. Hirschman C., Mogford E. *Immigration and the American industrial revolution from 1880 to 1920. Social Science Research*. 2009;(38):897-920.
15. Wright G. *American agriculture and the labor market; what happened to proletarianization? Agricultural History*. 1988;(62):182-209.
16. Massey D., Arnago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor E. *Theories of international migration: a review and appraisal. Population and Development Review*. 1993;(19):431-466.
17. Berry C. *Southern Migrants, Northern Exiles*. Urbana: University of Illinois Press; 2000. 236 p.
18. Collins W. *When the Tide Turned: Immigration and the Delay of the Great Migration. Journal of Economic History*. 1997;(57):607-632.
19. Carpenter N. *Immigrants and their children, 1920: a study based on census statistics relative to the foreign born and the native white of foreign or mixed parentage*. Census monographs (United States. Bureau of the Census). Washington: Govt. Print. Off. Press; 1927. 431 p.
20. Brody D. *Steelworkers in America: The Nonunion Era*. Cambridge: Harvard University Press; 1960. 303 p.
21. Rodgers D.T. *Tradition, modernity, and the American industrial worker: reflections and critique. Industrialization and Urbanization: Studies in Interdisciplinary History*. T.K. Rabb, R.I. Rotberg, eds. Princeton: Princeton University Press; 1981:217-243.
22. Ferrie J.P. *History lessons: the end of American exceptionalism? Mobility in the United States since 1850. The Journal of Economic Perspectives*. 2005;(19):199-215.
23. Hatton T.J., Williamson J. G. *The age of mass migration: causes and economic impact*. New York: Oxford University Press; 1998. 301 p.
24. Carter S., Sutch R. *Resident Impacts of Immigration: Perspectives from America's Age of Mass Migration*. Department of Economics. University of California-Riverside. 2006. Available from: <http://www.economics.ucr.edu/papers/papers08/08-08.pdf> [Accessed 1st July 2022].
25. Rosenberg N. *Technology and American Economic Growth*. New York: Harper and Row Publ.; 1972. 228 p.
26. Doran K., Yoon Ch. *Immigration and Invention: Evidence from the Quota Acts*. Working Paper, University of Notre Dame Press; 2020. 59 p.

27. Hicks J.R. *Theory of Wages*. London: Macmillan & Co Publ.; 1932. 384 p.
28. Habakkuk H.J. *American and British Technology in the Nineteenth Century: The search for labor saving inventions*. Cambridge: Cambridge University Press; 1962. 222 p.
29. Acemoglu D. When does labor scarcity encourage innovation? *Journal of Political Economy*. 2010;(118):1037-1078.
30. Hirschman C., Mogford E. Immigration and the American industrial revolution from 1880 to 1920. *Social Science Research*. 2009;(38):897-920.

Информация об авторе

С.А. Гречишкина – аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

S.A. Grechishkina – Postgraduate of the Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 07.07.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 16.09.2022.
The article was submitted 07.07.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-54-59

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАРОДЁРСТВА И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ В АРМИИ НАПОЛЕОНА

Владислав Николаевич Егорышев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, vladislav.egoryshev@mail.ru

Аннотация. Рассматривается теоретическая интерпретация понятия «мародёрство», анализируется история его происхождения и дальнейшего распространения в рядах армии Наполеона I Бонапарта. Мародёрство относится к одному из самых осуждаемых видов военных преступлений, совершаемых в период вооруженного столкновения между государствами. Парадоксально, что при всей негативной окраске данного явления мародёрство существует столь же долго, сколько сама история войн. На протяжении всей своей истории оно оказывало негативный эффект на все противоборствующие в войне стороны. Армия, в которой царит мародёрство, подвержена массовому упадку дисциплины и не способна вести боевые действия с максимальной эффективностью. В ходе военных кампаний начала XIX в. закон и мораль зачастую теряли свою значимость и не могли выступить гарантом сдерживающего фактора противоправного поведения участников военного конфликта. Эпоха Наполеоновских войн без прикрас демонстрирует особенности человеческой природы во время кровопролитных военных кампаний. Несмотря на то, что солдаты и офицеры Наполеона стремились блюсти мотивы чести и достоинства, сам наполеоновский стремительный стиль войны неизбежно приводил к возникновению голода в рядах Великой армии, и как следствие – ко множеству бедствий, прежде всего к мародёрству. Значимость проблемы распространения мародёрства в рядах армии Наполеона I находит свое отражение не только в исследованиях ученых, но и в мемуарах современников рассматриваемых событий.

Ключевые слова: мародёрство, военное преступление, грабеж населения, Наполеоновские войны, Великая армия, солдаты Наполеона, армейская дисциплина, моральный облик воина

Для цитирования: Егорышев В.Н. История возникновения мародёрства и его распространение в армии Наполеона // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 54–59.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE HISTORY OF THE EMERGENCE OF LOOTING AND ITS SPREAD IN NAPOLEONIC ARMY

Vladislav N. Egoryshev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, vladislav.egoryshev@mail.ru

Abstract. Theoretical interpretation of the notion “looting” is examined, the history of its origin and further spreading of this pernicious phenomenon in the ranks of Napoleon I Bonaparte's Grand Army is analyzed. Looting is among the most condemned types of war crimes committed during armed clashes between states. Paradoxically, for all the negativity of the phenomenon, looting has been around as long as the history of war itself. Throughout its history, looting has had a negative effect on all opposing sides in war - an army where looting reigns, is prone to a massive decline in discipline and is unable to fight with maximum efficiency. During the military campaigns of the early nineteenth century, law and morality often lost their significance and could not act as a deterrent to the unlawful behavior of those involved in military conflict. The era of the Napoleonic Wars is an unvarnished demonstration of human nature during bloody military campaigns. Despite the fact that Napoleon's soldiers and officers strove to observe motives of honor and dignity, Napoleon's rapid style of war inevitably led to starvation in the ranks of the Grand Army, and as a consequence, there

© Егорышев В.Н., 2022

were many disasters and, above all, looting. The importance of the problem of the spread of looting in the ranks of Napoleon I's army is reflected not only in the studies of scholars, but also in the memoirs of contemporaries of the events in question.

Keywords: looting, war crime, depredation of population, Napoleonic Wars, Great Army, Napoleon's soldiers, army discipline, warrior morale

For citation: Egoryshev V.N. The History of the Emergence of Looting and Its Spread in Napoleonic Army. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):54-59. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Проблема возникновения и трактовки воинских преступлений, самым распространенным из которых является мародёрство, традиционно является одним из центральных вопросов в области исследования армейских структур, военной истории и психологии. Для понимания проблематики исследования необходимо дать верное определение мародёрству. В международно-правовых стандартах гуманного обращения во время войны мародёрство трактуется как военное преступление международного характера [1, с. 204–206].

В Военном энциклопедическом словаре дается следующее определение этому термину: мародёрство – тайное или открытое похищение военнослужащими на поле сражения (в т. ч. в районе, подвергшемся бомбардировке или обстрелу) вещей, находящихся при убитых и раненых из состава своей, союзной или неприятельской армии, а также из числа гражданских лиц. Мародёрством является и похищение вещей у раненых во время эвакуации их с поля боя [2, с. 34].

Согласно полному словарю иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, мародёрство (от фр. *maraudeur*) – посягательство со стороны воинских чинов на чужое имущество во время военных действий или в местности, объявленной на военном положении. «Мародёр» – лицо, занимающееся в военное время грабежом или кражей [3, с. 232].

Несмотря на актуальность и остроту рассматриваемой проблемы, ее историография не отличается особой внушительностью. Некоторые вопросы воинских преступлений были рассмотрены в работах И.Л. Трунова, С.В. Шкаева, О.А. Споршевой, И.А. Климова. Отдельные аспекты распространения мародёрства в армии Наполеона частично освещены в исследованиях О.В. Соколова и В.Н. Земцова.

Источниками данного исследования стали дневники и мемуары военнослужащих Великой армии, а также научные труды, объективно представленный эмпирический материал которых был применен автором для актуализации вопроса изучения истории возникновения мародёрства и его распространения в армии Наполеона.

В работе нашли отражение как общенаучные, так и специально-исторические принципы и методы научного исследования. Таким образом, в исследовании были реализованы принцип историзма, принцип объективности и принцип системности. Методология предлагаемого исследования включает в себя корреляционный, историко-генетический, историко-сравнительный и проблемный методы.

История мародёрства начинает свой отсчет с первых военных кампаний в мировой истории. Рисковавшие жизнью и здоровьем на поле брани воины зачастую не гнушались грабить побежденную сторону, собирая любым доступным способом трофеи, которыми «по праву войны» должны были обладать воины-победители. В Средние века, до того как мародёрство стало принимать массовый характер в армиях мира, оно было разрешено с подачи самих полководцев, которые даже определяли некоторое количество дней на грабеж солдатами захваченной территории. Вскоре главнокомандующие войсками стали отмечать, что армия, в которой начинал зарождаться повальный грабеж, была не способна так же эффективно, как раньше, исполнять приказы и соблюдать строгую военную дисциплину. В результате было принято решение запретить мародёрство, а за непослушание и самовольные грабежи ввести систему наказаний. Исследователи, занимающиеся вопросом изучения мародёрства, отмечают, что следующее: «армия, зараженная мародёрством, воевать не способна. Быстро падает дисциплина, командир мешает, немедленно возникает подкуп вышестоящих чинов, без труда полученные ценности

откупают от нарядов караулов, от тяжелой работы, процветают пьянство и разврат. Появляются перекупщики краденного, воцаряется этика уголовного мира» [4].

И все же своими корнями мародёрство тяготеет к эпохе Тридцатилетней войны, имевшей действительно тотальный характер и взволновавшей все слои населения. В ходе которой происходили военные конфликты в Священной Римской империи германской нации и Европе в целом, продолжавшиеся в период 1618–1648 гг. и затронувшие практически все европейские государства. Возникновение понятия «мародёр» обычно связывают с фамилией Мероде, принадлежавшей двум довольно знаменитым военачальникам – участникам Тридцатилетней войны: немецкому генералу графу одного из древнейших дворянских семейств Священной Римской империи Иоганну Мероде и шведскому полковнику Вернеру фон Мероде. Однако, поскольку солдаты немецкого графа отличались особым энтузиазмом при разграблении городов во время войны, можно предположить, что именно от его фамилии берет начало понятие «брат-мародёр» (нем. Merodebruder), которым в шутку называли солдат, активно занимающихся грабежами на полях сражений и присваивающих вещи мирного населения, проживающего вблизи театра военных действий. Впоследствии понятие «мародёр», произошедшее от фамилии Мероде, стало нарицательным [5, с. 76].

Во время военных кампаний конца XVIII – начала XIX в. мародёрство не было чем-то новым для европейских государств и Франции, в частности. Как раз наоборот, с ростом военных кампаний мародёрство получало все большее распространение среди солдат Великой армии, и это несмотря на то, что подобное поведение считалось серьезным преступлением и каралось в соответствии с кодексом «О наказаниях за военные преступления», который был дополнен и регламентирован Директорией 11 ноября 1796 г. Установленный регламентом от 21 брюмера список военных преступлений в армии в эпоху Империи, куда входило и мародёрство, имелся у каждого солдата в его индивидуальной книжке на страницах 27 и 28 [6, с. 341].

Историки эпохи Наполеоновских войн в своих трудах писали о чести, самолюбии и достоинстве солдат Наполеона, несомненно отличавшихся от наемников графа Мероде в лучшую сторону. Но как же армия с почти что изумительной дисциплиной могла подвергнуться такому внушительному порыву мародёрства? Ответ на этот вопрос весьма банален и прост – к сожалению, честь и высокие моральные принципы не могли избавить солдат Наполеона от чувства голода, которое преследовало их на протяжении многих военных кампаний.

В первую очередь распространению мародёрства способствовала сама манера ведения войны, которой придерживался Наполеон. Скорость переходов и стремительный натиск на врага, как следствие, приводили к быстрой победе над армией противника, но требовали быстроты марша от собственных военных соединений, за которыми часто не поспевал обоз с припасами.

Весомую роль в распространении мародёрства сыграла и низкая эффективность администрации Великой армии. Транспортные средства и коммуникации не имели должных технических возможностей для осуществления полноценного снабжения наполеоновских солдат всем необходимым. Нетрудно догадаться, что далеко не все чиновники военной администрации выполняли свою работу с полной отдачей, руководствуясь только понятиями чести и достоинства.

Таким образом, обеспечить продуктами питания, фуражом и прочими необходимыми в военное время вещами огромные массы стремительно марширующих по территории противника солдат было невозможно в условиях Европы начала XIX в. В итоге наполеоновские солдаты принялись за добычу пропитания самостоятельно и, естественно, в большинстве своем «находили» нужные вещи у местных жителей, которые, в свою очередь, без особого энтузиазма расставались с последними запасами зерна и овощей, курами и коровой [6, с. 335].

Как отмечает участник Австрийской кампании Фантен дез Одоард, мародёры Великой армии внушали настоящий страх местным жителям, которые покидали свои дома, опасаясь встречи с наполеоновскими солдатами. Более того, когда разграблению подвергся небольшой незащищенный австрийский городок Санкт-Пельтен, жители которого даже не оказывали сопротивления и по возможности готовы были поделиться своими припасами, Одоард был шокирован беспорядками, которые устроили мародёры: «Я краснею, видя, как эти беспорядки пятнают наши лавры!» [7, р. 57–58].

Не редки были и случаи вооруженных столкновений солдат Великой армии с местными жителями, когда соотношение численности последних могло значительно превышать число мародёров, желающих присвоить чужое имущество. И если в ходе австрийских кампаний 1805 и 1809 гг. подобное явление не получило широкого распространения, сурово каралось главным командованием и никак не могло быть нормой, то в ходе Испанской войны, похода в Калабрию и Русской кампании 1812 г. мародёрство в рядах армии Наполеона достигло небывалых масштабов.

Подтверждение вышесказанному находит свое отражение в корреспонденции и дневниках многих современников описываемых событий. Так, вспоминая Пиренейские войны и тотальное разграбление взятого штурмом Бургоса, граф Сегюр отмечает, что уровень мародёрства в рядах Великой армии стал необратимо высок – солдаты выламывали двери домов, обыскивали каждый уголок и складировали на дороге разнообразную одежду, посуду, столовые принадлежности и даже сломанную мебель и треснутые зеркала. Мародёры, активно снующие по сторонам среди общего разгрома, напоминали муравьев – согнувшись под тяжестью награбленного добра они тащили на своих плечах огромные торбы с ценностями. Солдаты Наполеона, увлеченные мародёрством, занимались грабежом города в течение нескольких дней: «Регулярное снабжение продовольствием отсутствовало. Жителей, у которых можно было бы получить провизию, также не было. Нужда в провизии стала отличным поводом для мародёрства», – пишет Сегюр [8, р. 395, 397].

Несмотря на то, что некоторые офицеры оправдывали мародёрство своих солдат тем, что лишь исключительная необходимость вынуждала совершать военное преступление ради поиска пропитания, грабеж ради добычи провизии постепенно перерастал в самый настоящий разбой.

О повальном мародёрстве в рядах армии Наполеона в своих мемуарах писали многие современники. Так, адъютант бригадного генерала Роттембурга, Эльзеар Блаз, которому за годы службы в армии Наполеона довелось повидать множество самых разнообразных случаев мародёрства, отмечал, что солдаты, которые проникали в чужие дома под предлогом поиска продовольствия, вместе с продуктами присваивали себе и остальные ценности хозяина. Поиски провизии – это прекрасный повод для полноценного грабежа, причем такой повод часто оправдывался самими же солдатами, поскольку в Великой армии большую часть времени отсутствовала отлаженная работа системы снабжения продовольствием. Закон и моральные устои уже никак не могли помешать солдатам Наполеона мародёрствовать. У кавалеристов даже был лишний повод для мародёрства – в ходе грабежей они занимались поиском фуража для лошадей. Блаз, часто негативно высказывающийся о мародёрах, объясняя, почему многие солдаты Великой армии не боялись промышлять мародёрством, пишет следующее: «Железным аргументом для осуществления грабежей является фраза: “Я голоден, я ищу хлеб”. Если ты не в состоянии дать им хлеб, тебе придется смириться с тем, что они [солдаты] будут делать то, что сами считают нужным» [9, р. 40].

Официально в армии Наполеона продолжала сохраняться суровая система наказаний для мародёров и дезертиров. Маршал Даву был одним из тех, кто всегда проявлял непреклонную суровость к мародёрам в рядах Великой армии и лично приговорил многих из них к смертной казни. К началу кампании 1812 г. против России, «железный маршал» даже обратился к императору с прошением о расстреле оставших от армии солдат, приравняв последних к мародёрам и дезертирам.

Действительно, в ходе противостояния с Россией наполеоновский солдат, оставшийся без какой-либо связи со своим отрядом и без бдительного присмотра со стороны офицеров, часто превращался в мародёра и попадал в руки партизан или местных жителей, на добро которых он покусился. Для борьбы с малыми организованными группами мародёров в 1812 г. даже организовали специальные мобильные колонны [10, с. 194].

Подводя итог, нельзя не отметить, что мародёрство присутствовало и в армиях других стран. Однако степень распространения мародёрства в рядах Великой армии была куда выше – ни одна европейская армия начала XIX в. не имела подобных масштабов этого губительного явления и не могла сравниться с армией Наполеона по уровню грабежей.

Естественно, высшее командование армией прилагало максимум усилий для того, чтобы остановить кажущийся необратимым процесс мародёрства, который осуществлялся даже на территории союзных государств. Однако военные обстоятельства и острая нужда зачастую ока-

зывались сильнее приказов и страха возможного наказания – суровой дисциплины добиться не удавалось. В ходе скорой передислокации огромного количества воинов, в связи с отсутствием четкой и организованной работы системы материального и продовольственного снабжения, мародёрство в армии Наполеона принимало существенные масштабы. Впрочем, не малое число солдат и особенно офицеров даже в тяжелых военных условиях сохранили свои лучшие качества и не забывали блюсти понятия морали, чести и достоинства. Многие участники Наполеоновских войн в своих мемуарах выражают четкую негативную позицию по отношению к мародёрству и стыдятся подобных действий своих товарищей по оружию.

В те редкие моменты, когда администрация Великой армии могла организовать отлаженную работу системы снабжения, когда во главе солдат находились суровые командиры, подобные маршалу Даву, в армии Наполеона наступала строжайшая дисциплина, а уровень мародёрства и грабежей значительно снижался. Однако в большинстве своем офицеры закрывали глаза на акты мелких грабежей, устроенных своими подчиненными. Подобная дозволенность и жуткий голод подталкивали все большее число наполеоновских солдат встать на тропу мародёрства. Не удивительно, что именно солдатам Великой армии принадлежал титул «главных мародёров Европы» в рассматриваемую эпоху.

Список источников

1. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М.: Госполитиздат, 1957. 608 с.
2. Военный энциклопедический словарь : в 2 т. / редкол.: А.П. Горкин, В.А. Золотарев, В.М. Карев и др. М.: Большая российская энциклопедия; РИПОЛ КЛАССИК, 2001. Т. 2. 816 с.
3. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / сост. по лучшим источникам М. Попов. 3-е изд., с доп. отдела полит., экон. и обществ. терминов, вошедших в употребление в рус. яз. за послед. время. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1907. 458 с.
4. Трунов И.Л. Мародёрство — преступление международного характера. URL: https://trunov.com/nauchnye_i_uchebno_metodicheskie_trudy/nauchnye_publicacii_advokatov_kollegii/16267 (дата обращения: 19.05.2022).
5. Шкаев С.В., Споршьева О.А. История возникновения и развития понятия «мародёрство» и ответственности за его совершение // Юридическая наука. 2012. № 3. С. 75–78.
6. Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб.: Империя, 1999. 595 с.
7. *Fantin des Odoards L.-F.* Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Garde Armee, 1800-1830. P., 1895. 530 p.
8. *Segur L.* Un aide de Camp de Napoleon. P., 1894. Vol. 1. 399 p.
9. *Blaze E.* La vie militaire sous le Premier Empire. P., 1837. 2 vol.
10. Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2004. 571 с.

References

1. Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War of August 12, 1949. *Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states.* Vol. 16. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1957. 608 p. (In Russ.).
2. Gorkin A.P., Zolotarev V.A., Karev V.M. et al., eds. *Military encyclopedic dictionary.* In 2 volumes. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, RIPOL KLASSIK Publ.; 2001. Vol. 2. 816 p. (In Russ.).
3. Popov M. *Full Dictionary of Foreign Words in Russian.* Compiled by the best sources M. Popov. Ed. 3, with additional department of political, economic, and social terms in Russian language for the last time. Moscow: I.D. Sytin's Partnership; 1907. 458 p. (In Russ.).
4. Trunov I.L. *Looting is a crime of international character.* Available from: https://trunov.com/nauchnye_i_uchebno_metodicheskie_trudy/nauchnye_publicacii_advokatov_kollegii/16267 [Accessed 19th May 2022]. (In Russ.).

5. Shkaev S.V., Sporsheva O.A. History of emergence and development of the concept of “looting” and responsibility for its commission. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*. 2012;(3):75-78. (In Russ.).
6. Sokolov O.V. *Napoleonic Army*. Saint Petersburg: Imperiya Publ.; 1999. 595 p. (In Russ.).
7. Fantin des Odoards L.-F. *Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Garde Armee, 1800-1830*. P., 1895. 530 p.
8. Segur L. *Un aide de Camp de Napoleon*. P., 1894. Vol. 1. 399 p.
9. Blaze E. *La vie militaire sous le Premier Empire*. P., 1837. 2 vol.
10. Zemtsov V.N. *Napoleonic Great Army in the Battle of Borodino*. Moscow, 2004. 571 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Н. Егорышев – аспирант кафедры отечественной истории XX – XXI веков, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

V.N. Egoryshev – Postgraduate of the Department of Russian History of the 20th-21st centuries, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 16.09.2022.
The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 93
doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-60-67

СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ ВЗГЛЯДОВ БОЛЬШЕВИКОВ НА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СОЗДАНИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА – СССР

Валерий Васильевич Касьянов^{1✉}, Андрей Владимирович Баранов²,
Юрий Асланбиевич Яхутль³

^{1, 2, 3} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ culture@kubsu.ru ✉

² baranovandrew@mail.ru

³ a075ca@yandex.ru

Аннотация. В 2022 г. исполняется сто лет со дня образования Союза Советских Социалистических Республик как важнейшего итога Великой Российской революции и реализации большевистской концепции строительства многонационального государства на основе политической диктатуры РКП(б). Рассматриваются вопросы национально-государственного строительства, завершившегося образованием СССР, условия и политические дискуссии, которые предшествовали созданию государства нового типа. Интерес вызывает внутривластная дискуссия между Лениным и Сталиным по вопросам федерализации и автономизации советских республик. Последствия распада СССР и дальнейшее развитие РФ актуализируют данную тему, так как надежды на Содружество Независимых государств в полной мере не оправдались. РФ и бывшие республики Союзного государства пережили в постсоветский период острый экономический, социальный и политический кризис, сопровождавшийся во многих случаях межнациональными конфликтами.

В современных условиях перед обществом и исторической наукой возникает ряд дискуссионных тем, например почему произошел распад страны и возможно ли было его предотвратить или же раскол в многонациональном государстве был следствием заложенных в нем политических и организационно-правовых принципов, дискуссии по которым развернулись еще на начальном этапе формирования СССР? В современной исторической науке не сложилось единой концепции в оценке событий 1922 г. и 1991 г. и их взаимосвязи. Поэтому важно понять содержание дискуссии, развернувшейся в период политического и организационно-правового формирования СССР.

Ключевые слова: СССР, Ленин, Сталин, федерализм, автономия

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Для цитирования: Касьянов В.В., Баранов А.В., Яхутль Ю.А. Современные оценки взглядов большевиков на государственно-правовые формы создания Союзного государства – СССР // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 60–67.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MODERN ASSESSMENTS OF THE VIEWS OF THE BOLSHEVIKS ON THE STATE-LEGAL FORMS OF THE CREATION OF THE UNION STATE – THE USSR

Valery V. Kasyanov^{1✉}, Andrey V. Baranov², Yuri A. Yakhutl³

^{1, 2, 3} Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ culture@kubsu.ru ✉

© Касьянов В.В., Баранов А.В., Яхутль Ю.А., 2022

² baranovandrew@mail.ru

³ a075ca@yandex.ru

Abstract. The year of 2022 marks one hundred years since the formation of the Union of Soviet Socialist Republics as the most important outcome of the Great Russian Revolution and the implementation of the Bolshevik concept of building a multinational state based on the political dictatorship of the RCP(b). This article examines the issues of national-state construction, which ended with the formation of the USSR, the conditions and political discussions that preceded the creation of a new type of state. The most interesting is the intra-party discussion between Lenin and Stalin on the issues of federalization and autonomization of the Soviet republics. The consequences of the collapse of the USSR and the further development of the Russian Federation actualize this topic, since hopes for the Commonwealth of Independent States have not been fully realized. The Russian Federation and the former republics of the Union state experienced an acute economic, social, and political crisis in the post-Soviet period, accompanied, in many cases, by interethnic conflicts.

In modern conditions, society and historical science face a number of controversial topics, such as: why the collapse of the country occurred and whether it was possible to prevent it, or whether the split in a multinational state was a consequence of the political and organizational and legal principles laid down in it, discussions on which unfolded at the initial stage of the formation of the USSR. In modern historical science, there is no unified concept in assessing the events of 1922 and 1991 and their interrelationships. To assess them, it is important to understand the content of the discussion that unfolded during the political and organizational-legal formation of the USSR.

Keywords: USSR, Lenin, Stalin, federalism, autonomy

Acknowledgments: the study was carried out within the framework of the RFBR, project No. 21-09-43110 “Relationships between the party-state power and a multi-ethnic society in the course of the implementation of national policy (on the proceedings of the North Caucasus Territory and the Crimean ASSR, 1920s)”.

For citation: Kasyanov V.V., Baranov A.V., Yakhutl Yu.A. Modern Assessments of the Views of the Bolsheviks on the State-Legal Forms of the Creation of the Union State – The USSR. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):60-67. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В период кризиса в обществе возрастает значимость исторической науки, которая служит основой для духовного возрождения. Современное российское общество заинтересовано в объективной оценке причин образования, а в последующем и распада СССР. Многонациональное, многоконфессиональное российское государство в 1922 г. приобретает новые политические формы, в основе которых были диктатура пролетариата в виде Советов, однопартийная политическая система и плановая безальтернативная экономика. Первый шаг к созданию Союзного государства, основанного на новых принципах пролетарского интернационализма, был сделан в годы Гражданской войны. Реализация новой концепции советского государства как многонационального, многоконфессионального союза проходила под лозунгом о праве нации на самоопределение, выступая против регионального сепаратизма.

Предмет исследования – концепция национальной политики РКП(б) и организационно-правовые основы Союзного государства – СССР. Цель – изучить содержание концепций (федерализма и автономизации) государственно-правовой формы объединения советских республик в 1922 г. Хронологические рамки исследования охватывают период первой четверти XX в., когда лидеры партии РКП(б) активно разрабатывали содержание национальной политики и формы государственного строительства после прихода к власти. Крайней датой можно считать съезд Советов, проходивший в декабре 1922 г., который закрепил организационно-правовое оформление Союза ССР.

Начало историографических исследований по проблеме образования СССР датируется второй половиной 1920-х гг. Для современного осмысления значимости этого события наибольший интерес представляют работы постсоветского периода [1–6]. В этих работах представлены новые концепции формирования Союзного государства, в том числе зарождения РСФСР – самой крупной союзной республики, проблемы эволюции федерализма и ее российской модели.

Отсутствие идеологических ограничений и доступ к новым архивным материалам позволяют исследователям объективно и всесторонне оценить основные вопросы, связанные с образованием СССР, в том числе и противоречия, которые были изначально заложены в структуру федерации.

До революции 1917 г. и с первых лет существования советской власти шли дискуссии по национальному вопросу. Активная фаза политических решений наступила после прихода большевиков к власти и начала создания на территории РСФСР автономных образований. Результатом такой практики стало формирование Татаро-Башкирской Советской Республики на части территории Урала. Однако опыт создания национальных автономий выявил ряд существенных недостатков, один из которых – усиление центробежных сил и рост национализма. Возможно, эти факты вынудили Народный Комиссариат по национальным вопросам во главе с И. Сталиным пересмотреть политику поддержки формирования национальных автономий. Последствия нашли свое отражение в решениях VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.), который ликвидировал коммунистические национальные организации как самостоятельные структуры в РКП(б). Теперь они входили напрямую в Коммунистическую партию Советской России.

За период 1918–1922 гг. в стране были сформированы автономии, которые продолжали организационно укрепляться, но происходило это в условиях противостояния как с центром, так и с участвующими в процессе регионами.

Уже 1 июня 1919 г. был подписан один из первых декретов, объединяющих Россию, Украину, Латвию, Литву и Белоруссию в борьбе с внешними угрозами и возможностями решения экономических вопросов. Это был не только военно-политический договор, но и соглашение, подчинённое решению экономических вопросов в условиях кризиса и войны. С учетом исторических традиций Москва оставалась центром принятия решений, но в договоре особо подчеркивалось, что республики сохраняют свою самостоятельность. В дальнейшем предпринимались меры по расширению участия во ВЦИК РСФСР представителей наиболее значимых Советских республик – Украины, Белоруссии и Закавказья. Это предложение было озвучено Х.Г. Раковским. Комиссия во главе с Л.Б. Каменевым рассматривала возможность объединения Советских республик вокруг РСФСР и создания единого государства [7].

Иной путь был выбран в отношении крупных регионов. Так, например, с Украиной в декабре 1920 г. заключили договор, который при видимости сохранения её суверенитета вплоть до внешнеполитической деятельности на самом деле ориентировал Украину на сближение с РСФСР. Аналогичное соглашение было заключено с Белоруссией. Как отмечают исследователи, в высшем политическом руководстве партии большевиков поиск наиболее эффективных путей национально-государственного строительства проходил сложно, болезненно в острых политических дискуссиях [8]. Если рассматривать эволюцию взглядов Ленина по вопросу национально-государственного строительства в Советской России, то можно отметить явное проявление классового подхода и своеобразие понимания федерализма. Так, отличительной чертой федерализма от автономии, по его мнению, был уровень централизации и концентрации властных полномочий. Ленин еще до революции обращался к национальному вопросу и вопросу государственного устройства страны в условиях социалистической революции.

Военно-политический союз на завершающем этапе Гражданской войны получил и экономическое обоснование, когда был принят в 1920 г. план ГОЭЛРО (электрификации РСФСР). Формировались единые органы хозяйственного управления, традиционно сосредоточенные в г. Москве. В феврале 1921 г. был создан Госплан РСФСР, в августе 1921 г. – комитет по земельным делам. С целью формирования единой позиции на международной арене в феврале 1922 г. состоялась встреча представителей 9 республик – РСФСР, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении, Грузии, Бухары, Хорезма и Дальневосточной республики, которые поручили РСФСР представлять их интересы на генуэзской конференции.

Создание Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР) в марте 1922 г. стало своеобразным экспериментом перед формированием Союзного государства. Три закавказских республики не имели экономической, социальной или иной основы для объединения. Желание В.И. Ленина не использовать шаблоны и практику предшествующего периода в национальной политике было проигнорировано. Летом 1922 г. процесс организационно-

правового объединения в Закавказье завершился. Назревающий кризис государственного строительства способствовал ускорению разработки концепции Союзного государства. Уже 10 августа 1922 г. создается комиссия во главе с И. Сталиным, которая должна была подготовить предложения по федеративному устройству нового государства. В состав комиссии вошли известные деятели партии большевиков Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, Раковский, Сокольников и представители национальных образований – Агамалы-Оглы (Азербайджан), Мясников (Армения), Червяков (Белоруссия) и Петровский (Украина).

Первый проект, известный в истории как проект «автономизации», был озвучен 10 сентября 1922 г. Он предполагал вхождение национальных республик в состав РСФСР и был поддержан представителями Армении, Азербайджана и Белоруссии, против высказались политики Украины и Грузии. Ленин узнал о содержании проекта Сталина и результатах его обсуждения в Центральном Комитете национальных партий в конце сентября. Ознакомившись с документами, он пригласил к себе Сталина. Но до встречи с руководителем Наркомнаца состоялась беседа с Сокольниковым (Украина) – членом комиссии – и Мдивани (Грузия). Ленин высказывался о равенстве всех республик, входящих в Союзное государство. Сталин подчинился лидеру партии и 27 сентября письменно заявил о своем отказе от принципов автономизации, но все-таки сделал оговорки относительно целесообразности общесоюзного ЦИКа партии. Новый проект поступил в ЦК партии 6 октября. Документ гарантировал равные права всем республикам, входящим в новое государство, и право выхода из союзного соглашения. Этот проект и был одобрен. Не обошлось и без конфликтов, когда Грузия потребовала прямого вхождения в Союзное государство.

Решающее значение имело постановление Пленума ЦК РКП(б) от 6 октября 1922 г. «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми Советскими Социалистическими Республиками», которое подтвердило ленинские принципы национально-государственного строительства.

Ленин постоянно обращался к теме межнациональных отношений в своих статьях и на партийных форумах. Еще на Пражской партийной конференции в 1912 г. он отмечал единство социал-демократического движения в России вне зависимости от национальности [9]. В «Тезисах по национальному вопросу» (1913 г.) Ленин подчеркивал не только партийное единство, так как РСДРП возникла «как “российская” партия», но и союз всего пролетариата России не зависимо от его национальности. При этом факт автономии местных и областных партийных организаций допускался [10]. В последующем на своих партийных форумах российские социал-демократы признавали право нации на самоопределение, но при этом призывали не смешивать право на отделение с целесообразностью выхода того или иного народа.

В годы Первой мировой войны Ленин постоянно обращался к данной теме, подчеркивая, что не следует противопоставлять право нации на самоопределение социалистической революции. Он утверждал, что революционная борьба имеет прямое отношение к вопросу самоопределения нации [11]. Уже в апреле 1917 г. лидер большевиков признавал право на выход наций и народов из состава России. По его мнению, пролетарская партия должна была поддерживать идею полной свободы и отделения от России всех наций и народностей [12]. Роль партии сводилась к созданию нового государства на основе союза народов России.

И. В. Сталин тоже был активным участником дискуссии по национальному вопросу и государственному устройству России в условиях революции. Так, в марте 1917 г. в статье «Против федерализма» на страницах газеты «Правда» в категоричной форме он отрицал возможности федеративного устройства России, что было ответом на взгляды эсеров на принципы федерализма [13]. В этот период российской революции в РКП(б) не было единства и выработанной, согласованной концепции национально-государственного строительства России.

Но на Апрельской (1917 г.) партийной конференции И. Сталину было поручено сделать доклад по национальному вопросу. В нем прозвучали идеи о праве нации на самоопределение, но это не обязательно было делать. Для народов, остающихся в пределах России, предусматривалась автономия, а малочисленным народам гарантировали правовую защиту их интересов. Позиция Сталина в период острого политического противостояния в России совпадала с воззрениями Ленина. Даже особая точка зрения Пятакова, который отвергал право нации на самоопределение, получила жесткий отпор со стороны Ленина.

Высшее партийное руководство связывало решение национального вопроса и национально-государственного строительства с окончательной победой Советов как формы государства. Эта позиция была принципиальной для Ленина, который рассматривал союз не по национальному принципу, а по политическому на основе Советов как органов власти. И вопрос о праве нации на самоопределение в резолюции конференции был обозначен с точки зрения целесообразности такого решения той или иной нации в тот или иной момент [14]. Этот тезис нашел свое развитие в статье «Наказ выбираемым по заводам и по полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов» [15].

Следует признать, что Ленин делал отступления в своих взглядах на федеративное устройство. После революции он считал возможным сохранение единого унитарного государства. Большевики к моменту прихода к власти имели принципиальное представление по национальному вопросу, основанное на пролетарском интернационализме. Это было подтверждено решениями II Всероссийского съезда Советов, где признавалось право нации на подлинное самоопределение [16]. В ноябре 1917 г. Ленин и Сталин подписали документ «Декларация прав народов», который подтверждал уже заявленные принципы большевиков: право народов России на образования самостоятельных государств, самоуправление, свободное развитие национальных меньшинств и равенство всех народов. Документ призывал к «добровольному и честному союзу народов России» [17].

Ленин снова обращается к теме федерализма в период Гражданской войны. Политика централизма, по его мнению, не противоречила принципам федерализма, но при определенном разумном подходе. А вот в случае с автономией она не противоречит централизму [18]. В июне 1920 г. в «Тезисах ко II Конгрессу Коммунистического интернационала» Ленин уже признавал целесообразность федеративного устройства страны. В п. 7 первоначальной наброска тезисов он писал: «Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций» [19]. В свою очередь Сталин высказался за развитие советской автономии национальных окраин как самой конкретной формы «объединения окраин с центральной Россией» [20].

В условиях Гражданской войны и после её завершения центром принятия решений по национальному вопросу, а следовательно, разработки концепции национально-государственного строительства стал Комиссариат по национальному вопросу во главе со Сталиным. Наркомнац осуществлял свою деятельность с 1917 по 1924 г., реализуя на практике национальную политику. Еще в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов была принята «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа», где Советская Российская Республика признавалась как государство свободных наций и как федерация.

Очередной раз партия большевиков обращается к национальному вопросу на X съезде, где рассматривались вопросы о единстве партии и переходе к новой продовольственной политике. В принятой резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» утверждался тезис о единстве народов при диктатуре пролетариата и победе Советов [21]. Наличие враждебного капиталистического окружения способствовало, по мнению РКП(б), объединению бывших национальных окраин в союзное федеративное государство на добровольной основе. Резолюция сыграла значительную роль в национально-государственном строительстве Советской России [22].

В стране продолжились процесс и интеграция советских республик. Так, к 1922 г. с учетом усиления военно-политического союза и возрастающей роли экономического фактора сформировались три формы союзнических отношений: федерация, которая явно проявилась в автономизации национальных образований в РСФСР; союзный договор – соглашения между Советскими республиками (ЗСФСР); федерация, построенная на основе двухсторонних соглашений. В этих условиях и развернулось политическое противостояние между центристами и федералистами в высшем руководстве страны.

30 ноября комиссия ЦК РКП(б) разработала Основные положения Конституции СССР, которые были разосланы в республики для обсуждения. 18 декабря 1922 г. Пленум ЦК РКП(б) обсудил проект Союзного Договора об образовании Союза ССР и предложил созвать съезд Советов СССР. Первый Всесоюзный съезд Советов начал свою работу 30 декабря 1922 г., в нем приняли участие 2 215 делегатов. С докладом об образовании СССР выступил И.В. Сталин.

Съезд в основном утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР в составе четырех республик – РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и ЗСФСР. Конституция СССР 1924 г. включила в себя Декларацию о создании СССР и Союзный Договор, завершив правовое оформление Союзного государства.

В своем формировании Союзное государство прошло три этапа: военно-политический в годы Гражданской войны, организационно-экономический на этапе восстановления экономики и единого хозяйственного рынка и дипломатический – в целях защиты своих интересов на международной арене. Ленинский проект нового типа государства содержал на каждом из этапов компромиссные идеи по вопросам федерализма и автономизации, что позволило в 1922 г. принять решение, которое сохранило единство в Российской империи в форме СССР. Закрепленные в Конституции 1924 г. основные идеи федерализма в последующем подвергались трансформации, концентрируя все властные полномочия в партийном руководстве, следовательно, центром притяжения традиционно оставалась Москва.

Список источников

1. Национальная политика России: история и современность / С. В. Кулешов, Д. А. Аманжолова, О.В. Волобуев и др. М.: Русский мир, 1997. 678 с.
2. *Кашироков З.К.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: политико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1998. 19 с.
3. *Карапетян Л. М.* Федерализм и права народов. М.: ПРИОР, 1999. 110 с.
4. *Чистяков О.В.* Становление Российской Федерации (1917–1922 гг.). М.: Зерцало-М, 2003. 343 с.
5. *Красовицкая Т. Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.): документы и материалы. М.: ИРИ РАН, 2007. 448 с.
6. *Паскачев А. Б.* Национальная политика России (от империи – к единой российской нации). Москва; Ярославль: Литера, 2016. 246 с.
7. *Вдовин А.И.* СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М.: РГ-Пресс, 2019. 768 с.
8. *Карпенкова Т.В.* Русские революции 1917 г. и изменения в содержании национально-государственного строительства страны // Приволжский научный вестник. 2013. № 3 (19). С. 43–57.
9. *Ленин В.И.* VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП // Полн. собр. соч. М.: Политическая литература, 1980. Т. 21. С. 121–156.
10. *Ленин В.И.* Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. М.: Политическая литература, 1980. Т. 23. С. 314–322.
11. *Ленин В.И.* Революционный пролетариат и право нации на самоопределение // Полн. собр. соч. М.: Политическая литература, 1980. Т. 27. С. 61–68.
12. *Ленин В.И.* Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. М.: Политическая литература, 1980. Т. 31. С. 149–183.
13. *Сталин И.В.* Против федерализма // Соч. М.: Политиздат, 1954. Т. 3. С. 29–31.
14. *Ленин В.И.* Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24–29 апреля (7–12 мая) 1917 г. // Полн. собр. соч. М.: Политическая литература, 1980. Т. 31. С. 339–453.
15. *Ленин В.И.* Наказ выбираемым по заводам и по полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов // Полн. собр. соч. М.: Политическая литература, 1980. Т. 32. С. 40–42.
16. *Ленин В.И.* Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 (7–8 ноября) 1917 г. // Полн. собр. соч. М.: Политическая литература, 1980. Т. 35. С. 7–29.
17. *Ленин В.И., Сталин И.В.* О социалистическом государстве и советской демократии. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1947. 670 с.
18. *Ленин В.И.* Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полн. собр. соч. М.: Политическая литература, 1980. Т. 36. С. 127–164.
19. *Ленин В.И.* Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического интернационала // Полн. собр. соч. М.: Политическая литература, 1980. Т. 41. С. 159–212.
20. *Сталин И.В.* Политика Советской власти по национальному вопросу в России. 10 октября 1920 г. // Соч. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. Т. 4. С. 351–363.
21. Протокол X съезда РКП(б). М.: Партийное изд-во, 1933. 957 с.

22. Гросул В.Я. Образование СССР: 1917–1924 гг. М.: ИТРК, 2007. 216 с.

References

1. Kuleshov S. V., Amanzholova D. A., Volobuev O. V. et al. *National policy of Russia: history and modernity*. Moscow: Russkii mir Publ.; 1997. 678 p. (In Russ.).
2. Kashirokov Z.K. *Nation-state building in the North Caucasus: Political and legal aspect*. Dissertation Thesis. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press; 1998. 19 p. (In Russ.).
3. Karapetyan L. M. *Federalism and the rights of peoples*. Moscow: PRIOR Publ.; 1999. 110 p. (In Russ.).
4. Chistyakov O.V. *Formation of the Russian Federation (1917-1922)*. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2003. 343 p. (In Russ.).
5. Krasovitskaya T.Yu. *National elites as a socio-cultural phenomenon of the Soviet statehood (October 1917-1923): Documents and materials*. Moscow: Institute of Russian History Press, Russian Academy of Sciences; 2007. 448 p. (In Russ.).
6. Paskachev A. B. *Russia's national policy (from empire to a single Russian nation)*. Moscow; Yaroslavl: Litera Publ.; 2016. 246 p. (In Russ.).
7. Vdovin A.I. *USSR. History of a great power (1922-1991)*. Moscow: RG-Press; 2019. 768 p. (In Russ.).
8. Karpenkova T.V. Russian revolutions of 1917 and changes in the content of the national-state construction of the country. *Privolzhskii nauchnyi vestnik = Privolzhsky Scientific Journal*. 2013;(3):43-57. (In Russ.).
9. Lenin V. I. VI (Prague) All-Russian Conference of the RSDLP. *Complete Works*. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.; 1980;21:121-156. (In Russ.).
10. Lenin V.I. Abstracts on the national question. *Complete Works*. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.; 1980;23:314-322. (In Russ.).
11. Lenin V.I. The revolutionary proletariat and the right of the nation to self-determination. *Complete Works*. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.; 1980;27:61-68. (In Russ.).
12. Lenin V.I. The tasks of the proletariat in our revolution. *Complete Works*. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.; 1980;31:149-183. (In Russ.).
13. Stalin I.V. Against federalism. *Essays*. Moscow: Politizdat Publ.; 1954;3:29-31.
14. Lenin V.I. Seventh (April) All-Russian Conference of the RSDLP(b) April 24-29 (May 7-12), 1917. *Complete Works*. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.; 1980;31:339-453. (In Russ.).
15. Lenin V.I. Order to the deputies elected by factories and regiments to the Council of Workers' and Soldiers' Deputies. *Complete Works*. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.; 1980;32:40-42. (In Russ.).
16. Lenin V.I. Second All-Russian Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies 25-26 (November 7-8), 1917. *Complete Works*. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.; 1980;35:7-29. (In Russ.).
17. Lenin V.I., Stalin I.V. *On the socialist state and Soviet democracy*. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1947. 670 p. (In Russ.).
18. Lenin V.I. A variant of the article "Immediate Tasks of Soviet Power". *Complete Works*. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.; 1980;36:127-164. (In Russ.).
19. Lenin V.I. Abstracts for the II Congress of the Communist International. *Complete Works*. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.; 1980;41:159-212. (In Russ.).
20. Stalin I.V. The policy of the Soviet government on the national question in Russia. October 10, 1920. *Essays*. Moscow: OGIZ, Gospolitizdat Publ.; 1947;4:351-363. (In Russ.).
21. *Record of X congress RCP(b)*. Moscow: Party Publishing House; 1933. 957 p. (In Russ.).
22. Grosul V. Ya. *Formation of the USSR: 1917-1924*. Moscow: ITRK Publ.; 2007. 216 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В.В. Касьянов – доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, факультет истории, социологии и международных отношений.

А.В. Баранов – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления, факультет управления и психологии.

Ю.А. Яхутль – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, факультет истории, социологии и международных отношений.

Information about the authors

V.V. Kasyanov – Doctor of Science (History), Doctor of Science (Sociology), Professor, Head of the Department of Russian History, Faculty of History, Sociology and International Relations.

A.V. Baranov – Doctor of Science (History), Doctor of Science (Political Science), Professor, Professor of the Department of Political Science and Political Management, Faculty of Management and Psychology.

Yu.A. Yakhutl – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor the Department of Russian History, Faculty of History, Sociology and International Relations.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 16.09.2022.
The article was submitted 17.08.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья
УДК 94 (100)
doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-68-74

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЯХ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Олег Николаевич Попенков^{1✉}, Сергей Иванович Буркут²

^{1, 2} Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ, Москва, Россия

¹ fnagrada@list.ru ✉

² burkut-sergey@rambler.ru

Аннотация. Раскрываются теоретические аспекты радикальной исламистской идеологии в исторической ретроспективе. Подчеркивается, что на этих идеях строится деятельность всех без исключения экстремистских организаций Ближнего Востока. Прежде всего, за основу берутся постулаты салафизма и последующей их трактовки, известной как ваххабизм. Объявляется священная война (джихад) всем и избирается метод тотального террора, а также извращается исламская религия, по-своему трактуется Коран. Во времена дуполярного мира деятельность этих организаций сдерживалась национальными режимами региона, которые были уничтожены в результате экспансионистской политики Соединённых Штатов, развязанной ими за ресурсы.

Ключевые слова: Ближний Восток, исламский фактор, экстремизм, салафизм-ваххабизм, джахилия, джихад

Для цитирования: Попенков О.Н., Буркут С.И. К вопросу об исторических корнях исламского терроризма на Ближнем Востоке // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 68–74.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ON THE QUESTION OF THE HISTORICAL ROOTS OF ISLAMIC TERRORISM IN THE MIDDLE EAST

Oleg N. Popenkov^{1✉}, Sergey I. Burkut²

^{1, 2} Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ fnagrada@list.ru ✉

² burkut-sergey@rambler.ru

Abstract. The article reveals the theoretical aspects of radical Islamist ideology in historical retrospect. The authors emphasize that the activities of all extremist organizations in the Middle East, without exception, are based on these ideas. First of all, the postulates of Salafism and their subsequent interpretation, known as Wahhabism, are taken as a basis. A holy war (jihad) is declared for everyone and the method of total terror is chosen, as well as the Islamic religion is perverted, the Koran is interpreted in its own way. During the times of the bipolar world, the activity of these organizations was restrained by the national regimes of the region, which were destroyed as a result of the expansionist policy of the United States, unleashed by them for resources.

Keywords: Middle East, Islamic factor, extremism, Salafism-Wahhabism, jahilia, jihad

For citation: Popenkov O.N., Burkut S.I. On the Question of the Historical Roots of Islamic Terrorism in the Middle East. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):68-74. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

За последние десятилетия обстановка на Ближнем Востоке значительно обострилась. На первый план, заслоняя собой все застарелые проблемы региона, вышел терроризм, проявившийся в так называемом исламском факторе.

Американский политолог С.Ф. Хантингтон утверждает, что в XXI в. будут иметь место тенденции глобальных конфликтов и они будут «особенно распространены между мусульманами и немусульманами» [1, с. 603].

Учитывая последние события на Украине, мы не можем согласиться с подобным утверждением. Миру вновь угрожает фашизм, унёсший миллионы жизней в огне Второй мировой войны. Западный мир, обладающий ядерным оружием, стоит на грани своего заката. Вот кто сегодня главная проблема для выживания человечества.

Деятельность же исламистов в арабских странах не представляет собой абсолютно новое явление. Экстремисты опасны, однако это далеко не все мусульмане, а лишь сектанты. Они не обладают ракетами с ядерными боеголовками, т.е. потенциально не представляют угрозы, равно той, что исходит от вчерашних колонизаторов.

Во многих конфликтах как прошлого, так и текущего века исламистов использовали основные западные игроки, прежде всего США, в своих политических целях. По определению А.И. Фурсова, Ближний Восток «разогрет» интересами западных стран во главе с США, переживающими в наши дни острейший системный политико-экономический кризис [2].

Вот какую оценку американской политике на Ближнем Востоке даёт А.И. Вавилов: «Тенденциозная американская политика по проблемам региона, особенно в кризисные периоды его развития, была невольным и весьма щедрым “подарком” экстремистам всех мастей и колеров» [3, с. 5].

С этой оценкой мы полностью согласны.

Исламский фундаментализм и сопровождающий его террор под прикрытием ислама с новой силой проявился ещё в начале XX в. в идеях ваххабитов Аравии и ассоциации (организации) «Братья-мусульмане» (запрещена в России), т.е. ещё во времена острейшего противоборства идеологий великих государств. Однако в тот период времени, который характеризовался двуполярным миром, идеи исламского экстремизма сдерживались арабскими режимами Ближнего Востока, выбравшими для своих стран прогрессивный путь развития.

В начавшейся глобализации, в огне которой «сгорел» целый ряд режимов национальных исламских государств Большого Востока (Афганистан, Ирак, Ливия, Йемен) вполне ожидаемо подняли голову исламисты, предлагающие миру свою альтернативу – строительство мирового халифата как наиболее справедливого, по их мнению, государственного устройства. Весь мир сегодня исламисты рассматривают как джахилию (социальное устройство, известное в исламе как «невежество», исторически предшествовавшее возникновению исламской религии). При этом никакого различия между культурами западных и восточных стран, их религиями: христианством православным и западным, иудаизмом, буддизмом и иными – не делается.

Исламисты объявили священную войну (джихад) всем и избрали для себя в этой войне метод тотального террора, по-своему трактуя Коран, извращая исламскую религию, превращая её по сути в боевую наступательную идеологию. Страдают от этого в первую очередь сами мусульмане – приверженцы традиционного культа, к которым на Западе относятся как к потенциальным террористам. Исламисты же считают их отступниками, что карается смертной казнью.

В основе идеологии исламского экстремизма лежат идеи салафизма и последующей их трактовки, известной как ваххабизм. На эти идеи опираются в своих действиях все без исключения исламистские террористические группы, независимо от того, какими они считаются – умеренными или радикальными.

Теоретическая разработка идей салафизма (возврата к религии предков, салаф по-арабски – предок) в исламе берёт своё начало от деятельности исламского мыслителя, сирийского шейха Таки ад-Дин ибн Теймийя (1263–1328 гг.). Шейх призывал правоверных «очистить ислам» от всего наносного и являлся представителем крайнего ханбализма (ханбалитского мазхаба – од-

ной из четырёх правовых догматических школ в суннизме, особенность которой – отказ признавать прекращение джихада). Следует отметить, что эта школа считается официальной в наши дни в Саудовской Аравии.

Шейх выступил против столпа суннитского ортодоксального ислама Абу Хамида аль-Газали (1058–1111 гг.) – одного из крупнейших мыслителей исламского мира, теолога, философа и суфия, который примирил суннитов и суфиев, введя в суннитский ислам некоторые понятия суфизма (культ святых и мистическую любовь ко Всевышнему).

Ратуя за непримиримый джихад, шейх Теймийя учредил классификацию «неверных», разделив всё человечество по отношению к исламу на несколько групп. К первой он относил христиан и армян, т.е. немусульман изначально, считал, что с ними можно мирно сосуществовать.

Во вторую группу входили вероотступники, которые хуже «неверных по рождению» и с которыми нужно было вести непримиримую борьбу до их возвращения в ислам, в том числе некоторые арабские и персидские племена.

Третья группа – это те, кто заявляет о своей принадлежности к исламу, но не придерживается всех установленных в нём ритуалов, избегает уплаты закята (подушной подати). Шейх считал, что таких людей нужно уничтожать. Здесь он ссылаясь на высказывание пророка Мухаммеда: «Из всех созданий Аллаха они представляют собой наибольшее зло для людей» [4].

И, наконец, четвёртая группа – самая опасная для ислама по мнению шейха Теймийи. В неё входят те, кто причисляет себя к исламу, но отвергает шариат. Такие люди подлежат безусловному уничтожению.

Теймийя настаивал на важности ведения джихада, подчёркивал роль правоверных, «победоносной группы» (ат-таифа аль-мансура), моджахедов (бойцов джихада). Он хоть и признавал четырёх праведных халифов, но считал, что можно обойтись без халифата вообще – достаточно лишь несколько имамов. Отрицал атрибуты Всевышнего (сыфаты) и тавиль – толкование индифференциальных священных текстов Корана. Был гоним за свои взгляды и закончил свою жизнь в заточении. Шейха считают «отцом ваххабизма» и «дедом современных экстремистов», действия которых основаны на презрении к международному праву.

Прямым продолжателем салафизма стал Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1792 гг.), в основу идей которого легли взгляды хариджитов и салафизм шейха Теймийи. Средневековую секту хариджитов не без основания считают прародителями экстремизма. В 657 г. н.э. они отделились от войска четвёртого халифа Али, обвинив его в том, что он недостаточно твёрд в борьбе за истинный ислам [5].

По мнению хариджитов, община (умма), которая избирает халифа, имеет право его и убрать, если посчитает недостойным, или даже убить. Вообще хариджиты считали убийство политических и религиозных противников богоугодным делом. Они являлись крайними фанатиками, допускаящими убийство мирного мусульманского населения, в том числе женщин и детей. Считали недопустимыми новшества в религии, полагая их ересью (бида) и за это осуждали халифа Османа [6].

Среди хариджитов известны многочисленные группировки, которые враждовали друг с другом. Но особенно крайнего градуса экстремизма достигла группировка азракитов (приверженцы Абу Рашида аль-Азрака), которые считали любого мусульманина, совершившего грех, неверующим, вероотступником, для которого путь возвращения в ислам был закрыт. Азракиты, являясь сторонниками убийств по политическим и религиозным мотивам, считали необходимым уничтожать всех, кто не разделял их взгляды, вместе с жёнами и детьми. Более умеренная секта среди хариджитов – абадиты сохранилась до наших дней.

По мнению Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, мусульмане, жившие 600 лет назад, были язычниками, а он возобновил ислам. Аяты Корана, осуждающие язычников, он адресовал мусульманам. Расценил зов о помощи через пророков и святых людей (таввасуль) язычеством, ссылаясь на аят 2-й (Сура 11-я, Худ священной книги), в котором говорится: «Не поклоняйся помимо Аллаху никому...».

Он относил к ширку (язычеству) посещение могилы Пророка (зиярат), мест захоронений других святых людей, хотя это делали многие уважаемые в исламе имамы.

Ваххабиты извращают Коран и исламскую религию. Они верят в то, что Аллах имеет тело и конечности, что противоречит 11-му аяту (Сура 42, Совет), который утверждает, что «...нет (никого и) ничего подобного Ему (ни в сущности, ни в именах, ни в особенностях, ни в деяниях!), ибо он всё слышит и видит» [7]

Ваххабиты утверждают, что ангелы и пророки-посланники Аллаха не могут быть заступниками за грехи мусульман, что противоречит изречению самого пророка Мухаммеда, в котором говорится: «... Моё заступничество за совершающих большие грехи из Моей общины...» [8]. Иными словами пророк заступался за членов своей уммы.

Кроме того, ваххабиты отрицают знания учёных о религии. Истолковывают Коран так, как сами его понимают. Они отрицают суфизм, причисляя себя к ханбалитам, чтобы распространять свою идеологию. Но это не так. Муфтий ханбалитов, имам Мухаммед ибн Абдулла свидетельствует об этом [9].

В ряду многочисленных воззрений исламского экстремизма особенное место занимает система взглядов террористической организации (ассоциации) «Братья-мусульмане» (запрещена в России) и лично её идеолога Сейида Кутба.

Фундаменталистские идеи являются основой данной организации.

Её лидер, бывший египетский школьный учитель Хасан ибн Ахмад аль-Банна выдвинул идею монопольной власти в обществе (государстве), заявив, что «немногие имеют об исламе полное и ясное представление», дескать, только идеология его организации является единственно правильной в трактовке исламской религии. И наконец, он договорился до того, что создал некую универсальную концепцию, которая способна регулировать все стороны жизни государства и общества.

«Ислам – это всеохватывающая система, которая затрагивает все явления современной жизни. Это – государство и Родина, это – правительство и умма (общество), это – нравственность и мощь, это – милосердие и справедливость, это – культура и закон, наука и судебная система, это – материальные блага и богатство, заработок и зажиточность, это – джихад и пропагандистский призыв, армия и идея, это, иначе говоря, истинная вера и поклонение Богу» [9].

До 1938 г. «Братья-мусульмане» (организация запрещена в России) отрицали возможность своей политической деятельности. Речь руководителя организации аль-Банна в 1939 г. в Каире на V съезде Ассоциации (организации) стала поворотным пунктом в истории «братьев». Именно тогда шейх Хасан ибн Ахмад аль-Банна изложил своё видение государственного и общественного устройства:

– «Братья-мусульмане – единственная партия, обладающая монополией как на власть в обществе, так и на истинную интерпретацию ислама;

– духовно-религиозная деятельность «братьев» призвана регламентировать все стороны жизнедеятельности общества: от государственного устройства до повышения производительности труда в сельхозпроизводстве. (Предлагалось ввести институт Халифа и представительного органа и т.д.);

– контролировать мораль граждан; изменять график работы служащих с тем, чтобы они могли отпраздновать религиозный культ; разделить обучение мальчиков и девочек; запретить книги, которые противоречат каноническим установкам, и проч.

Доктрина организации (ассоциации) «Братья-мусульмане» (запрещена в России) основывалась на следующих постулатах:

1. Ислам – уникальный и универсальный общественный порядок, определяющий все аспекты общественной жизни.

2. Мусульмане должны вернуться к вере благочестивых предков, свободной от влияния извне.

3. Все аспекты жизни деформированы западным влиянием. Поэтому они должны быть исламизированы. Следует воссоздать шариат.

4. Конечная цель – создание халифата во главе с халифом.

Идеология «братьев» должна была доказать всему миру преимущество ислама над ценностями западной цивилизации, принесшей народам Востока все пороки «развития» [10].

Ещё более радикальных взглядов в исламе придерживался идеолог ассоциации (организации) «Братья-мусульмане» (запрещена в России) С. Кутб, ранее известный литературный критик. Его перу принадлежит ряд экстремистской литературы, представляющей собой манифест экстремизма.

Основным моментом в трудах С. Кутба является его утверждение, что сегодняшний мир вернулся во времена невежества – «Джахилию». Это касается как западной цивилизации, так и мусульман, чьё падение ещё хуже, чем то, когда они проживали без Аллаха и Корана. Это положение вполне вписывается в идеи современных исламистов и ведёт к непримиримой борьбе с джахилией, т.е. со всем миром. Именно С. Кутб является основателем теории «ат-такфир» (обвинение в неверии) и «ва-ль хиджра» (уход от общества). Кутб предполагал создание группы истинно верующих и их временную изоляцию от грешного общества на первом этапе подготовки к захвату власти в стране (речь шла о Египте).

С. Кутб призывал применить насилие для восстановления раннеисламского общества, его норм и обрядов. Он полагал, что общество объективно должно жить по шариату и ответственность за реализацию этих планов лежит на «истинных» мусульманах. При этом цитировал из Корана: «“Истинные” – те, которые уверовали и творили добро. Мы не теряем награды тех, кто совершал добро» (Сура 18, Аль-Кафр (пещера), аят 30-й).

Кутб прямо призывал к захвату власти группой, явно предпочитая переворот революции. Кутбисты объявляли Коран и Сунну единственными источниками всех законов для людей.

«Может быть задан вопрос, – пишет С. Кутб в своей книге «Вехи на пути», – разве не благо человечества является критерием при решении реальных проблем? Но здесь мы опять поднимаем вопрос, который ставит сам ислам и на который сам же даёт ответ, т.е. “Кто знает лучше, вы или Аллах?” и “Аллах знает, а вы не знаете!”» [11, р. 41].

Панацею от всех бед мира С. Кутб видел в установлении «истинно исламской власти» – «хакимийи» (власть Всевышнего): «Недопустимо, чтобы люди сами определяли форму правления, законодательство и законы» [11, р. 100]. А для установления «хакимийи» предполагается применение насилия.

Взгляды С. Кутба характеризуются крайним радикализмом, на котором строится сегодня деятельность всех самых радикальных групп и организаций в исламе. Таких, например, как «Аль-Джихад аль-ислами», «Джамаат аль-джихад», «Ат-такфир ва-ль-хиджра», «ИГИЛ», и проч. (запрещенных в России).

По мнению С.М. Насардинова, в глазах радикалов от ислама «теория джихада исходит из того, что конфликт есть и будет правилом, по крайней мере до тех пор, пока мессия не придёт свидетельствовать о конце света. Лишь после свержения неугодных режимов и восстановления единства мусульман, как это было в золотую эпоху халифата, внутри уммы могут быть установлены мирные отношения» [12].

Экстремисты много внимания уделяют термину «джихад». Это и призыв вести праведную жизнь, борясь с собственными грехами, делать общество более справедливым, воспитывать нравственность и проч. Экстремисты же видят в нём иное: «Джихад – наступательная война... Ислам обязан атаковать джахилию независимо от того, угрожает она ему или нет» [13, с. 129–130].

Последователями крайнего экстремизма были Мухаммед ас-Салам Фарадж и Шукри Мустафа, которые вслед за своими духовными учителями (Теймийей, Абд аль-Ваххабом, аль-Банной и С. Кутбом) исповедовали те же радикальные идеи.

Несколько иного мнения придерживался мусульманский авторитет Абу Аля аль-Маудуди и его соратники (Насер ад-Дин аль-Албани, Мухаммед Р. Аль-Бути и др.). Они представляли умеренное крыло фундаменталистов, полагая, что создание исламского государства не должно строиться на применении насилия. Этот метод им казался малоэффективным и поспешным. Вместо него они ратовали за открытую и широкую пропаганду, «обращённую к умам и сердцам людей» и ссылались при этом на хадис пророка, в котором говорится, что вооружённые мятежи относятся к категории новшеств: «Берегитесь новшеств в делах ваших, ибо каждое новшество есть нововведение, а любое нововведение есть заблуждение. Любое же заблуждение ведёт в огонь» [14].

Если суммировать всё сказанное выше, то можно прийти к следующим выводам, которые характеризуют основные черты современного исламского экстремизма:

- все существующие сегодня сообщества людей – неверные и безбожники;
- отвергаются все высказывания имамов (находящихся в традиционном исламе), а также мусульманского права «Иджма» (вынесение согласованного мнения крупнейшими знатоками фикха, т.е. мусульманского права) и «кьяс» (суждение по аналогии);
- отвергается всё, что относится исламистами к новшествам и ереси, т.е. всё то, что находится вне рамок ниспосланного Аллахом;
- тот, кто не согласен с определёнными поступками экстремистов (насилием) – становится неверным и подлежит расправе.

Список источников

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. С. 603.
2. Фурсов А.И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты. М.: Книжный мир, 2017. 463 с.
3. Вавилов А.И. США и Большой Ближний Восток. Время Б. Обамы. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2013. 322 с.
4. Идеология исламского экстремизма. Теория джихада. Политологический анализ современного экстремистского движения в Египте. URL: https://studbooks.net/577818/politologiya/ideologiya_islamskogo_ekstremizma_teoriya_dzhihad?ysclid=17z1r07ehz756646461 (дата обращения: 11.01.2022).
5. Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука, 1990. 167 с.
6. Аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах. М.: Наука, 1984. 270 с.
7. Коран. Каир, 1923. 507 с. (на араб. языке).
8. Дахлян Зейни. Заблуждение ваххабитов. Киев: Аль-Иршад, 1998. 23 с.
9. Тамим А. Ислам против экстремизма и насилия // Мусульмане. 2000. № 1 (4). С. 28–29.
10. URL: https://superinf.ru/view_heipstud.php?ld=2219 (дата обращения: 23.01.2022).
11. Qutb S. Milestones on the Road. New Delhi, 1981. 159 p.
12. Насардинов С. Наступление фундаментализма // НГ-Религии. 2001. 31 янв.
13. Коровиков А.В. Сейид Кутб – идеолог исламского экстремизма // Религии мира. История и современность. 1986. М.: Наука, 1987. С. 129–130.
14. Абу Дауд. Суанан. Хадис № 4607. Т. 4. С. 281.

References

1. Huntington S. *Clash of civilizations*. Transl. from English by T. Velimeev, Yu. Novikov. Moscow: AST Publ.; 2003:603. (In Russ.).
2. Fursov A.I. *World wrestling. Anglo-Saxons against the planet*. Moscow: Knizhnyi mir Publ.; 2017. 463 p. (In Russ.).
3. Vavilov A.I. *USA and the Greater Middle East. Time of B. Obama*. Khanty-Mansiysk: Novosti Ugry Publ.; 2013. 322 p. (In Russ.).
4. *Ideology of Islamic extremism. Jihad theory. Political science analysis of the modern extremist movement in Egypt*. Available from: https://studbooks.net/577818/politologiya/ideologiya_islamskogo_ekstremizma_teoriya_dzhihad?ysclid=17z1r07ehz756646461 [Accessed 11th January 2022]. (In Russ.).
5. Korovikov A.V. *Islamic extremism in Arab countries*. Moscow: Nauka Publ.; 1990. 167 p. (In Russ.).
6. Ash-Shahrastani. *A book about religions and sects*. Moscow: Nauka Publ.; 1984. 270 p. (In Russ.).
7. *Koran*. Cairo, 1923. 507 p. (In Arabic).
8. Dahlyan Zeyni. *Wahhabis delusion*. Kiev: Al-Irshad Publ.; 1998. 23 p. (in Russ.).
9. Tamim A. Islam against extremism and violence. *Musulmane = Muslims*. 2000;(1):28-29. (In Russ.).
10. Available from: https://superinf.ru/view_heipstud.php?ld=2219 [Accessed 23rd January 2022]. (In Russ.).
11. Qutb S. *Milestones on the Road*. New Delhi, 1981. 159 p.
12. Nasardinov S. The attack of fundamentalism. *NG-Religii = NG-Religions*. 2001. Jan. 31. (In Russ.).

13. Korovikov A.V. Seyid Qutb - the ideologist of Islamic extremism. *Religions of the world. History and modernity*. 1986. Moscow: Nuka Publ.; 1987:129-130. (In Russ.).

14. Abu Dawud. *Sunan*. Hadith No. 4607. Vol. 4:281. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Н. Попенков – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры ближневосточных языков.

С. И. Буркут – преподаватель кафедры ближневосточных языков.

Information about the authors

O.N. Popenkov – Candidate of Science (History), Senior Lecturer of the Department of Middle Eastern Languages.

S.I. Burkut – Lecturer of the Department of Middle Eastern Languages.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 04.09.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 28.07.2022; approved after reviewing 04.09.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Научная статья

УДК 930.1

doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-75-84

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НА ДОНУ В 1920-е ГОДЫ

Олег Валентинович Щекатунов^{1✉}, Константин Германович Малыхин²

^{1, 2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ shekatunov@sfnu.ru ✉, [https:// orcid.org/0000-0001-6633-6082](https://orcid.org/0000-0001-6633-6082)

² malikhin@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9932-7051>

Аннотация. Рассматриваются проблемы большевистской модернизации России в контексте состояния индустриального кадрового потенциала на Дону в 20-е гг. XX в. Анализируются состояние промышленности и индустриальный кадровый потенциал. Особое внимание уделено рабочим факультетам, которые стали одной из ключевых мер по преодолению кадрового кризиса 1920-х гг. Новизна исследования в том, что в современной отечественной историографии отсутствуют модернизационные исследования по проблематике индустриальных кадров, в том числе по теме первичной подготовки их на Дону. В качестве источниковой базы приводятся материалы государственных архивов, периодической печати, нормативно-правовые акты и литература.

Ключевые слова: большевистская модернизация, кадровый потенциал, индустрия, промышленность, промышленные кадры, рабочие, индустриализация

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90004 от 01.10.2020 г. (номер внутренней регистрации РФФИ/20-71-ИС).

Для цитирования: Щекатунов О.В., Малыхин К.Г. Большевистская модернизация России и индустриальный кадровый потенциал на Дону в 1920-е годы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 75–84.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

BOLSHEVIK MODERNIZATION OF RUSSIA AND INDUSTRIAL PERSONNEL POTENTIAL IN THE DON REGION IN THE 20s

Oleg V. Schekatunov^{1✉}, Konstantin G. Malikhin²

^{1, 2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ shekatunov@sfnu.ru ✉, [https:// orcid.org/0000-0001-6633-6082](https://orcid.org/0000-0001-6633-6082)

² malikhin@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9932-7051>

Abstract. The article is devoted to the problems of the Bolshevik modernization of Russia in the context of the state of industrial personnel potential on the Don in the 20s of the 20th century. The article analyzes the industrial personnel potential on the Don in the 1920s. On the example of the Don region, the state of industry and the position of industrial personnel in this period are assessed. The ways of overcoming the personnel crisis of the 1920s are considered. Particular attention is paid to working faculties. The position is substantiated that workers faculties became one of the key measures to overcome the personnel crisis of the 1920s. The novelty of the study is due to the fact that in modern domestic historiography there are no modernization studies on the problems of industrial personnel. There are no studies on the topic of primary training of industrial personnel on the Don. As a source base for the study, materials from state archives, periodicals, legal acts and literature are given.

Keywords: Bolshevik modernization, personnel potential, industry, industry, industrial personnel, workers, industrialization

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-39-90004 at 1st October 2020 (internal registration number RFBR/20-71-IS).

For citation: Schekatunov O.V., Malikhin K.G. Bolshevik Modernization of Russia and Industrial Personnel Potential in the Don Region in the 20s. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):75-84. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

«Россия во мгле». Кадровый голод начала 1920-х годов как ключевая проблема большевистской модернизации

Обескровленная войнами, голодом и террором Россия к 1920 г. была фактически отброшена к состоянию доиндустриального общества. Промышленные предприятия приходили в негодность, критически не хватало сырья, топлива, квалифицированных инженеров, специалистов, простых рабочих. Шахты оказались затоплены или взорваны при отступлении армий [1, с. 49], многие электростанции перестали функционировать, а инфраструктура на Дону и во многих регионах страны была практически уничтожена.

По мере нарастания продовольственного кризиса рабочие промышленных предприятий, особенно те, у кого сохранялась связь с деревней, начинают покидать города. К 1921 г. повсеместно хозяйственные органы, профсоюзные организации сообщали о невозможности продолжения работы. Раздетые и разутые люди физически не могли выходить на работу, отмечались случаи голодных обмороков за станками. Отовсюду поступали сообщения о снижении производительности труда, падении трудовой дисциплины, пассивности и унынии среди рабочих и массовом выходе из состава профсоюзов [2, с. 43].

Страна столкнулась с дезурбанизацией. Народ потянулся в деревню, спасаясь от голодной смерти. Интеллигенция погибла либо эмигрировала. Городское население резко сократилось, особенно в крупнейших индустриально развитых городах страны, в которых последствия деиндустриализации ощущались наиболее остро. Так, население Москвы уменьшилось почти вдвое по сравнению с 1917 г. [3, с. 89], а Петрограда – более чем в три раза [4, с. 16–17].

За годы Гражданской войны значительная часть политической, финансово-промышленной и научно-художественной элиты вместе со своими семьями была вынуждена эмигрировать из России. Большевики оказались поставлены перед фактом кадрового голода в гигантской аграрной стране. Эта проблема станет одной из ключевых как в деле восстановления утраченного экономического потенциала к довоенному уровню, так и в дальнейшей тотальной модернизации промышленности в годы первых пятилеток.

Как отмечалось в донских экономических сводках начала 20-х гг.: в сложившихся тяжелейших условиях особое значение приобрела квалифицированная рабочая сила, «потому что истрепанное промышленное оборудование предприятий требует от работников значительно больших, чем раньше, профессиональных навыков, чтобы с наличными ресурсами воссоздать все заново» [5, с. 13].

В 1920 г. Россию посетил известный английский писатель Г.Дж. Уэллс. Воспоминания об этом визите он оставил в своем документальном произведении «Россия во мгле». В нем помимо ужасающего описания разоренных русских городов с трупами в канавах, голодными жителями, ходящими по улицам в обносках, а кроме того, и описания своих впечатлений от общения с коммунистами (в том числе и с В.И. Лениным) писатель отметил социально-экономические перспективы России, сделав интересное замечание: «Сейчас Россия нуждается в техниках и хозяйственниках даже острее чем в медикаментах и продовольствии» [6, с. 79].

Эти слова обретают смысл в контексте планирования предстоящей «коммунистической стройки», ключевой вехой которой был объявлен обсуждаемый на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. план по масштабной электрификации всей страны (ГОЭЛРО). При его осуществлении кадровый голод стал бы для большевиков непреодолимой преградой, по-

сколькo требовал множество инженерно-технических кадров, в том числе специалистов высочайшей квалификации, которых к тому моменту в стране просто не хватало.

В основе плана ГОЭЛРО лежала идея полного обновления производительных сил. С этой целью предусматривалось создание сети электростанций разной мощности, связанных в единую энергетическую сеть, которая должна была не только насытить фабрики и заводы электроэнергией, но и обеспечить возможность модернизации устаревшей довоенной технической базы промышленности.

Осуществление столь масштабного технологического проекта казалось совершенно невыполнимым в условиях разоренной войнами и голодом страны. Г. Уэллс скептически оценивал замысел Ленина: «Можно ли вообразить более отважный план в этой стране лесистых равнин, населенной безграмотными крестьянами, в стране, где нет ни водных энергетических ресурсов, ни квалифицированных специалистов, где угасает торговля и промышленность?» [6, с. 105]. Писатель недоумевал, как лидер большевиков рассчитывал сделать то, что на тот момент с трудом делали в индустриально развитых центрах Европы вроде Англии или Голландии.

Однако посетив Россию спустя 14 лет, в 1934 г., он признает напрасность своих опасений: «Первая пятилетка несомненно удалась ... А практически уровень жизни населения по сравнению с 1920 годом неизмеримо поднялся. ... Ленин, хотя и посмертно, сдержал свое обещание об электрификации» [6, с. 12].

План ГОЭЛРО должен был стать первым шагом в направлении новой, советской, модернизации. Для большевиков она имела особое значение. Несмотря на то, что сам термин «модернизация» большевиками не использовался, процесс построения социализма как общества, основанного на технологическом базисе индустриальной экономики, фактически и является модернизацией. И она началась с плана ГОЭЛРО и с проблемы кадрового голода.

Состояние промышленности и кадровый голод на Дону к началу 20-х гг.

В региональном срезе драматизм сложившейся социально-экономической ситуации начала 20-х гг. обнаруживается по мере утверждения и организации власти большевиков на местах. На Дону советская власть установилась в начале 1920 г. В феврале белогвардейские войска Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) оставляют Ростов-на-Дону и большевики окончательно занимают Донской край. Местная промышленность к этому моменту пребывает в катастрофическом состоянии. Металлообрабатывающие предприятия закрывались ввиду отсутствия на них сырья, топлива и рабочих рук: «почти все металлургические заводы ныне совершенно стоят...» [7, л. 30]; электроснабжение, питавшее заводы, государственные учреждения и жилые дома, практически отсутствовало; многие угольные шахты, обеспечивавшие топливом промышленность и игравшие важную роль в экономической жизни региона, были закрыты, разрушены либо затоплены.

Согласно докладом из протоколов заседаний горно-металлургической секции Промбюро ВСНХ по Юго-Востоку, к июню 1920 г. отмечалось «крайне медленное возрождение топливной промышленности», которое не позволяло в ближайшем будущем восстановить производство на металлургических предприятиях в объемах, способных удовлетворить хотя бы минимальные потребности индустрии Дона и Юго-Востока, не говоря уже о поставках в центральные и северные регионы страны [7, л. 33 об.]. «Донецкий бассейн побывал в руках Деникина, который настолько разрушил шахты перед уходом, что они до сих пор не могут начать работу» [1, с. 49].

Ситуацию усугубляло состояние транспортной инфраструктуры, из-за чего не было возможности быстро перебрасывать имевшиеся запасы сырья и топлива от места к месту. Не хватало ни транспорта, ни топлива, ни водителей [7, л. 33].

При этом запасы сырья, имевшегося на донских металлургических заводах [7, л. 9], не использовались из-за нехватки кадров, особенно квалифицированных специалистов. Так, смерть инженера, заведовавшего литьем в Ростовских железнодорожных мастерских, серьезно замедлила работу предприятия. На замену прийти было некому. Часть сталеваров и других рабочих покинули предприятие. В итоге завод фактически прекратил выпуск сталелитейной продукции

[7, л. 8], а вопрос о поиске нового инженера и рабочих в окрестных населенных пунктах был поставлен непосредственно перед краевым Промбюро.

Донские металлургические предприятия страдали не только от дефицита специалистов высшей квалификации, но и от нехватки рядовых рабочих. По сведениям донского утильотдела, по этой причине даже простая утилизация старого лома проходила в «крайне медленном» темпе [7, л. 13].

В легких отраслях промышленности дела обстояли не лучше. В условиях продолжавшейся войны стратегически важную роль играла кожевенная индустрия, выпускавшая обувь для красноармейцев. Однако и она столкнулась с рядом серьезных кадровых проблем: «Обеспеченность кожевенной промышленности в ее исходном положении по отдельным моментам была резко различна: в то время как запасы сырья, имевшиеся в крае и на заводах, создавали в полной мере благоприятную обстановку для кожевенных заводов, – положение с квалифицированной рабочей силой, как правило пришлой, а не местной, было значительно хуже» [8, л. 4 об.].

Проблема заключалась в том, что масса рабочих, выходцев из сельской местности, не обладала должным уровнем квалификации и социальной ответственности. Внутрипроизводственное пьянство, хищения и хулиганство – широко распространенные социальные болезни 1920-х гг., вызванные низким уровнем жизни, отсутствием недвижимой собственности, разрывом отношений с общиной, но с сохранившимися при этом общинными представлениями, малоприменимыми в условиях индустриальной городской среды.

Любопытную ситуацию можно наблюдать и позже. Так, в 1927 г. на одном из крупнейших на Юге России кожевенных Таганрогском кожевенном заводе, выполнявшем государственные заказы по производству обуви для красноармейцев, был отмечен высокий процент брака выпускаемой продукции. В секретной переписке ВСНХ пояснил руководству «Севкавказкомбината», что брак товара был вызван «причинами производственного характера... небрежностью... и неаккуратностью» при изготовлении, серьезным нарушением технологии производства [9, л. 36]. Производственный брак, по всей видимости, мог быть вызван как слабой технической базой предприятия, восстановленной за годы НЭПа на практически кустарной основе, так и являться следствием непрофессионализма и безответственности рабочих и специалистов, что, впрочем, не противоречит и первому факту.

Однако в большинстве докладов на местных партконференциях, которые затрагивают проблемы донской индустрии, утверждалось, что в начале 20-х гг. промышленность существовала в условиях острого кадрового кризиса: «Масса квалифицированного пролетариата истреблена, другая ушла в советские учреждения, третья расплылась среди деревенского населения» [10, л. 37]. Многие кадровые проблемы были общими для всей донской, южнороссийской (и по большей части российской) индустрии в целом. В связи с нехваткой квалифицированных технических специалистов и рабочих страдали не только предприятия тяжелых отраслей промышленности, но и легких. Было совершенно ясно, что если советская власть рассчитывает осуществить модернизацию в России, то скорейшее решение кадрового вопроса должно стать ключевой задачей ее политики. Необходимо как можно скорее устранить кадровый голод, начать организацию системного массового обучения квалифицированных кадров.

Попытки выхода из кадрового кризиса на Дону в 20-е гг. XX в. От трудов армий до рабфаков

В марте 1920 г. большевиками проводится первая партийная конференция Донской области, на которой было заявлено: «Необходимо мобилизовать все население для труда, нужно извлечь и поставить к станку отовсюду, из армии, из расплывшихся по деревням, из советских учреждений и главных образом из рядов спекуляции всех квалифицированных рабочих. Кроме того, нужно использовать армии, освободившиеся в результате своих побед, в смысле привлечения их к производительному труду, сохраняя при этом военную организацию и дисциплину» [10, л. 49].

В число пунктов резолюции, принятой на конференции, входило: в связи с улучшившимся военным положением необходимо срочно направить основные силы пролетариата на восстановление ключевых отраслей промышленности; перевести Красную армию на положение тру-

довой для выполнения хозяйственных работ, не требовавших применения квалифицированной рабочей силы; и, наконец, изъять из армии квалифицированные рабочие кадры и отправить их на производство [10, л. 23].

Более полную практическую реализацию эти планы стали получать после создания в мае 1920 г. Промышленно-экономического бюро Юго-Востока России (Промбюро) – административного органа, целью которого являлось восстановление и развитие промышленности на Юге России (в том числе на Дону) и на Кавказе [11, с. 19]. Его основная задача заключалась в проведении единой экономической политики на Юге России в соответствии с политическим курсом большевиков. На момент 1920 г. это означало применение жестких административно-принудительных методов «военного коммунизма». Как следствие, расцветает милитаризированный труд, организуются «трудовые армии», квалифицированных рабочих и инженеров принудительно «перемещают» с одного предприятия на другое, увольнение с предприятий запрещается, а за «трудовое дезертирство» полагается уголовная ответственность [2, с. 53].

К тому моменту на территории России уже было организовано несколько трудовых армий. То были фактически военные формирования Красной армии, использовавшиеся для ремонтных и восстановительных работ в промышленности и на объектах инфраструктуры (ремонт железных дорог, восстановление предприятий, организация добычи и транспортировки угля, продразверстка и т.д.). На Дону в разное время с 1920 по 1921 г. действовало несколько таких армий: Украинская (и позже отделившаяся от нее Донецкая), Кавказская и 2-я Особая железнодорожная, которая летом 1920 г. принимала активное участие в борьбе с белогвардейским отрядом полковника Назарова [12, с. 70–81].

По замыслу большевиков применение трудовых армий являлось попыткой, с одной стороны, перевести многочисленные военные формирования красноармейцев на производительную хозяйственную работу, не лишая их при этом боеготовности в условиях продолжавшейся Гражданской войны; с другой – вернуть квалифицированных рабочих и инженеров, служивших в рядах Красной армии, к производственной деятельности, а также уравнять рабочих и красноармейцев в продовольственном отношении [10, л. 38].

Несмотря на то что принудительные трудовые мобилизации на тот момент стали основной формой привлечения кадров в индустрию, большевики осознавали, что без системной подготовки, без обучения и воспитания новых квалифицированных кадров, лояльных новой власти, ни о каком социалистическом строительстве не могло быть и речи. Трудовые армии были временным феноменом, никак не решавшим основные кадровые вопросы, проблему пополнения индустрии новыми квалифицированными рабочими и специалистами, не создававшим благоприятных условий для жизни и труда людей. После Кронштадтских событий весны 1921 г. и с переходом к НЭПу трудармии начинают демобилизовывать либо переводить в иные организационные формы, но как «специфический вид рабочей силы» их ликвидировали [13, с. 166].

В вопросе формирования нового кадрового потенциала старая имперская интеллигенция не могла в полной мере стать опорой большевистскому режиму, во-первых, по причине ее относительной малочисленности, во-вторых, в связи с тем, что большая часть дореволюционной интеллигенции не разделяла коммунистических, эгалитарных взглядов большевиков и в большей степени симпатизировала белому движению. Это приводило к так называемому «спецедействию» – враждебному отношению к беспартийным, дореволюционным и иностранным специалистам. Спецедействие, поддерживаемое «сверху», нередко заканчивалось репрессиями. Ярким тому примером являлось фактически инсценированное «Шахтинское дело», в результате которого было осуждено, с различными мерами наказания от расстрелов до тюремных сроков, более 50 квалифицированных специалистов. Как следствие, подобные спецедейские акты приводили к запугиванию, «вытравливанию» и сокращению числа кадров «старой школы», к ослаблению и без того обессиленного кадрового потенциала страны.

Большевики в силу своей идеологической убежденности никогда особо не стремились «угодить» человеку «старой формации», они желали воспитать «нового человека», всецело разделяющего ценности марксистско-ленинской идеологии, беспрекословно преданного новой власти и отдающего всего себя без остатка на благо нового общества. М. Горький признавал, что люди для большевиков значат не более чем «для металлиста руда» [14, с. 151].

Для проведения «опыта» по созданию нового человека, они взяли в качестве «живой материи» широкие массы из непривилегированной прослойки русского общества – рабочих и крестьян. Крестьяне составляли большинство населения России и являлись наиболее «проблемной» для целей модернизации частью этого населения. Они представляли самый традиционный сегмент русского общества, консервативный, религиозный, крайне далекий от модернистского миропонимания большевиков. При этом большинство крестьян были неграмотными, что осложняло их подготовку как потенциальных технических специалистов. Пролетариат, напротив, считался большевиками прогрессивным, революционным классом, но малочисленным относительно крестьянства, и в большинстве своем рабочие так же были неграмотными либо полуграмотными.

Главным препятствием для формирования новой интеллигенции в Советской России являлся низкий образовательный уровень широких масс населения, не позволявший им получить высшее образование. В связи с этим фактом Народным комиссариатом просвещения в 1919 г. принимается постановление [15, с. 643–645], согласно которому на территории РСФСР должна быть организована система общеобразовательных учебных заведений при вузах, т. е. рабочие факультеты, или рабфаки. Их задачей являлась подготовка рабочей и крестьянской молодежи, не имевшей среднего образования, для поступления в вузы и техникумы. В постановлении утверждалось, что препятствием к поступлению рабочих и крестьян в вузы прежде всего является «недостаточная подготовленность пролетарских масс к занятиям в стенах высшей школы, особенно по предметам точного знания (математика, физика, химия и др.)» [15, с. 643], что подчеркивает преимущественно технический характер этих учебных заведений и необходимость подготовки в первую очередь будущих индустриальных кадров.

Рабочие факультеты должны были в кратчайшие сроки подготавливать молодежь к поступлению в вузы, став таким образом социальным лифтом для формирования новой технической интеллигенции: «Двумя основными задачами Рабочих Факультетов является широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы и коренное перерождение высшей школы в полном соответствии с потребностями пролетарского государства» [16, л. 3].

Структура рабфаков включала в себя подготовительную ступень обучения (одногодичные или двухгодичные курсы с распределением слушателей по группам) и университетские отделения длительностью общего курса в два года (позже курс был увеличен до 3 лет на дневном отделении и до 4 на вечернем). На подготовительные курсы принимались выходцы из рабочей-крестьянской среды от 16 лет, умеющие читать, писать и обладающие минимальными знаниями арифметики (вычислительные операции – сложение, вычитание, умножение, деление). Программа подготовительных курсов при каждом рабочем факультете адаптировалась к программе конкретного вуза [16, л. 1 об.].

Университетские отделения рабфаков (общественно-экономическое, физико-математическое и естественное) принимали всё тех же лиц, но свободно владеющих устной, письменной речью и имеющих базовые знания в области арифметики и геометрии. Крестьяне и рабочие принимались на рабфаки по командировкам от предприятий, профсоюзов и партийных органов. Обучение на них приравнивалось к работе на производстве и обеспечивалось государственными стипендиями.

На Дону рабочие факультеты появляются при вузах Ростова, Новочеркаска и Таганрога с 1920 г. Сначала у рабфаков не было своего профессорско-преподавательского состава и обучение вели те же самые люди, что и на других факультетах вуза. Однако со временем на рабфаках складывается собственный преподавательский состав. С 1922 г. начинается идеологическое давление на преподавателей непролетарского происхождения и беспартийных. Создаются специальные комиссии, которые проводят «чистки» от «нежелательных элементов» в преподавательском составе, формируются списки с характеристикой каждого преподавателя рабфака [17, л. 19].

Судя по спискам Ростовского рабфака, во-первых, явное предпочтение отдается в пользу преподавателей пролетарского происхождения: «Работа его была не достаточно продуктивной... но так как он пролетарского происхождения, то Рабфаку представляется целесообразным и интересным, оставив его на работе...» [17, л. 13]; во-вторых, «рубил», как правило, препода-

вателей гуманитарных дисциплин, поскольку те чаще имели взгляды, шедшие вразрез с политикой партии, а их мировоззрение чаще расходилось с принципами диалектического материализма. К преподавателям технических дисциплин относились менее строго в связи с их большей потребностью.

В 20-е гг. большевики активно пропагандировали бригадно-лабораторный метод обучения, который, как считалось, рано или поздно заменит традиционный классно-урочный метод. Новый метод активно применялся на донских рабфаках. Предполагалось, что он поможет студентам развить навыки самостоятельной и исследовательской работы, научит работать в коллективе, говорить и критически мыслить. На практике метод имел серьезный минус – вся работа выполнялась наиболее способными студентами, в то время как знания и навыки менее способных студентов никак не развивались. Отмечались и другие минусы на примере Ростовского рабфака: недостаток удобных помещений и оборудования, перегруженность групп студентами, нехватка времени на изучение учебного материала, поверхностное овладение техническими навыками и умениями и т.д. [18, л. 42].

К 1925 г. выпускники рабфаков составляли уже почти половину принятых в вузы студентов [19, с. 104]. Это позволяет говорить о том, что рабочие факультеты так или иначе играли значительную роль в подготовке будущих кадров и формировании новой, советской интеллигенции. Рабфаки просуществуют в России вплоть до середины 30-х гг., пока им на смену не придет советская средняя школа.

Помимо рабфаков базовой подготовкой квалифицированных рабочих кадров занимались школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). На Дону они функционировали при крупных донских промышленных предприятиях, таких как Сельмаш и Красный Аксай. Однако свою роль в подготовке индустриальных кадров они сыграют в большей степени уже в 30-е гг., что связано с форсированной индустриализацией первых пятилеток, ростом числа реконструированных старых и построенных новых крупных промышленных предприятий, имевших инфраструктуру и уровень организации, достаточный для открытия учебных классов и содержания педагогического персонала. Ученики ФЗУ только к 1932 г. составят четверть от всех промышленных рабочих в промышленности страны [20, л. 56]. Нюанс также состоял в том, что такие школы в отличие от рабфаков брали на обучение подростков, преимущественно детей рабочих 15–16 лет, но не взрослых молодых людей.

Кроме того, наряду с рабфаками и школами ФЗУ действовали вечерние школы рабочей молодежи. В Ростове-на-Дону на момент 1928 г. насчитывалось всего 5 таких школ. Их роль на фоне общей базовой подготовки индустриальных кадров 20-х гг. незначительна. Во-первых, вечерние школы не давали профессионального образования, включая производственную практику, которая была необходима квалифицированным рабочим. Такую практику давали именно рабфаки и ФЗУ. Во-вторых, согласно материалам местной периодической печати, вечерние рабочие школы страдали от недобора. Отмечались «утечки» учащихся в количестве 30–40 % от общего числа набора. Отмечалось, что основными причинами низкой посещаемости была «перегрузка учащихся работой и ночные смены» [21, с. 5].

Заключение

Подводя итог, необходимо еще раз отметить тот факт, что к началу 20-х гг. XX в. Россия пережила социально-экономическую катастрофу. Разрушенная промышленность, кадровый голод и дезурбанизация в условиях растущей неграмотности населения вследствие Гражданской войны требовали от власти решительных действий.

Согласно материалам ВСНХ, состояние промышленности на Дону к 1920 г. оценивалось как катастрофическое. Вплоть до 1921 г. большевики в рамках политики военного коммунизма поддерживали индустриальный кадровый потенциал за счет принудительных трудовых мобилизаций и использования милитаризованного труда, в том числе и в промышленном производстве. Однако эти меры не могли качественно решить проблему восполнения индустриальных кадров. Требовалась организация отлаженной системы подготовки квалифицированных рабочих и специалистов.

В этих целях начиная с 1920 г. по всей стране при вузах создаются рабочие факультеты. Их цель – решить две серьезные задачи советского правительства: во-первых, обеспечить индустриальный кадровый потенциал страны квалифицированными рабочими, получившими базовую теоретическую и профессионально-техническую подготовку; во-вторых, подготовить этих рабочих к поступлению в вузы. Как показывают архивные материалы, донские рабфаки сразу же стали центром притяжения рабоче-крестьянской молодежи, поскольку являлись мощным социальным лифтом, оказавшим существенное влияние на формирование социальной прослойки новой, советской интеллигенции, составив к середине 1920-х гг. примерно половину от всех принятых в вузы студентов.

Рабочие факультеты показали свою эффективность преимущественно в 1920-е гг., когда требовалась ускоренная подготовка индустриальных кадров в сжатые сроки. Это сказывалось на качестве обучения. Слабое усвоение студентами учебных программ, «рецидивы неграмотности» на старших курсах вкупе с подчас спорными методиками обучения (бригадно-лабораторный метод), а также имевшей место дискриминацией по социально-классовому признаку в отношении как студентов, так и преподавателей демонстрировали весьма противоречивую картину. Несмотря на серьезное влияние рабфаков на формирование индустриального кадрового потенциала в 1920-е гг., кадровая ситуация в промышленности оказалась патовой.

Относительная кадровая укомплектованность предприятий донской индустрии к середине 20-х гг. не гарантировала высокий уровень квалификации рабочих и специалистов. Низкое качество выпускаемой продукции, высокий процент брака, поломка фабрично-заводского оборудования, производственный травматизм и социальные болезни – все это результат ускоренной подготовки кадров.

Важно отметить, что амбиции большевиков не ограничивались восстановлением экономики страны. Планировалось построение нового, прогрессивного социалистического общества, основанного на технологическом базисе индустриальной экономики, а вместе с этим воспитание нового, советского человека, совершенно лояльного партии и идеологически заряженного на трудовые подвиги. На этом фоне Россия в 1920–1930-е гг. переживает не только социально-экономическую катастрофу, но и геополитическую. Потеря значительной части территории бывшей Российской империи, утрата позиций на международной арене, экономическая и технологическая отсталость от стран Запада придавали планам большевиков гротескный вид.

Однако, как и во времена Российской империи, теперь уже Советская Россия пошла по пути прежде всего военно-индустриальной модернизации. Это означало проведение форсированной индустриализации с обновлением технической базы тяжелых отраслей промышленности и акцент на военно-промышленном секторе. Несмотря на активизацию этих мер к концу 1920-х – 1930-е гг., основы модернизации закладывались именно в годы НЭПа.

К концу 20-х гг. на Дону была завершена реконструкция разрушенной тяжелой индустрии [22, с. 6], практически с нуля сформирована новая прослойка индустриальных рабочих и специалистов. Ускоренная подготовка кадров, в частности на рабфаках, имела ряд серьезных минусов, но необходимо признать, что без этого ни о скором восстановлении промышленности, ни о скорой модернизации страны не могло быть и речи. И тогда, вероятно, не имея современного военно-промышленного комплекса, Россия могла бы оказаться в куда более сложных политических реалиях, чем те, которые сложились после Гражданской войны...

Список источников

1. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 123 с.
2. Данихно С.Н. Промышленные рабочие Юго-Востока России в годы НЭПа : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2009. 229 с.
3. Денисенко М. Б., Степанова А.В. Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестн. Московского ун-та. Серия 6: Экономика. 2013. № 3. С. 88–97.
4. Санкт-Петербург. 1703–2003 : юбил. стат. сб. / под ред. И.И. Елисеевой, Е.И. Грибовой. Вып. 2. СПб.: Судостроение, 2003. 229 с.
5. Донская экономическая жизнь. Ростов н/Д., 1920. № 5.

6. Уэллс Г. Россия во мгле / пер. В. Хинкиса; предисл. И. Майского. М.: Прогресс, 1970. 223 с.
7. ГАРО. Ф. Р-1019. Оп. 1. Д. 119.
8. ГАРО. Ф. Р-1019. Оп. 1. Д. 141.
9. ГАРО. Ф. Р-1019. Оп. 1. Д. 1820.
10. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
11. Отчет о деятельности Промбюро Юго-Востока за 1920 г. Ростов н/Д.: 20-е отд. Донполиграф. отд., 1921. 79 с.
12. Цысь В.В. Военно-политическая работа трудовых армий в 1920 году // Вестн. Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та. 2011. № 1. С. 70–81.
13. Цысь В.В. Трудовые армии периода Гражданской войны : в 2 ч. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 2009.
14. Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. Рассказы. М.: Современник, 1991. 126 с.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР М., 1943. С. 643–645. URL: <http://istmat.info/node/38480> (дата обращения: 10.05.2021).
16. ГАРО. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 4.
17. ГАРО. Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 19.
18. ГАРО. Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 35.
19. Селютин В.Н. Формирование системы высшего образования в СССР в 1920–1930 годы // Развитие системы высшего образования в сфере культуры: научный и образовательный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Орел, 26–27 марта 2015 г. / гл. ред. Н.А. Паршиков; науч. ред. и сост. И.А. Ивашова. Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2015. С. 103–107.
20. ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 496.
21. Молот. 1928. № 1946. 26 янв.
22. Чернопицкий П.Г. На великом переломе. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1965.

References

1. Russell B. *The practice and theory of Bolshevism*. Moscow: Nauka Publ.; 1991. 123 p. (In Russ.).
2. Danikhno S.N. *Industrial workers of the South-East of Russia during the years of the NEP*. Dissertation. Rostov-on-Don, 2009. 229 p. (In Russ.).
3. Denisenko M.B., Stepanova A.V. Population dynamics in Moscow over 140 years. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Seriya 6: Ekonomika = Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*. 2013;(3):88-97. (In Russ.).
4. Eliseeva I.I., Gribova E.I., eds. *St. Petersburg. 1703-2003*. Jubilee Statistical Collection. Issue 2. Saint Petersburg: Sudostroenie Publ.; 2003. 229 p. (In Russ.).
5. *Don Economic Life*. Rostov-on-Don, 1920;(5). (In Russ.).
6. Wells G. *Russia in the dark*. Transl. by V. Hinkis; foreword by I. Maisky. Moscow: Progress Publ.; 1970. 223 p. (In Russ.).
7. *State Archive Rostov Region (SARR)*. Fund R-1019. In. 1. File 119. (In Russ.).
8. *SARR*. Fund R-1019. In. 1. File 141. (In Russ.).
9. *SARR*. Fund R-1019. In. 1. File 1820. (In Russ.).
10. *CDSRRR*. Fund 4. In. 1. File 3. (In Russ.).
11. *Report on the activities of the Industrial Bureau of the South-East for 1920*. Rostov-on-Don: 20th Department of the Donpoligraphic Department; 1921. 79 p. (In Russ.).
12. Tsys' V.V. Military-political work of labor armies in 1920. *Vestn. Nizhnevartovskogo gos. humanitar-nogo un-ta = Bulletin of Nizhnevartovsk State Humanitarian University*. 2011;(1):70-81. (In Russ.).
13. Tsys' V.V. *Labor armies of the period of the Civil War*. In 2 parts. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State Humanitarian University Press; 2009. (In Russ.).
14. Gorky M. *Untimely Thoughts: Notes on Revolution and Culture*. Stories. Moscow: Sovremennik Publ.; 1991. 126 p. (In Russ.).
15. *Collection of legalizations and orders of the government for 1919. Administration of the Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR* Moscow, 1943:643-645. Available from: <http://istmat.info/node/38480> [Accessed 10th May 2021]. (In Russ.).

16. SARR. Fund R-100. In. 1. File 4. (In Russ.).
17. SARR. Fund R-59. In. 2. File 19. (In Russ.).
18. SARR. Fund R-59. In. 2. File 35. (In Russ.).
19. Selyutin V.N. Formation of the system of higher education in the USSR in 1920-1930. *Development of the system of higher education in the sphere of culture: scientific and educational experience*. Proceedings of the Intern. Scientific-practical Conference. Orel, March 26-27, 2015. Ch. ed. N.A. Parshikov; scientific ed. and comp. I.A. Ivashov. Orel: Orel State Institute of Arts and Culture Press; 2015:103-107. (In Russ.).
20. SARR. Fund 5515. In. 17. File 496. (In Russ.).
21. *Molot = Hammer*. 1928;(1946). January 26. (In Russ.).
22. Chernopitsky P.G. *At the Great Break*. Rostov-on-Don: Rostov University Press; 1965. (In Russ.).

Информация об авторах

О.В. Щекатунов – аспирант, ассистент.

К.Г. Малыхин – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России.

Information about the authors

O.V. Schekatunov – Postgraduate, Assistant.

K.G. Malikhin – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Russian History.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 13.07.2022; принята к публикации 16.09.2022.
The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 13.07.2022; accepted for publication 16.09.2022.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

OUR PERSONS

Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-85-88

«Искатели утопии»: к юбилею профессора Т. С. Паниотовой

Personalities

“Seekers of Utopia”: to the anniversary of Professor T. S. Paniotova

1 сентября 2022 г. отметила юбилей Таисия Сергеевна Паниотова, доктор философских наук, проф. Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

Ее имя известно далеко за пределами России как видного и авторитетного ученого, занимающегося изучением утопии и культурной истории стран латиноамериканского региона, как талантливого педагога, читающего базовые и специальные курсы по философии и культурологии студентам Института философии и социально-политических наук ЮФУ и руководящего исследованиями аспирантов. Таисия Сергеевна – мудрый наставник, требовательный коллега, добрый и надежный друг, она находится в расцвете интеллектуальных сил, всестороннего признания, научного и творческого подъема. Для нас, ее учеников, которым она привила любовь к знаниям и науке, проф. Паниотова – символ беспредельного служения своему делу. И мы без преувеличения можем сказать, что нам в этой жизни несказанно повезло с УЧИТЕЛЕМ.

После окончания философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 1975 г. Т.С. Паниотова поступила в аспирантуру на кафедру истории социалистических учений. В университете училась вдохновенно, с упоением впитывая знания и постигая научные истины, которыми щедро делились наставники. По ее признанию, на формирование профессиональных и мировоззренческих позиций большое влияние оказали университетские преподаватели З.М. Павлова, И.К. Пантин, И.Т. Фролов, Э.Н. Цыганкова и др. Это касается не только серьезного и добросовестного отношения к науке. На примере своих учителей она выработала собственный стиль работы со студентами и аспирантами, базирующийся на принципах интеллектуальной свободы, наставничества, поддержки и ответственности за результат. Переняли эти принципы и многочисленные ученики Таисии Сергеевны, среди которых есть и именитые доктора, и начинающие преподаватели.

Первые шаги Т.С. Паниотовой в мире науки начались еще на студенческой скамье с подготовки научных статей по истории социалистических учений, с блестящих выступлений на секциях университетских студенческих конференций и круглых столов. А в аспирантуре она проявила себя как серьезный, вдумчивый исследователь с развитой самостоятельностью мышления. Закономерным этапом стала стажировка в Гаванском университете на Кубе, где будущий профессор в библиотеках и архивах работала над диссертационным исследованием. На основе собранного там материала Т.С. Паниотова подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие социалистических идей на Кубе (конец XIX – начало XX века)», которую блестяще защитила в 1979 г.

Свою преподавательскую деятельность в 1978 г. Таисия Сергеевна начала на кафедре философии Ростовского филиала Всесоюзного заочного института пищевой промышленности. Однако можно с уверенностью сказать, что свою жизнь она посвятила Южному федеральному университету (прежнее название – Ростовский государственный университет), в котором начиная с 1980 г. прошла путь от преподавателя до профессора. В начале карьеры она трудилась на общеуниверситетской кафедре научного коммунизма, однако большой научный и педагогический потенциал (к тому же она была единственным в Ростове специалистом по истории социалистических учений) не мог долго оставаться незамеченным, и уже спустя пару лет ее пригласили на философский факультет. Впереди были годы работы куратором отделения, заместителем декана, чтение лекций будущим философам на факультете, а также состоявшимся специалистам в ИПК. В начале 1990-х гг. Т.С. Паниотова со свойственной ей серьезностью и обстоятельностью взялась за реализацию нового на тот момент направления «Культурология», достигнув на этом поприще немалых успехов. С 2002 по 2005 г. она прошла обучение в докторантуре ЮФУ, итогом которого явилась диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Генезис утопического дискурса: культурно-цивилизационный контекст», защищенная на стыке специальностей – теории и истории культуры и социальной философии.

По признанию коллег, проф. Т.С. Паниотова – опытный специалист в области утопологии, известный латиноамериканист, является членом Всемирной Ассоциации латиноамериканистов и карибологов, Ассоциации Европейских латиноамериканистов, а также Европейского общества исследований утопии. Она многократно выступала с докладами на конгрессах и конференциях международных профильных ассоциаций (в Братиславе, Риме, Севилье, Брюсселе, Праге, Таррагоне, Мадриде и др.). Блестящее знание испанского языка позволило ей не просто погрузиться в изучаемую культуру, работать с первоисточниками, заниматься их переводами, но и стать частью международного академического сообщества.

За Таисией Сергеевной Паниотовой давно и прочно закрепились репутация мастера исследований по утопии, которой она нас, своих учеников, в прямом смысле слова заразила. Стоит отметить, что научный интерес к утопии сформировался еще в студенческие и аспирантские годы в русле изучения истории утопического социализма. Серьезность и перспективность выбранной темы доказывает и то, что свой исследовательский проект Т.С. Паниотова продолжает до сих пор, открывая новые грани изучаемого объекта. Определенным рубежом в этом проекте стала монография «Утопия в пространстве диалога культур» [1], в которой гармонично сплелись два основных предмета научных изысканий автора. По словам коллег, книга представляет «исследование утопии как особого социокультурного феномена, обнаруживающего себя в самых разных сферах культурной жизни – религиозной, политической, художественной – и включающего в себя как теоретические, так и практические ее аспекты» [2, с. 220]. В 2005 г. книга была признана победителем конкурса научных работ Ростовского университета. Монография удостоилась и международного признания. Во вступительной статье философ и литературовед Фернандо Аинса отметил, что Т.С. Паниотова продолжила нелегкое дело «искателей утопии». Ее книга «позволяет верить, что творения “чудесного утопического” вновь будут <...> созидательными и фантазийными, созданными во имя и ради большей свободы, – подлинным выражением возрожденного критического мышления» [3, с. 12].

Полученные выводы позволили опровергнуть идею «конца утопии», понять логику исторических трансформаций утопического дискурса и переосмыслить место последнего в современном мире. Такой подход отвечал призыву Р. Якоби, брошенному исследователям, – «спасти дух утопии, а не ее букву» [4, р. XIV]. Так, на основе нового – неклассического – понимания утопии Т.С. Паниотовой и ее соавторами были рассмотрены различные формы бытования утопии в культуре: от раннесоветских социально-политических и художественных проектов [5–7] до социальных сетей [8] и современного искусства [9].

Если посмотреть на многообразие проведенных Таисией Сергеевной, ее соавторами и учениками исследований, отличающихся при этом системностью и согласованностью, и подготовленных под ее руководством диссертаций (защищено 8 кандидатских, 1 докторская, еще 2 кандидатские в настоящее время проходят процедуру защиты), то можно вполне оправданно заявить о сформировавшемся сообществе утопологов, основателем которого является проф.

Паниотова. Это сообщество, возникшее в рамках ростовской философско-культурологической школы, продолжает ее богатые традиции [10], в том числе и вдали от alma mater.

Еще одним предметом гордости Таисии Сергеевны являются организованные ею циклы конференций «Диалог культур» и «Утопические проекты в истории культуры», а также связанные с ними издательские проекты. Проводимые в ЮФУ (первый – с 2013, а второй – с 2016 г.) эти научные мероприятия как площадка для обмена идеями объединяют усилия многих отечественных и зарубежных исследователей в изучении как межкультурного взаимодействия, так и исторической динамики и актуального состояния утопической мысли.

Кроме научных исследований Таисия Сергеевна активно занимается образовательным процессом и его учебно-методическим обеспечением. Здесь можно привести множество примеров. Во-первых, это подготовка учебников и учебных пособий. Она является постоянным членом авторского коллектива учебника «Культурология» (под ред. Г.В. Драча), ставшего уже классическим и выдержавшего более полутора десятка изданий. Под совместной с Г.В. Драчом редакцией в центральных издательствах выходят учебники «История мировых цивилизаций» и «История искусств». Последний труд заслужил высокую оценку: в 2018 г. Т.С. Паниотова стала победителем в номинации «Признанный лидер» V Юбилейной всероссийской книжной премии «Золотой фонд», проводимой издательством «КНОРУС». Авторской разработкой стал учебник «История современной западной культуры. XIX – начало XXI в.» (Ростов-на-Дону, 2015). Во-вторых, стоит сказать об открытии в 2007 г. тогда еще на факультете философии и культурологии ЮФУ направления «Искусства и гуманитарные науки», инициатором и куратором которого была Т.С. Паниотова. Инновационная по тем временам программа позволяла на базе классического философского и культурологического образования развивать актуальные компетенции и навыки, которым можно найти широкое применение.

Добавляя штрихи к портрету Таисии Сергеевны, правомерно вспомнить, что много времени занимает руководство научной работой аспирантов и студентов, организация научных форумов по культурологии (в числе прочего – организация масштабного фестиваля «Экология культуры» в 2014 г.), работа в диссертационном совете как ученого секретаря, выступления в качестве официального оппонента по кандидатским и докторским диссертациям, участие в работе научно-практических конференций и семинаров международного, федерального и регионального уровней. Она является активным участником Всероссийских философских и культурологических конгрессов, входит в состав редакционной коллегии журнала «Философия права».

В активе Т.С. Паниотовой и внушительный перечень реализованных грантовых проектов, поддержанных ЮФУ, Севильским университетом, РМИОН, РГНФ и РФФИ. Под ее руководством проводились как исследовательские работы, так и работы по организации научных мероприятий и образовательных программ.

Говоря о ее человеческих качествах, подчеркнем, что отменное знание философии и культурологии позволяют ей вести диалог с собеседником любого уровня. Восторгает ее умение общаться с людьми, с одной стороны, легко и просто, с другой – обстоятельно. К основным чертам личности профессора Паниотовой следует отнести профессионализм, преданность своему делу, требовательность к себе и окружающим, равнодушие к людям, умение поддержать в трудную минуту, отзывчивость. Все грани этого уникального человека невозможно обрисовать словами и эпитетами, ее просто надо знать, чтобы понять всю глубину ее души и человечности...

С годами Таисия Сергеевна не меняется, лета не властны над ней, та же мудрость, ум, прелесть и обаяние. Как сказал поэт: «Держит голову как королева, излучает загадочный свет... Эта женщина – вечное Нечто, и искусство ее велико!»

Желаем нашей дорогой Таисии Сергеевне еще множества научных работ, большого числа учеников и просто неподъемную охапку поводов для улыбки! А для всего этого – отменного здоровья, невозмутимого терпенья, мудрости, самых долгих лет жизни, благополучия, плодотворной работы, успехов в профессиональной деятельности, воплощения в жизнь задуманных планов, уверенности в будущем, бесконечного жизненного оптимизма, достижения намеченных целей и большой удачи!

Список источников

1. Паниотова Т. С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 304 с.

2. *Гараджжа Е.В.* Заметки о книгах. Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. № 2. С. 220–221.
3. *Аинса Ф.* В защиту «чудесного» утопического // Паниотова Т. С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2004. С. 3–13.
4. *Jacoby R.* *Picture Imperfect. Utopian Thought for an Anti-Utopian Age.* New York: Columbia University Press, 2005.
5. *Паниотова Т.С., Романенко М.А.* Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств // *Quaestio Rossica.* 2022. Т. 10, № 2. С. 577–592.
6. *Паниотова Т.С.* Битва за будущее на перекрёстке утопий // *Вестн. Московского гос. ун-та культуры и искусств.* 2020. № 3 (95). С. 6–20.
7. *Паниотова Т.С., Романенко М.А.* Кривые зеркала авангарда: утопические проекции советской цивилизации // *Диалог со временем.* 2019. № 69. С. 237–250.
8. *Паниотова Т.С., Митрохина М.В.* Социальные сети как новая форма утопии // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.* 2017. Т. 6, № 2А. С. 250–262.
9. *Иglesias Garcia P., Паниотова Т.С.* «Наше постчеловеческое будущее» в утопиях современного искусства // *Человек.* 2021. Т. 32, № 4. С. 149–171.
10. *Драч Г. В., Сердюкова Е.В.* Перелистывая страницы истории: к 50-летию создания философского факультета РГУ (ЮФУ) // *Научная мысль Кавказа.* 2020. № 1 (101). С. 87–93.

References

1. Paniotova T.S. *Utopia in the space of the dialogue of cultures.* Rostov-on-Don: Rostov University Press; 2004. 304 p. (In Russ.).
2. Garadzha E.V. Notes on books. Paniotova T.S. Utopia in the space of the dialogue of cultures. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Humanities and Socio-Economic Sciences.* 2005;(2):220-221. (In Russ.).
3. Ainsa F. In defense of the “wonderful” utopian. Paniotova T. S. *Utopia in the space of the dialogue of cultures.* Rostov-on-Don: Rostov University Press; 2004:3-13. (In Russ.)
4. Jacoby R. *Picture Imperfect. Utopian Thought for an Anti-Utopian Age.* New York: Columbia University Press; 2005.
5. Paniotova T.S., Romanenko M.A. The skill to imagine the future: the utopian dimension of Soviet revolutionary celebrations. *Quaestio Rossica.* 2022;10(2):577-592. (In Russ.).
6. Paniotova T.S. The Battle for the future at the crossroads of Utopias. *Vestn. Moskovskogo gos. un-ta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts.* 2020;(3):6-20. (In Russ.).
7. Paniotova T.S., Romanenko M.A. Curved mirrors of the vanguard: utopian projections of Soviet civilization. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time.* 2019;69:237-250. (In Russ.).
8. Paniotova T.S., Mitrokhina M.V. Social networks as a new form of utopia. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy about the World and Man.* 2017;6(2A):250-262. (In Russ.).
9. Iglesias Garcia R., Paniotova T.S. “Our posthuman future” in utopias of contemporary art. *Chelovek = A Man.* 2021;32(4):149-171. (In Russ.).
10. Drach G.V., Serdyukova E.V. Turning over the pages of history: to the 50th anniversary of the establishment of the Faculty of Philosophy of the Rostov State University (SFedU). *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus.* 2020;(1):87-93. (In Russ.).

З.А. Жаде,
доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства
и права и политологии, Адыгейский государственный университет

М.А. Романенко,
ассистент, Высшая школа бизнеса Южного федерального университета

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

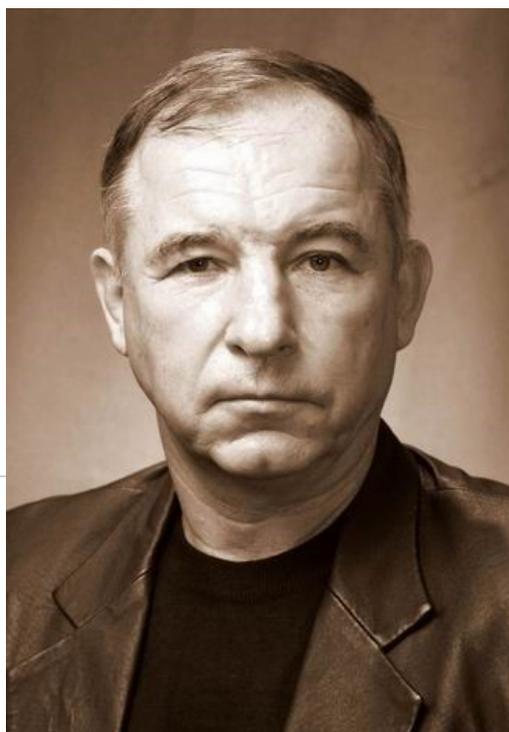
Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-89-93

Выдающийся донской историк профессор А.В. Лубский (1947–2020)

Personalities

Prominent Don Historian Professor A.V. Lubsky (1947–2020)

Анатолий Владимирович Лубский был необыкновенно многогранным ученым, оставившим заметный след в истории, регионоведении, социальной философии, социологии, политологии. По уровню разносторонности и глубине своих исследований он приближается к донскому корифею-энциклопедисту Юрию Андреевичу Жданову, который высоко ценил Анатолия Владимировича и доверил именно ему редактировать свои дискуссионные мемуары.

А.В. Лубского мне довелось знать в основном как историка и общаться с ним по проблематике отечественной истории. Познакомился с ним как с преподавателем (тогда аспирантом) в 1974 г., когда ему только что доверили сменить ушедшую на пенсию доцента А.Г. Задёру. Но он не стал дублировать ее стиль преподавания. А.В. Лубский покорила студентов редким тогда стремлением читать курс лекций с историографическим уклоном и в дискуссионной манере. Он освещал события досоветской истории, опираясь на точки зрения ученых, например историю опричнины излагал, противопоставляя позиции видных ученых А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова. Он рассчитывал, что студенты обратятся к их монографиям и попытаются определить, кто из них ближе к истине. Более того, он создал на курсе кружок интересующихся отечественной историей периода капитализма по образцу такого же объединения студентов под руководством профессора Ю.И. Серого, в котором сам в свое время участвовал. Студенты, входившие в этот НОК, до сих пор помнят общение с А.В. Лубским как незабываемые моменты жизни. Мне не довелось быть причастным к этому кругу, так как увлекался историей внутрипартийной борьбы под руководством Э.Д. Осолковой, но много слышал о нем.

В 1975 г. А.В. Лубский защитил инновационную кандидатскую диссертацию на тему «Южнороссийская промышленность во второй половине XIX века (технико-экономическая структура)», в которой показал особенности капиталистического развития региона, далеко выходящие за пределы традиционной схемы освещения этого процесса. Естественно, он стал одним из ведущих специалистов на кафедре методики источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин исторического факультета РГУ, которой руководил выдающийся историк А.П. Пронштейн. Хотя в последующем А.В. Лубский занимался в основном социально-философской и социологической проблематикой, историю не забывал. В частности, написал книгу «Горнопромышленники Юга России (конец XIX – начало XX века)». Под его руковод-

ством А.С. Качалян написал и защитил диссертацию «“Горнопромышленники Юга России” в конце XIX – начале XX века: предпринимательский менталитет».

А.В. Лубскому и его ученику удалось разработать методологический конструкт изучения предпринимательского менталитета горнопромышленников Юга России в конце XIX – начале XX в., на основе которого выявлено конкретное содержание социально-политических и экономических представлений, ценностей и установок южнороссийских горнопромышленников в рассматриваемый период. Были реконструированы социально-экономические и государственно-политические условия складывания их предпринимательского менталитета, которые способствовали формированию представления о государственной поддержке как о системообразующем факторе становления и развития отечественной промышленности. Также была показана специфика предпринимательского менталитета горнопромышленников Юга России по сравнению с предпринимательским менталитетом промышленников московского и западно-сибирского регионов. Но самое важное заключалось в его попытке доказать, что формирование капиталистической промышленности на Юге России во второй половине XIX в. происходило особым путем, и тем самым «опровергнуть» универсальный характер классической теории «трех стадий развития капитализма в промышленности».

В середине 1990-х гг. на историческом факультете по инициативе декана И.М. Узнародова была начата подготовка «История России в вопросах и ответах», в которой в сжатой форме, но с научных позиций излагалась обновленная концепция истории Отечества. В конце 1990-х – начале 2000-х пособие издавалось еще трижды. Как составитель этих трех изданий я огромное значение уделял участию именно А.В. Лубского, который написал первый методологический раздел «История: концепция учебного курса» и «Введение в изучение истории», где излагались основы цивилизационного подхода к истории. Кроме того, ученый был автором статей по историческому сознанию и древнерусской цивилизации. В ходе работы нам пришлось неоднократно дискутировать по некоторым вопросам. Например, он настоял, чтобы был снят вопрос о цвете флага московского царства в контексте цветов нового флага России. Это же касалось и некоторых других современных тем, например статьи «Почему марксизм прижился в России». Но в то же время согласился с тезисом о существовании «советской субцивилизации», хотя и не стремился его развивать. Он не был диссидентом, достаточно лояльно относился к советской власти, к истории СССР, хотя КПСС на позднем этапе развития явно вызывала у него реакцию отчуждения. Это пособие имело столько переизданий прежде всего потому, что содержало значительный методологический раздел А.В. Лубского, который практически закладывал новую основу преподавания конкретной истории.

Работая на истфаке, А.В. Лубский вошел в исследовательский круг выдающихся историков-профессоров А.П. Пронштейна и Ю.И. Серого и вместе с ними определял принципиально новый методологический уровень осмысления исторического процесса. Совместно с А.П. Пронштейном Лубский разработал методологию и методику изучения массовых исторических источников.

Позднее, когда мы приступили вместе с профессором Н.А. Казаровой к формированию сборника биографических очерков «Историки Ростовского университета», его попросили написать очерки об этих ученых, а также о его друге М. Алавердове. Он с удовольствием согласился и не только дал очерки, но помог с поиском для второго издания спонсора (им стал С.К. Хмелевский). А.В. Лубский считал, что биография ученого – это его книги и ученики, а не личная жизнь, жены и увлечения чем бы то ни было. Его крайне раздражали некоторые авторы, делавшие имя на изложении околонаучных фактов.

В очерке об А.П. Пронштейне Лубский описал эпизод в ходе дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории КПСС». Ему удалось уговорить А.П. Пронштейна принять участие в ней, и они написали совместную статью «О некоторых вопросах методологии истории КПСС», которая и была опубликована в 1977 г. Этот факт свидетельствовал, с одной стороны, о стремлении правящей партии как-то реагировать на актуальные запросы общественного сознания, с другой – о гражданской позиции авторов. Лубский и Пронштейн смело по тем временам предложили выделять исторический материализм как методологическую основу всех общественных наук, собственно методологию исторического познания, отражающую его спе-

цифику, а также методологию научных исследований, связанных с изучением конкретной исторической проблематики.

Многие из нас были потрясены, когда узнали о появлении в Ростове-на-Дону неких уклонистов, ставивших под сомнение марксистско-ленинскую методологию. Подводя итоги дискуссии, известный московский историк Н.Н. Маслов отметил, что А.В. Лубский и А.П. Пронштейн «выдумывают» какую-то особую методологию истории, отличную от классического исторического материализма. Сейчас эту критику можно оценить диаметрально противоположным образом, но тогда можно было ожидать последствий. Лубский продолжал развивать свою концепцию. В 1978 г. в докладе «Методологические проблемы исторической науки в современной литературе» [1] им было сказано о необходимости конституирования такой научной дисциплины, как методология истории, и включения ее в качестве учебной дисциплины в программу подготовки историков в высшей школе.

По его мнению, предметом методологии истории как научной дисциплины является процесс познания в исторической науке, т. е. его природа, принципы и методы, изучение предмета и метода исторической науки, специфики исторического познания, структуры и логики исторического исследования, природы исторического факта, гипотезы и теории, методов и приемов, их возможностей и границ применения, опыта исторического исследования и его методики.

Отождествление методологии истории с историческим материализмом, с одной стороны, обедняет его содержание, поскольку он выполняет методологические функции по отношению к социальному познанию в целом, а с другой – ведет к бесплодным философским рассуждениям, лишенным какой-либо значимости применительно к практике исторических исследований. В работе историка важны не только представления об общем подходе к изучению исторической действительности, но и теоретическая подготовка ученого, которая включает в себя историографическую осведомленность о предмете и методах исторического исследования, а также способах решения конкретных научных проблем.

Стремление заниматься философией исторической науки, методологией исторического познания неизбежно увело его в сторону от конкретно-исторических исследований. Тем не менее А.В. Лубский отметился в области казачеведения. Вместе с Ю.Г. Волковым принял руководящее участие в организации и написании монографии «Донские казаки в прошлом и настоящем». Мне было поручено написать вместе с А.В. Венковым 4-ю и 5-ю главы. Лубский написал введение и три главы, но это было уже его прощание с исторической конкретикой. В 2005 г. он защитил докторскую диссертацию по социальной философии на тему «Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация». В ней им было доказано, что можно типологизировать на основе предварительно установленных параметров научно-исследовательской деятельности модели научного исторического исследования и свести их к нескольким альтернативным – классической, неклассической и неоклассической и к постмодернистской модели исторического познания, не являющейся его научной формой. В дальнейшем Анатолий Владимирович издал более 30 монографий в области философии, социологии, политологии и занял очень заметные научные позиции в ИППК при РГУ, а затем – в ЮФУ.

Следующая наша совместная с А.В. Лубским работа называлась «Российская историческая политология» (Ростов н/Д., 1998), составителем и ответственным реактором которой мне довелось быть. А.В. Лубский представил в ней историко-политологический раздел «Государственная власть в России (исторические реалии и проблемы легитимности)». Это, бесспорно, была одна из самых крупных, значимых и цитируемых глав книги. Он писал: «Опричные “беснования” и “юродство” Ивана Грозного, “мертвящий” консерватизм Николая I, иезуитство и “сатанинская” воля И. Сталина обозначили высшие точки развития российской деспотической державности и одновременно предопределили три великие катастрофы российской государственности». Лубский формулировал следующие принципиальные выводы: «Легитимность государственной власти в России обуславливалась, с одной стороны, символическим капиталом власти, формирующим в нормативно-ценностном пространстве “духи государства” прежде всего в виде национально-государственной идеи. Эта идея “оправдывала” существующий в стране “порядок” и задавала для “семьи-нации” “общее дело”. Консолидируя на этой основе общество, государственная власть тем самым на время обеспечивала себе легитимность, вплоть до соли-

дарности значительной его части с российским государством. Легитимность государственной власти во многом зависела от того, насколько эта власть и ее деятельность соответствовали “образу” идеальной власти, сформированному в контексте культурных архетипов “безмолвствующего” большинства и актуализированному в его ментальности на том или ином этапе развития российского общества. Большую роль в легитимации государственной власти играла рациональная интерпретация на уровне ментальности результатов ее деятельности, степени соответствия их ожиданиям различных социальных групп и общества в целом». В этой и других работах Лубским предложена концепция России как локальной цивилизации, в рамках которой были выделены такие спатильные, темпоральные и конативные параметры, как государственность, выступающая доминантной формой социальной интеграции, мобилизационно-модернизационный социотип развития и этатистско-патерналистский культурный архетип.

Заключительным этапом нашего сотрудничества с А.В. Лубским явилось издание совместной монографии «Элиты и контрэлиты в России: вопросы теории и политической практики» [2]. По поводу этой книги следует сказать, что А.В. Лубский вновь продемонстрировал свой высочайший профессионализм исследователя-методолога. Он в своем разделе рецензировал классические и неклассические модели исследования элит и предложил новые направления их изучения. Я не представил в коллективную монографию совершенно нового текста, а включил только обновленный и дополненный текст своей уже известной работы о контрэлитах, оппозициях и фрондах в политической истории России. А.В. Лубский ничего не сказал по этому поводу, но я понял, что он ожидал более нового текста. Причина этой ситуации была простая: когда Анатолий Владимирович предложил издание, у него уже была готовая работа, а я находился в стадии обдумывания следующей монографии. Поскольку я не смел задерживать работу Лубского на год, а то и больше, то и поступил таким образом.

Мы все помним блестящий доклад А.В. Лубского на профессорском клубе ЮФУ, посвященный выходу уникальной монографии «Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России» [3]. Он доказывал, что базовыми ценностями ментальной матрицы политического поведения в российском обществе являются государство и государственная власть. В этой матрице, с одной стороны, доминирует образ государства как воплощения силы и господства, а также демиурга социальной жизни, которому подданные не столько поручают выполнять определенные обязательства, сколько вручают свою судьбу. С другой стороны, в ментальной матрице существует образ государства как большой семьи, в которой глава семьи призван проявлять постоянную заботу о своих домочадцах. Поэтому в ментальной матрице политического поведения идеалом «для нас» является сильное, но справедливое государство, которое персонифицируется с верховным правителем, обязанность которого наводить в обществе порядок и заботиться о благе своего народа. В ходе дискуссии ему был задан вопрос: что дают эти программы для прогноза? Он ответил, что авторитарная ментальная программа населения предопределяет победу власти на президентских выборах, что и произошло.

Одна из наших личных встреч с А.В. Лубским касалась рецензирования коллективной монографии с моим участием «Авторитаризм и президентство на постсоветском пространстве». Незадолго до его ухода из жизни мне довелось общаться с ним онлайн в ходе круглого стола ЮФУ, посвященного проблеме воспитания патриотизма среди студенческой молодежи.

Таковы некоторые содержательные вехи моего сотрудничества с Анатолием Владимировичем Лубским, который остался в памяти историков моего поколения как выдающийся ученый, историк-методолог, социолог, философ, яркая и светлая личность.

Список источников

1. Лубский А.В., Пронштейн А.П. Методологические проблемы исторической науки в современной литературе // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Грозный, 1980. С. 9–13.
2. Кислицын С.А., Лубский А.В. Элиты и контрэлиты в России: вопросы теории и политической практики. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 304 с.
3. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России / А.В. Лубский, В.П. Войтенко, А.А. Беспалова и др.; отв. ред. А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017.

References

1. Lubsky A.V., Pronshtein A.P. Methodological problems of historical science in modern literature. *Questions of the history of historical science of the North Caucasus and the Don*. Grozny, 1980;(2):9-13. (In Russ.).
2. Kislitsyn S.A., Lubsky A.V. *Elites and counter-elites in Russia: questions of theory and political practice*. Rostov-on-Don: RANEPА Press; 2016. 304 p. (In Russ.).
3. Lubsky A.V., Voitenko V.P., Bespalova A.A. et al. *Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia*. A.V. Lubsky, ed. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya Publ.; 2017. (In Russ.).

С.А. Кислицын,
доктор исторических наук, Южный федеральный университет

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-94-96

К незабываемым событиям под Вязьмой (Трагедия и героизм советских воинов в октябре 1941 года: под грифом «Сов. секретно» / авт.-сост. В.К. Бураков. Краснодар: Рекламный дом Кубани, 2021. 292 с.)

Вадим Вячеславович Денисов¹, Андрей Борисович Крючков²

^{1,2} Государственный морской университет им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск, Россия, denisovvv22062020@mail.ru

Для цитирования: Денисов В.В., Крючков А.Б. К незабываемым событиям под Вязьмой (Трагедия и героизм советских воинов в октябре 1941 года: под грифом «Сов. секретно» / авт.-сост. В.К. Бураков. Краснодар: Рекламный дом Кубани, 2021. 292 с.). // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 94–96.

Book Review

To Unforgettable Events near Vyazma (Tragedy and heroism of Soviet soldiers in October 1941: classified as “Soviet secret” / author-comp. V.K. Burakov. Krasnodar: Kuban Advertising House, 2021. 292 p.)

Vadim V. Denisov¹, Andrey B. Kryuchkov²

^{1,2} Ushakov State Maritime University, Novorossiysk, Russia, denisovvv22062020@mail.ru

For citation: Denisov V.V., Kryuchkov A.B. To Unforgettable Events near Vyazma (Tragedy and heroism of Soviet soldiers in October 1941: classified as “Soviet secret” / author-comp. V.K. Burakov. Krasnodar: Kuban Advertising House, 2021. 292 p.). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):94-96. (In Russ.).

Книга повествует о катастрофическом исходе Вяземской операции (2–13 октября 1941 г.) в начале Великой Отечественной войны. Так называемый Вяземский котел не только поглотил тысячи жизней советских воинов, polegших на поле боя и замученных позже в фашистских «лагерях смерти», но и трагически отразился на судьбах их родных.

Одной из причин появления в печати данного материала стало также то обстоятельство, что отец автора-составителя книги Вячеслава Константиновича Буракова, Константин Григорьевич Бураков, летчик аэрофотосъемки погиб – «пропал без вести» во время этой военной операции.

В.К. Бураков более десяти лет назад начал собирать и обрабатывать источники по изучаемой проблеме.

С понятной эмоциональностью он пишет, что после прихода извещения о том, что отец пропал без вести, отношение к семье сразу изменилось, ведь тогда все пропавшие без вести считались врагами народа. «Нам урезали паёк. Но все мы, – отмечает автор, – продолжали трудиться на заводе – делать снаряды. Для таких малышей, как он, подставляли ящики, чтобы они могли достать до конвейера». (Обратим внимание: «работнику» Славе Буракову не было и 3 лет.) Спать приходилось там же, и не то чтобы рабочих не пускали домой, но люди понимали: если лягут спать дома, то обязательно проспят утреннюю смену. А за опоздание на работу возбуждалось уголовное дело. Пацаны с общей судьбой сыновей отцов, пропавших без вести, жестоко дрались с мальчишками, чьи

отцы вернулись или погибли «официально», а потом эти дважды пострадавшие ребята написали письмо товарищу Сталину с просьбой принять их в Нахимовское училище. Ответ был в духе «реальной политграмоты»: детям «врагов народа» путь в такие учебные заведения был заказан. Дети порвали письмо, а потом плакали (с. 8). Военным Вячеслав Константинович все же стал. Несколько лет служил на крейсере в Тихоокеанском флоте.

Всего в книге им опубликовано 9 писем семье от отца: одно из армии (20.06.41) и 8 с фронта от 30.06.41 до 30.09.41, две почтовые карточки от 07.07.41 и от 18.08.41, талон к переводу от 17.07.41 и извещение о получении посылки от 12.09.41. В них глубоко сердечные послания жене и детям с сообщением о любви (и, видимо, с постоянным пониманием о возможности гибели на фронте). Призывы к жене Марии заботиться, насколько возможно, о собственном и детей здоровье. Просьба чаще писать и присылать фото. Четкое напоминание о необходимых действиях Марии по получению денежного довольствия за мужа-фронтовика. О ходе военных действий офицер штаба 19-й армии Западного фронта Константин Бураков пишет не больше, чем передовицы в газетах.

Далее В.К. Бураковым помещаются приказы и распоряжения штаба 19-й армии. К сожалению, неясно, эти документы публикуются впервые (т.е. взяты из архива) или позаимствованы из опубликованного издания.

Включены в книгу и ранее опубликованные материалы различных авторов. Например, статья к.и.н., проф. А. Борщева «Вяземская оборонительная операция 2–13 октября 1941 г.». Такой подбор материалов отражает не только источниковую, но и историографическую направленность книги. Приводятся воспоминания ген.-л-та М.Ф. Лукина о Смоленском сражении и о Вяземской операции (с. 73–93) (Военно-исторический журнал. 1973. № 7). А также статья А. Трофимова «Духовщинская наступательная операция», которая, видимо, послужила одним из методологических подходов к осмыслению вяземского котла (Край Смоленский. 1991. № 1).

От личной темы В.К. Бураков идет к более широкой – о памятных объектах в Вязьме. О погибших в Вяземской операции он пишет в следующем разделе: «Хроники «Ада». Это рассказ о лагере советских военнопленных в г. Вязьме «Дулаг-184» – воспоминания. В списке трагически погибших в этом лагере – выходцы из Краснодарского края, Ставропольского края, Ростовской области, Кемеровской области, Новосибирской области, Пермского края, Адыгеи, Крыма, Северной Осетии – Алании, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесии, Абхазии, Дагестана, Чечни, Ингушетии, Армении, Азербайджана, Грузии.

Имеется небольшая подборка материалов к теме «Триумф победителей».

Заключительный раздел книги называется: «Сын за отца. Боль и гордость поколения “детей войны”». Детские страдания, связанные с обидой за незаслуженно обвиненного отца, затем поиски материалов о Вяземской операции, в которой пропал без вести отец, вывели Вячеслава Константиновича Буракова на широкое поле исследовательской и просветительской работы по изучению и пропаганде борьбы с немецким фашизмом. Он воскрешает память не только об отце, но и тысячах его бывших сотоварищей, посещает Вяземский район Смоленщины, делает трагические страницы войны предметом священной памяти. Приводит воспоминания переживших Дулаг-184, другие материалы исследований. Пытается осознать смысл Победы с внесением индивидуальных ноток, ставит вопрос об ответственности уже немолодого поколения детей войны.

Особую признательность автор-составитель, редакция «Рекламного дома Кубани» и рабочая группа книги выражают президенту Международной ассоциации общественных поисковых объединений Евгении Андреевне Ивановой. Благодарность за помощь в разработке концепции и содержания книги – вице-губернатору Краснодарского края И.О. Чагаеву, директору департамента внутренней политики администрации края А.А. Топалову и многим другим лицам и организациям.

Книга найдет применение в учебных курсах по отечественной истории и в различных формах воспитательной практики.

Информация об авторах

В.В. Денисов – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.

А.Б. Крючков – младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Автоматизация судовождения».

Information about the authors

V.V. Denisov – Candidate of Science (History), Associate Professor of Department of Humanities.

A.B. Kryuchkov – Junior Researcher of the Scientific Research Laboratory “Automation of Navigation”.

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-97-100

Государство сильно сознательностью граждан, коллективным терпением и поддержкой соседей (Чибиров Л.А. Южная Осетия. Становление государства : в 3 т. Владикавказ; Цхинвал: Абетае, 2019, 2021, 2022)

Валерий Дударович Дзидзоев

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия, dzidzoevv@mail.ru

Для цитирования: Дзидзоев В.Д. Государство сильно сознательностью граждан, коллективным терпением и поддержкой соседей (Чибиров Л.А. Южная Осетия. Становление государства : в 3 т. Владикавказ; Цхинвал: Абетае, 2019, 2021, 2022) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 97–100.

Book Review

The state is strong with the consciousness of citizens, collective patience and support of neighbors (Chibirov L.A. South Ossetia. The formation of the state. In 3 vol. Vladikavkaz; Tskhinval: Abetae Publ.; 2019, 2021, 2022)

Valery D. Dzidzoev

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, dzidzoevv@mail.ru

For citation: Dzidzoev V.D. The State is Strong with the Consciousness of Citizens, Collective Patience and Support of Neighbors (Chibirov L.A. South Ossetia. The formation of the state. In 3 vol. Vladikavkaz; Tskhinval: Abetae Publ.; 2019, 2021, 2022). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):97-100. (In Russ.).

Выход этого интересного и оригинального во многих отношениях трехтомника не только научная общественность, но и широкие читательские круги Северной и Южной Осетии ждали давно. Ученые – историки, политологи, правоведы Севера и Юга Осетии знали о подготовке этого издания, где фактически максимально объективно изложены основные вехи становления государства на Юге Осетии.

Во-первых, составителем его выступает не просто доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии Северной Осетии им. К.Л. Хетагурова, заслуженный деятель науки РФ Л.А. Чибиров, но еще и первый президент этой республики в 1993–2001 гг. Им собраны разнохарактерные документы и материалы о внутренней жизни и внешней политике республики в лихие 90-е гг. XX в. Именно тогда Л.А. Чибиров возглавлял Южную Осетию – сначала в качестве Председателя Верховного Совета Республики, а затем и первого президента РЮО.

Во-вторых, для любого специалиста по истории Осетии либо Кавказа они представляют исключительную научную ценность, ибо в них приводятся интересные документы, касающиеся этапов строительства суверенного государства, многие из которых были опубликованы и в печати. Но одно дело, когда исследователю приходится в библиотеках искать материалы из подшивок газет и журналов, а другое – когда все это собрано и лежит у ученого на столе в виде отдельного издания.

В-третьих, особая заслуга Л.А. Чибирова состоит в том, что он опубликовал те документы, которые проливают свет на огромные трудности в становлении государства на территории Южной Осетии, площадь которой 3,9 км², приводятся конкретные факты, полузабытые распоряжения, официальные заявления руководства. И широкие круги читателей, и специалисты-историки, политологи, социологи, юристы получают ответы на давно интересовавшие их вопросы.

В-четвертых, самая большая ценность издания в том, что в каждом из томов максимально объективно воссоздается труднейший и сложнейший период новейшей истории Республики Южная Осетия. Документы, которые собирал в основном сам первый президент, свидетельствуют о тяжелейшем положении непризнанной тогда еще республики и о существенных переменах в общественно-политической жизни и государственном строительстве на ее территории в 1993–2001 гг. Отметим, что материалы трехтомника разбиты по тематическому принципу, а в каждой главе события излагаются в хронологической последовательности.

В первом томе (Государственное строительство. Миротворческие силы. 2019. 511 с.) в главе «Государственное строительство» основное внимание сосредоточено на создании законодательной базы и предпринимаемых мерах по укреплению демократических принципов государственности в Южной Осетии. Отражено, какие невероятные усилия прилагались по укреплению правоохранительной системы после упразднения в декабре 1990 г. Верховным Советом Грузии государственных структур Юго-Осетинской автономной области. Здесь же приводится немало интересных примеров, фактов и подробностей из постсоветской истории Южной Осетии.

В главе содержатся интересные и достоверные данные о первой конституционной комиссии, куда входили председатель Верховного Совета Л.А. Чибиров, а также известные специалисты Южной Осетии П.С. Гатикоев, К.К. Кочиев, Р.Д. Остаева и др. Данная комиссия в короткие сроки при консультации с законодателями из Владикавказа разработала текст конституции. Затем перешли к его всенародному обсуждению. Разумеется, данный проект, опубликованный на страницах газет Южной Осетии, прошел соответствующую юридическую и общественную экспертизу, а 2 ноября 1993 г. Верховный Совет Южной Осетии принял важнейший документ в качестве Конституции Республики Южная Осетия.

Таким образом, ежегодно день 2 ноября считался в молодой и пока непризнанной никем республике праздничным. Для народа Южной Осетии он являлся таковым в основном потому, что республика, находившаяся в блокаде и почти изоляции (если не иметь в виду ее связи с Северной Осетией), обрела политико-правовую основу своей практической и духовно-нравственной деятельности. Дело в том, что после ликвидации в декабре 1990 г. Юго-Осетинской автономной области в составе Грузии по требованию Тбилиси на территории Южной Осетии были расформированы структуры судебных органов, прокуратуры, милиции, разоружены милицейские органы и т.д. Выйдя из вооруженного противостояния с Грузией в 1989–1992 гг., Южная Осетия фактически осталась без правоохранительных органов, других государственных структур. В такой сложной ситуации, которая грозила превратить ее в настоящий анклав криминалитета, Южная Осетия могла потерять все, начиная от элементарной стабильности и порядка и заканчивая основами государственности.

Немало интересных и актуальных материалов в томе не только о первой Конституции РЮО 1993 г., но и о второй Конституции 2001 г.

Большое значение для создания государственности сыграла помощь Москвы и лично мэра столицы Ю. М. Лужкова. Переписка Л.А. Чибирова и Ю.М. Лужкова проливает свет не только на финансовую помощь Москвы Цхинвалу, но и на многие другие детали и «мелочи». Подчеркнем, что такую эффективную помощь столица нашего государства оказывала Южной Осетии фактически со дня ее блокады политическим руководством Грузии. О том свидетельствуют многие конкретные факты, в том числе построенный целый микрорайон на окраине г. Цхинвала, который в народе прозвали «Московским».

В первом томе содержатся письма президента Южной Осетии Чибирова – Лужкову и Лужкова – Чибирову. Так, например, в письме Ю.М. Лужкову от 8 февраля 2000 г. Л.А. Чибиров убедительно просил оказать содействие в строительстве малых электростанций Южной Осетии; в обеспечении республики минимально необходимой коммунальной и дорожной техникой; школ – учебной и методической литературой на русском языке; в оказании помощи в заключении соглашения о сотрудничестве между Правительством Москвы и РЮО и т.д.

В настоящем издании приводятся интересные документы и уникальные факты из истории начального этапа становления государственности в Южной Осетии.

Последняя глава первого тома посвящена миротворческим силам и правоохранительным органам, созданию армии молодой республики, укреплению структур правопорядка, трудовой дисциплины на предприятиях.

В материалах главы «Миротворческие силы» представлены уникальные документы и факты, как единственная стабилизирующая сила в зоне конфликта выполняла свою важную миссию. Миротворцы фактически спасли народ Южной Осетии от геноцида со стороны правительства Грузии. Заметим, что о геноциде осетин в 1920, 1989–1992 и 2008 гг. в историографии Кавказа и в целом Российской Федерации имеется целый комплекс научно-исследовательских и публицистических работ.

Во втором томе (СКК. Переговорный процесс. Социально-экономическое положение. 2021. 497 с.) 3–9-я главы посвящены Смешанной контрольной комиссии (СКК), переговорному процессу; связям с внешним миром, социально экономическому положению республики; образованию, здравоохранению и культуре, праздничным мероприятиям, взаимоотношениям Северной и Южной Осетии. Здесь же переписка руководства Республики Южная Осетия с известными российскими политическими и государственными деятелями. А в 9-й главе хроника основных событий излагается с сентября 1993 по декабрь 2001 г. Все это представляется в высшей степени интересным для специалиста, пробующего свои профессиональные навыки в сфере глубокого и всестороннего изучения современной Южной Осетии.

Документы и материалы внешнеполитического блока непременно помогут в глубоком и объективном анализе предпринимавшихся руководством республики последовательных шагов по урегулированию межнационального, этнополитического грузино-осетинского вооруженного противостояния. Они же расскажут о деятельности теперь уже четырехсторонней Смешанной контрольной комиссии (СКК), подтвердят не только исключительную сложность и противоречивость переговорного процесса, но и позволят более рельефно взглянуть на некоторые важнейшие документы международного характера, как, например, Меморандум «О мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте», подписанный в мае 1996 г. в Кремле.

Обращает на себя внимание глава об «осетино-осетинских» отношениях. В ней говорится и о том, что впервые на государственном уровне в период руководства республикой Л.А. Чибировым были заложены основы сотрудничества между парламентами обеих республик и подписан в ноябре 1996 г. первый договор между правительствами Севера и Юга о сотрудничестве и взаимной помощи.

В третий том (Пресса: местная, российская, зарубежная. Как мы строили государство. 2022. 511 с.) вошли разнохарактерные материалы. По объему и значимости особенно выделяется 10-я глава: «Пресса местная, российская, зарубежная». Через зеркало прессы высвечены многие актуальные проблемы жизнедеятельности республики в те тяжелейшие годы. Здесь материалы о переговорном процессе, о встречах в верхах: Шеварднадзе – Чибиров, о причинах перехода к президентской форме правления, социально-экономическом положении, об учреждении и праздновании Дня Республики, и др. Л.А. Чибиров отстаивал интересы республики не только как ее президент, но и как ученый-историк и публицист, разоблачая на страницах прессы фальсификаторов грузино-осетинских исторических взаимоотношений.

В трехтомнике немало выступлений самого президента РЮО на различных мероприятиях как внутри республики, так и за ее пределами. При этом и небольшие выступления были направлены на укрепление государственности. Например, «Обращение к народу» от 3 июня 1998 г., выступление на собрании, посвященном Дню молодежи от 10 августа 1998 г., выступление на праздничном митинге 20 сентября 1999 г., посвященном девятой годовщине РЮО. В них первый президент четко сформулировал основные задачи и перспективы совершенствования и укрепления государственности в Республике Южная Осетия.

Перед руководством республики и лично Л.А. Чибировым стояла достаточно сложная задача – навести порядок и приступить к строительству новой мирной жизни. Теперь же составленный Л.А. Чибировым трехтомник представлен на объективный суд специалистов и широкой общественности, которые должны по достоинству его оценить. Кроме этой работы автор написал (в трехтомнике много выступлений, статей, интервью первого президента РЮО) и опубликовал сотни научных работ, включая и фундаментальные научные монографии, которые на слуху у специалистов не только РФ, но и других стран. Настоящий трехтомник является уникальным изданием, не имеющим аналогов. Если бы автор-составитель больше ничего не издал, кроме настоящего объема-

ного и актуального трехтомника, он бы и в этом случае создал себе и для своей любимой Осетии бесценный памятник. Удачи вам, дорогой Людвиг Алексеевич!

Информация об авторе

В.Д. Дзидзоев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии.

Information about the author

V.D. Dzidzoev – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science.

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-101-104

У истоков консерватизма в России (Гриценко К.А. Князь М.М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2021. 182 с.)

Александр Сергеевич Ищенко

Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт Донского государственного аграрного университета, Новочеркасск, Россия, ischenko-2010@mail.ru

Для цитирования: Ищенко А.С. У истоков консерватизма в России (Гриценко К.А. Князь М.М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2021. 182 с.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 101–104.

Book Review

At the Origins of Conservatism in Russia (Gritsenko K.A. Prince M.M. Shcherbatov and the conservative trend of Russian socio-political thought of the second half of the 18th century. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2021. 182 p.)

Aleksandr S. Ishchenko

Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute, Don State Agrarian University, Novocherkassk, Russia, ischenko-2010@mail.ru

For citation: Ishchenko A.S. At the Origins of Conservatism in Russia (Gritsenko K.A. Prince M.M. Shcherbatov and the conservative trend of Russian socio-political thought of the second half of the 18th century. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2021. 182 p.). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):101-104. (In Russ.).

Актуальность темы рецензируемого исследования не вызывает сомнений. Князь М.М. Щербатов был одним из наиболее ярких русских общественно-политических деятелей эпохи Просвещения. В его общественно-исторических и политических взглядах как в зеркале отражались все сложности и противоречия того времени. Их изучение поэтому позволяет не только более четко определить «его место в отечественной культуре и общественной мысли, но и понять важнейшие, наиболее характерные черты в культуре русского Просвещения» (с. 4). Поскольку М.М. Щербатов стоял у истоков зарождения консерватизма как идейного течения и политического направления в России, то можно согласиться с автором и в том, что вне учета его воззрений «сложно уяснить характерные черты русского консерватизма последующего времени» (с. 5).

Несмотря на значительный интерес к фигуре князя М.М. Щербатова в историографии, наличие отдельных работ, посвященных изучению его жизненного пути, исторических и политических взглядов, целостного исследования, в котором бы содержалась комплексная характеристика его деятельности, общественно-исторических и политических идей князя, не проводилось. Восполнению этого пробела и служит данная монография.

Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и приложений. Во введении автором показана актуальность выбранной темы, степень ее изученности, очерчены хронологические рамки и круг источников. Ведя речь о структуре работы, нельзя не отметить обстоятельный подход к историографии проблемы, анализ которой позволил выделить различные пути изучения деятельности и творческого наследия М.М. Щербатова.

© Ищенко А.С., 2022

Работа К.А. Гриценко базируется на достаточно обширной источниковой базе, представленной историческими и публицистическими трудами М.М. Щербатова, его письмами, включая хозяйственную переписку с управляющими поместий, произведениями иностранных и русских авторов, русскими законодательными актами XVIII в. Значительная часть использованных в работе документов относится к архивным материалам из фондов РГАДА, ряд из которых вводится автором в научный оборот впервые.

Отдельного внимания заслуживают теоретическая и методологическая основы исследования. В теоретическом плане К.А. Гриценко опирается на получившие развитие в современной отечественной исторической науке идеи новой интеллектуальной истории, предполагающей, в частности, «анализ разнообразного мыслительного инструментария» эпохи и выдающейся ее личности с учетом «все усложняющихся взаимоотношений с “внешним” миром культуры» (с. 29). В качестве такового мыслительного инструментария в творчестве М.М. Щербатова К.А. Гриценко усматривает идеи Просвещения. Взгляды историка на прошлое и настоящее России рассматриваются при этом как выражение формировавшегося консерватизма. Помимо обязательных для любого исторического анализа общеисторических принципов и основанных на них методов исследования автор опирается на такие принципы современной исторической науки, как понимание человека прошлого и культуры его времени, на принципы лингвизма и интертекстуальности. Следует подчеркнуть, что все перечисленные во введении методы включены в исследовательский процесс и реально «работают» на достижение поставленной цели.

Первая глава «Особенности консервативной общественно-политической мысли в России до второй половины XVIII в.» состоит из двух параграфов и посвящена предыстории русской консервативной мысли, ее специфике. В первом параграфе представлена общая характеристика консервативных настроений в русском обществе, традиционалистских в своей основе, которые сформировались и получили распространение в стране после Смуты начала XVII в. Эти настроения находили свое выражение в обосновании права династии Романовых на власть родством с прежней династией, в возникшем в результате раскола Русской православной церкви старообрядчестве и в сформулированной в самом начале XVIII в. Г. Талицким теории «Петр – царь-антихрист». Нельзя не согласиться с автором и в том, что консервативные настроения основывались на апелляции к прошлому, его идеализации и недовольстве происходившими в стране переменами.

Во втором параграфе представлен подробный анализ консервативного восприятия в российском обществе XVIII в. личности Петра I и его реформ. Русская консервативная идея в этот период стала выступать в форме апологетики Петра и порядков его времени. Идеализация деятельности первого российского императора соединялась при этом с недовольством положением в современном российском обществе, царившими в нем нравами, что нашло отражение в литературе того времени. Автор обращает внимание на образы таких недовольных дворян, выведенные в произведениях Д.И. Фонвизина, выделяет в процессе развития консервативной мысли в России три этапа: допетровский, петровский и послепетровский или, по имени одного из героев фонвизинского «Недоросля», – стародумовский.

Вторая глава «Формирование общественно-политических взглядов М.М. Щербатова» посвящена факторам, повлиявшим на формирование его взглядов, – происхождение, круг чтения, личный и общественный опыт. В первом параграфе раскрываются обстоятельства происхождения, положения и деятельности М.М. Щербатова. Особенно интересны здесь страницы, посвященные хозяйственной занятости князя как вотчинника-крепостника и предпринимателя. Опираясь на документы его личного архива, К.А. Гриценко рисует образ М.М. Щербатова как крупного землевладельца, строгого по отношению к крепостным и приказчикам, соблюдающего свои материальные интересы и в то же время готового при необходимости защищать своих крестьян.

Во втором параграфе содержится анализ круга чтения князя и основных положений в литературе, оказавшей влияние на его мировоззрение. Подобный анализ ясно продемонстрировал свою эффективность при изучении средневековых текстов и средневековой культуры, что проявилось в процессе выявления внутренних смыслов русской летописи И.Н. Данилевским. Между тем он в полной мере может применяться к изучению культуры и более позднего времени, поскольку она также строилась на передаче и переработке опыта предшествующей культуры, находившей выражение в многообразной литературной традиции. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что

«круг чтения М.М. Щербатова оказал значительное влияние на формирование его мировоззрения. Европейская и античная литература стали фундаментом его общественно-политических взглядов, которые нашли свое выражение в публицистической деятельности и в проекте купеческой школы. При этом в своих сочинениях М.М. Щербатов имел собственную точку зрения и адаптировал к условиям России идеи Просвещения» (с. 79).

В третьей главе «Прошлое России и российская современность в оценках М.М. Щербатова» автором дается анализ его взглядов по отношению к истории России и к современному ее состоянию. В первом параграфе содержится характеристика подходов М.М. Щербатова к отечественной истории и оценка им ее событий и героев. Исторические труды М.М. Щербатова рассматриваются при этом в контексте европейской историографии того времени, как пример характерного для стран Европы XVIII в. национально-государственного метанарратива. Убедительно показано, что в качестве философской основы исторических трудов М.М. Щербатова выступали просветительский рационализм и гуманизм, что при характеристике событий и героев российского прошлого он опирался на оценочный подход. Последний был у него выражен не менее ярко, чем позднее у Н.М. Карамзина. В связи с характеристикой политических взглядов М.М. Щербатова, бывшего сторонником монархии с аристократическим правлением и осуждавшего самовластье, интерес представляют наблюдения автора о содержащихся в его «Истории Российской от древнейших времен» скрытых смыслах. Так, указания на приход к власти Бориса Годунова нес, по мнению К.А. Гриценко, скрытую критику вступления на престол Екатерины II. Наблюдение интересное, но недостаточно обоснованное. Сложно, однако, не согласиться с выводом автора, что за историей М.М. Щербатов «видел возможность выступать в качестве наставника современного общества, всех более поздних сообществ. Представление его о подобной общественно значимой роли истории выступает в тексте труда его вторым планом, но вполне понятным для просвещенного современника» (с. 95).

Во втором параграфе, посвященном характеристике М.М. Щербатовым недавнего прошлого и современного ему состояния русского общества, подробно анализируется его сочинение «О повреждении нравов в России». В этом произведении, являвшемся одновременно историческим трудом, публицистикой и художественным произведением, имела место идеализация старины, однако его автор вовсе не выступал в качестве ретрограда и реакционера. «Позитивная оценка старых нравов не означала у него отказа от множества положительных явлений, распространившихся благодаря петровским реформам, и прежде всего от просвещения, которое он очень высоко ценил» (с. 104). Интерес вызывают также наблюдения автора об источниках данного щербатовского сочинения, в частности о влиянии на него «Югуртинской войны» Саллюстия, послужившей в идейном и отчасти композиционном отношении его интертекстом.

В четвертой главе «Общественно-политические идеалы М.М. Щербатова и особенности щербатовского консерватизма» рассматриваются его представления о лучшей форме общественно-государственного устройства и особенности его консерватизма. В трех параграфах последовательно проанализированы взгляды князя на реформы Петра I и его отношение к самому царю-реформатору, его представления на примере произведения «Путешествия в землю Офирскую» о положительном образце государственного и общественного устройства и собственно сами характерные черты щербатовского консерватизма. Последние, по мнению автора, состояли в том, что консерватизм М.М. Щербатова был «одновременно и последовательным, и противоречивым. Последовательным и убежденным консерватором он выступал по крестьянскому вопросу. Консерватором он также выступал при решении вопроса о месте дворянства в современном российском обществе». Некоторое отступление от консерватизма в этом вопросе М.М. Щербатов допускал лишь тогда, «когда говорил о возможности принятия в ряды дворянства и дарование дворянских титулов за заслуги перед государством. Не заметен его консерватизм при характеристике им форм государственного правления. При этом его резкое неприятие самовластного правления было в духе передовой идеологии французских просветителей накануне Великой Французской буржуазной революции. Как прогрессивный просветитель он выступал за развитие наук и просвещения» (с. 138–139). Князь М.М. Щербатов, таким образом, как убеждает нас автор, не был вполне последовательным консерватором. Поскольку консерватизм как направление общественной мысли нового времени окончательно сложится только после Великой Французской буржуазной революции, то его консер-

ватизм К.А. Гриценко вполне обоснованно признает «ранним и незрелым. Это была начальная, щербатовская стадия в развитии русского консерватизма» (с. 141).

В заключении книги автором подведены итоги исследования, сделаны обобщающие выводы, органически вытекающие из основного содержания работы.

В качестве приложений в конце монографии помещен ряд документов из вотчинного архива М.М. Щербатова. Эти источники дают дополнительное и наглядное представление о хозяйственной деятельности князя и об отражении в языке его распоряжений и переписке социальных связей и политических настроений.

Несмотря на общую высокую оценку рецензируемой работы, по ее содержанию можно высказать несколько замечаний.

Так, в разделе введения, посвященном истории изучения темы, и являющимся, как уже отмечалось, достаточно основательным, К.А. Гриценко все же не учла ряд историографических трудов советского периода. Речь идет, в частности, о курсах лекций и учебных пособиях по историографии, принадлежащих перу Л.В. Черепнина, С.Л. Пештича и А.Л. Шапиро. Не менее досадно незнание автором зарубежной историографии российского консерватизма в целом и князя М.М. Щербатова в частности. Например, можно было учесть работу историка У. Дэниэла [1], а также труды других русистов, обращение к которым, несомненно, только бы обогатило рассуждения и выводы автора.

История консервативных настроений в русском обществе отсчитывается в работе с XVII в. Для этого имеются основания. В то же время данная точка зрения противоречит положению С.М. Соловьева, согласно которому консервативные силы в русском обществе прослеживались и ранее, они были недовольны процессом укрепления государственного начала в жизни страны еще в период объединения русских земель вокруг Москвы. Эти силы были и в верхах, и в низах общества, а в период Смуты им удалось потрясти основы государства. Так, может быть, о консервативных настроениях в русском обществе следует говорить еще до начала царствования Михаила Романова?

Тем не менее указанные замечания ни коим образом не заслоняют общего положительного впечатления от прочтения монографии К.А. Гриценко, представляющей собой самостоятельное и глубокое исследование, посвященное научно значимой теме и выполненное на высоком методологическом и источниковедческом уровне. Книга представит несомненный интерес не только для специалистов по истории России XVIII в. и истории общественно-политической мысли, но и для широкого круга интересующихся историей читателей.

Список источников

1. Daniel W. Conflict between Economic Vision and Economic Reality: The case of M.M. Shcherbatov // *The Slavonic and East European Review*. 1989. Vol. 67, № 1. P. 42–67.

References

1. Daniel W. Conflict between Economic Vision and Economic Reality: The case of M.M. Shcherbatov. *The Slavonic and East European Review*. 1989;67(1):42-67.

Информация об авторе

А.С. Ищенко – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных технологий.

Information about the author

A.S. Ischenko – Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Technologies.

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2022-3-105-108

**Политические институты Турции и модернизация турецкого общества
(Вартаньян Э.Г. Социально-политическая система Турецкой Республики:
история и современность. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного
университета, 2021. 225 с.)**

Игорь Миронович Узнародов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
iguz2010@yandex.ru

Для цитирования: Узнародов И.М. Политические институты Турции и модернизация турецкого общества (Вартаньян Э.Г. Социально-политическая система Турецкой Республики: история и современность. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2021. 225 с.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 105–108.

Book Review

**Turkey's Political Institutions and Modernization of Society
(Vartanyan E.G. Socio-Political System of the Turkish Republic:
History and Modernity. Krasnodar: Kuban State University Press, 2021. 225 p.)**

Igor M. Uznarodov

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, iguz2010@yandex.ru

For citation: Uznarodov I.M. Turkey's Political Institutions and Modernization of Society (Vartanyan E.G. Socio-Political System of the Turkish Republic: History and Modernity. Krasnodar: Kuban State University Press, 2021. 225 p.). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(3):105-108. (In Russ.).

Монография известного учёного, доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета Эгнэры Гайковны Вартаньян посвящена весьма актуальной теме – социально-политической системе Турецкой Республики. Сегодня – это промышленно развитая страна, занимающая 13-е место в мире по объёму ВВП по паритету покупательной способности, а её население немного превышает население Германии, уступая среди европейских стран только России. Турция входит в НАТО, имея вторую по численности и военной мощи армию на европейском континенте, занимает важные стратегические позиции, находясь между Европой и Азией, контролируя соответствующие транспортные пути, и, что особенно важно, проливы, соединяющие Средиземное и Чёрное моря.

Хотя Турецкая Республика уже более 20 лет является кандидатом на вступление в Европейский Союз, у неё складываются непростые отношения с ЕС из-за проблем с мигрантами, а также из-за притязаний на газовые месторождения на кипрском шельфе Восточного Средиземноморья. Неоднозначно развиваются отношения и с другими соседями по региону, включая Россию. При этом не последнюю роль играет проводимая Анкарой политика поддержки националистических идей и стремление объединить под своим началом тюркоязычные мусульманские народы, некогда входившие в состав Османской империи.

Рассмотрение вопросов, которые находятся в центре исследования Вартаньян, позволяет лучше понять истоки и движущие силы внутренней и внешней политики современного турец-

кого руководства. В монографии выделены три этапа социально-политического развития страны: период Первой республики (1923–1960 гг.), период Второй республики (1961–1981 гг.) и период Третьей республики (1982 г. – настоящее время). Автор анализирует государственное устройство, особенности политической системы, расстановку политических сил, социальную политику правительств.

В книге использован обширный массив отечественной литературы, а также источники на турецком и английском языках. В отличие от многих изданий рецензируемая монография сопровождается рядом справочных приложений. Представлены списки президентов и премьер-министров Турции с указанием их политической принадлежности и годов пребывания в должности, словарь использованных терминов, хронологическая таблица. Особый интерес вызывают персоналии, содержащие краткую характеристику деятельности главных политических фигур страны, и их фотографии.

Две главы, открывающие книгу, посвящены Первой республике. В первой главе показана роль М. Кемалья Ататюрка в становлении республиканского режима, проведении реформ, дана характеристика системы государственного управления и системы правосудия. Подчеркивается, что, укрепив своё положение, кемалисты продолжили усилия по преодолению средневековых устоев в быту и развитию буржуазных порядков. Эта политика ослабила общественное влияние мусульманского духовенства, но, как отмечает автор, речь шла не о борьбе с религией, а о её подчинении буржуазному государству. Поэтому логично и оправданно выглядит значительное внимание, которое уделено анализу идеологии кемализма. Важным и объективным представляется вывод о том, что кемализм не являлся целостной системой и включал в себя набор эклектичных принципов, отражавших борьбу за независимость и создание нового государства. В конечном итоге автор констатирует, что в Турции создали буржуазно-помещичье государство, бывшее парламентской республикой по форме правления.

Расстановка политических сил в 1923–1960 гг. рассматривается во второй главе монографии. Особое внимание уделено Народно-республиканской партии, созданной М. Кемалем и его соратниками, её программным принципам. Хотя партия по своему составу и политическому характеру была буржуазно-помещичьей, её лидеры отрицали классовые противоречия в турецком обществе, пытались выдать себя за выразителей общенародных интересов. Несмотря на наличие в стране других политических партий, после разгрома кемалистами в 1925 г. Прогрессивно-республиканской партии и в 1926 г. остатков младотурецкого комитета «Единение и прогресс», в Турции на долгие годы установилась по сути дела однопартийная система. Анализируя ситуацию после окончания Второй мировой войны, автор выявляет причины начавшегося демонтажа однопартийной системы, но показывает, что пришедшая к власти Демократическая партия пошла по пути авторитарного правления. В 50-е гг. правительство поощряло националистические настроения, поддерживало возрождение религиозного фанатизма, подавляло всякую оппозиционную деятельность. В результате антинародной политики турецкое общество оказалось в жесточайшем кризисе, а период Первой республики завершился государственным переворотом 1960 г.

Третья глава содержит анализ турецкой политической системы в годы Второй республики (1961–1981), которая получила название в связи с принятием новой конституции. Как отмечает автор, важной отличительной чертой Второй республики стало утверждение многопартийной системы и стремление соблюдать конституционные процедуры. Однако ни коалиционные, ни однопартийные правительства, часто сменявшие друг друга, не смогли решить неотложные социально-экономические проблемы и обеспечить политическую стабильность. На общей ситуации прежде всего сказывалось то, что при укреплении ведущего капиталистического уклада в стране сохранялись и докапиталистические уклады вместе с соответствующими социальными группами. На политическую борьбу оказывали влияние и традиции, и религиозные особенности, затрагивавшие значительную часть населения. Автор также обращает внимание на ожесточённую борьбу за власть между буржуазными партиями, что по сути дела превращало армию в своеобразного политического арбитра. Не случайно в условиях чрезвычайного обострения социально-политической обстановки в сентябре 1980 г. военными был совершён государственный переворот.

Основные направления социальной политики турецких правительств в 1923–1981 гг. раскрываются в четвёртой главе. Читатель узнаёт о росте классовой дифференциации в обществе,

о тяжёлом материальном положении трудящихся. Несмотря на принятые законы о труде и о наделении крестьян землёй, социальная напряжённость нарастала, о чём свидетельствовал рост и крестьянского, и рабочего движений. Анализируя социально-экономические проблемы, Вартамян показывает застой в экономике, быстрое увеличение числа безработных, наличие серьёзного жилищного кризиса. После Второй мировой войны все указанные проблемы вызвали массовую эмиграцию турок в другие европейские страны. На фоне экономических трудностей во второй половине 1970-х гг. и неспособности правительств справиться с ними начались мощные выступления трудящихся, сопровождавшиеся активизацией анархистов и экстремистов. Всё это подтолкнуло турецких военных к государственному перевороту.

В ноябре 1982 г. в Турции была принята новая конституция, положившая начало Третьей республике и современному этапу развития страны, который продолжается и сегодня. В пятой главе автор подробно рассматривает содержание конституции и её особенности, делает вывод, что её основная задача – поднять авторитет государства и усилить исполнительную власть по сравнению с законодательной и судебной. Показано значение принятых в 1983 г. законов о политических партиях и о выборах депутатов парламента. Вскоре в стране образовались 15 политических партий и были заложены основы для перехода к гражданскому правлению. Помимо чисто политических проблем в данной главе внимание также уделено начавшимся реформам под руководством главы правительства Т. Озала, направленным на либерализацию экономики и укрепление рыночных отношений. В результате удалось достичь высоких темпов ВВП, но в конце 1980-х гг. экономические проблемы вновь обострились и в стране разразился очередной кризис, выйти из которого удалось только во второй половине 1990-х гг.

В шестой главе анализируется роль ислама и армии в жизни турецкого общества. После Второй мировой войны в стране наблюдалось постепенное восстановление позиций ислама, но после имевших место военных переворотов этот процесс приостановился. Однако в 70-е гг. исламские настроения опять начинают расти, что сопровождается появлением исламских политических партий. В 90-е гг. процесс исламизации проявился в активизации религиозных орденов и во всё большей популярности Партии благоденствия. После запрещения последней на передовые позиции выдвинулась Партия справедливости и развития (ПСР), основанная в 2001 г., которая одержала безоговорочную победу на выборах в ноябре 2002 г. ПСР с тех пор доминирует, но, по мнению автора, её всё же нельзя отнести к привычным партиям исламистского толка. Руководители партии сумели сформировать широкую политическую платформу, не апеллируя исключительно к мусульманскому или этническому электорату. В то же время по мере усиления ПСР армия, игравшая важную политическую роль в стране, начала понемногу утрачивать своё значение. Данная тенденция была закреплена в Конституции Турции после всенародного референдума 2010 г., что ещё более усилило позиции ПСР.

Социально-политическая система Третьей республики в годы правления ПСР характеризуется в седьмой главе. Вартамян анализирует политику партии и даёт объективную оценку её лидерам, включая действующего президента Турецкой Республики Р.Т. Эрдогана. С самого начала партийным руководством предпринималась попытка доказать возможность сосуществования принципов ислама и светского общества. При этом осуществлялась масштабная программа приватизации и обеспечивался приток в страну иностранного капитала. Несмотря на острую внутрипартийную борьбу по программным вопросам, последовательная стратегия экономического роста привела к известным экономическим успехам. Соответственно укреплялись политические позиции ПСР, которая уверенно побеждала на парламентских выборах. Автор указывает, что важнейшим событием XXI в. стала неудавшаяся попытка военного переворота в 2016 г. Введение режима чрезвычайного положения, напряжённая и неустойчивая внутренняя обстановка способствовали усилению авторитарных методов правления. В конечном итоге это привело к переходу от парламентской к президентской республике. Соответствующие поправки к конституции, включая увеличение полномочий президента, были одобрены на референдуме в апреле 2017 г.

Сегодня важнейшую роль в политической жизни Турции играет курдская проблема. Поэтому вполне закономерно, что восьмая глава монографии посвящена именно ей. По конституции все турецкие граждане имеют равные права, но о других народах, проживающих на территории страны, в ней ничего не говорится. Поэтому вполне логичной выглядит борьба курдов за признание их этноса и требование предоставления автономного статуса турецкому Курдистану.

Автор показывает особенности этапов борьбы курдского народа за свои права, обращает внимание на то, что турецкая армия периодически вела военные действия против курдов. При этом руководству Турецкой Республики приходится учитывать требование своих коллег из Европейского Союза (куда Турция хочет вступить) о решении курдской проблемы политическим путём. Таким образом подходы к курдскому вопросу постоянно менялись – на смену жестким, силовым способам приходили попытки политического диалога, направленные на общее смягчение позиций сторон конфликта. Ситуация в Курдистане ещё более обострилась после неудавшегося военного переворота 2016 г., когда опять возобладали силовые методы. Завершается глава размышлениями автора о перспективах разрешения курдской проблемы. Единственный реальный путь – это справедливое и демократическое урегулирование путём мирных и конструктивных переговоров всех заинтересованных сторон.

Подводя итог, следует отметить, что монография Э.Г. Вартамян представляет собой серьёзное научное исследование. Выводы и обобщения автора основываются на многочисленных источниках и опубликованных трудах по избранной теме. Анализируется процесс становления социально-политической системы современной Турции, что очень важно для понимания нынешней ситуации в стране и политики, проводимой её руководством. Читается монография легко, и думается, что она понравится всем, кто интересуется данной проблематикой. Несомненно, она будет полезна и другим исследователям в их научной работе, а также студентам, изучающим историю и политику Турецкой Республики.

Информация об авторе

И.М. Узнародов – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

I.M. Uznarodov – Doctor of Science (History), Professor.

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 28.09.22. Выход в свет 30.09.22.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 12,52. Тираж 250 экз. Заказ № 8639

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print September 29, 2022. Publication September 30, 2022.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 12.55. Publ. sign. 12.52. Edition 250 copies. Order number 8639

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bldg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе Microsoft Office Word 2000, 2003, 2007, 2010, 2016 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman, размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2022-3.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2022. № 3